М. Н. БОГДАНОВ

Из жизни русской природы

Модест Николаевич Богданов (1840—1887)

М. Н. БОГДАНОВ

Из жизни РУССКОЙ ПРИРОДЫ

КНИГА
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ

*Государственное
учебно-педагогическое
издательство
Министерства просвещения
РСФСР
Москва — 1960*

Рисунки художников
В. В. Трофимова, В. И. Преображенской
и *Н. Я. Гембицкой*

Композиция
и художественная редакция
М. Л. Фрама

*

Модест Николаевич Богданов

(Биографический очерк)

Это случилось давно. В сельце Каменка, Сызранского уезда, Симбирской губернии, ранним весенним утром маленький мальчик смотрел на небо, как вьется, летает в высоком блестящем небе стайка голубей. Белые крылья их сверкали серебром, светлыми искорками на солнце. Мальчик не мог оторвать глаз от этого чудного фейерверка, от этих блесток, которые постоянно пестрели, вертелись, кружились и пролетали высоко-высоко над головой в темно-синем небе.

— Модя! — позвал его отец.— Поди сюда! Я покажу тебе мохноногого голубя-дутыша, какого ты еще не видывал.

И Модя скорехонько побежал на зов отца. Он вбежал в дом и увидал, что отец держал красивого голубя с белой маленькой головкой, с большими черными глазами навыкате, глазами, обведенными узенькими красными веками, и с черным ошейником на длинной, стройной, белой шейке. Отец выпустил голубя на стол. Голубь вытянулся, поднял голову, громко закурлыкал, и его грудь высоко отдулась, а на ней выпятился, точно пузырь, громадный зоб. Модя смотрел и не верил глазам, чтобы могли быть такие красивые и такие странные голуби.

Прошло несколько лет. Настала опять весна. Модя — в саду Симбирска. Он уже учится в симбирской гимназии [1], но спит и ви-

[1] Среднее общеобразовательное учебное заведение в дореволюционной России.

дит одних только птиц и зверьков, что живут в больших садах Симбирска. Эти фруктовые сады тянутся на несколько верст по крутому склону, спускающемуся прямо к Волге. «Это — целые леса яблонь, груш, слив, вишен, вперемежку с кустами смородины, крыжовника, барбариса и малины». «Эти сады — настоящий рай для птицелова» [1].

Модя распоряжался охотой и сам караулил птиц, расставив понцы. Раз в один день маленькие охотники поймали почти 350 птиц, между которыми были 3 черных дрозда и 133 зяблика. И вот, неслышно, незаметно среди этих забав юности, в Моде развивался будущий охотник и натуралист. Он полюбил птиц. Он еще гимназистом знал их названия, замечал, как живет каждая из них, знал ее нрав, привычки, повадки. Охоты в симбирских садах укрепили его здоровье, сделали его выносливым и привычным к грубой, суровой жизни поздней осенью и зимой в фруктовых садах на берегу широкой Волги. Великая русская река стала ему родной и положила первое начало его привязанности к жизни птиц и зверей широкого Поволжья.

* * *

Идут года за годами, уходят они в темную даль прошедшего, в бездну вечности...

Модя превратился в Модеста. Он уже кончил курс гимназии и поступил в Казанский университет. Он слушает утомительно-скучные лекции. Он изучает анатомию птиц и зверей, он рассматривает их чучела — много чучел, которые стоят в стеклянных шкафах, в зоологическом музее университета. Но все это мертвая, не живая природа. А ему хочется жизни, движения. Его тянет туда, где живет вольная птица, на простор лугов, в тень дубрав, на лоно прудов, рек и озер. Он уже много подметил из этой жизни. Он уже знает, как на заре токуют тетерева-косачи. Он уже видел, как прилетают к ним пестрые нарядные тетерки. Он знает, где они ищут корма и зимой и летом. Он даже знает, как тетерки выводят детей и чем кормятся эти крохотные пушистые детки.

И все, что он видел, подметил в великой книге живой природы, все он занес в свою записную книжку — и все это после многих лет соединил, свел вместе, сделал выводы и представил в физико-математический факультет Казанского университета, представил как диссертацию на первую ученую степень, на степень кандидата естественных наук. И ему дали эту ученую степень.

---

[1] М. Н. Богданов, Охота в симбирских садах.

* * *

Быстро бегут года. Быстро зреют, складываются наклонности и стремления человека.

В 1868 году наш ученый кандидат Модест Николаевич прислал на первый съезд русских натуралистов свой первый ученый труд, который он считал достойным печати. Это была живая картинка из жизни природы — это было наблюдение над образом жизни полевого тетерева. Модест Николаевич изучил не только, как живет тетерев, но и почему так живет. В темных лесах и на лесных лугах он не только подсмотрел жизнь тетерева в гнезде, в его колыбели, но и проследил, как он растет шаг за шагом, с каждым месяцем, и чем он питается в каждый месяц круглого года.

Природа ревниво бережет свои тайны. Дикий зверь и птица пугливо прячутся от глаз человека. Не всем удается подсмотреть и раскрыть людям тайны их жизни. Это дано только тому, кто любит природу, кто любит и дикого зверя и дикую пугливую птицу.

С малых лет, в пору юности, в годы молодости, Модест Николаевич страстно и неустанно следил за жизнью природы, и вскоре его наблюдениям стало тесно в кругу двух губерний: Казанской и Симбирской, где протекли его детство, юность и где проходила его молодость. Его тянуло на простор лугов и степей широкой русской реки, на простор волжского прибережья. Он уже рискнул раз со своими товарищами прокатиться по Волге. Он видел антоновские и жигулевские красивые гористые берега Волги. Казанское общество натуралистов исполнило его заветную мечту. Оно послало его изучать страны Поволжья. Он опять едет с товарищами, с друзьями, сперва в лодке, затем на пароходе. Он спускается в низовья Волги, в ее устья, в ее бесчисленные проливы, ерики, и здесь, на плоских песчаных отмелях, на островках Каспия Модеста Николаевича в первый раз поражает шумная, крикливая жизнь бесчисленных стай разнородных водяных птиц. Тучи чаек летают над ним, другие покрывают берега, сидят вплотную друг подле друга на гнездах, в вырытых в песке ямках. Громадные белые пеликаны вытянулись в ряд на песчаном берегу и дремлют, пригнув свои зубастые клювы-мешки к выпуклой белой груди. Множество черных длиннокрылых бакланов с криком носится в воздухе, плавает в воде. А там, ближе к степи, стоит целое войско красных фламинго; стоят они на длинных ногах, вытянув длинные шеи; а высоко, в темно-синем сияющем небе, летают они же, эти красные гуси, точно красные распластанные платки.

* * *

Быстро летят годы, а в их течении мужает и крепнет мысль человека. Перед его глазами раскрываются мало-помалу, ступенька за ступенькой, новые, более широкие горизонты. Отрывочные наблюдения переходят в обобщение, в теории и гипотезы, копится материал для более общих выводов.

Много уж этого материала набралось у Модеста Николаевича. Он исследовал жизнь птиц и зверей в губерниях: Симбирской, Казанской, Саратовской и отчасти Пензенской. Он исследовал Поволжье. Теперь из всего собранного он построил трудное и великое дело. Он указал, как расселены звери и птицы в черноземной полосе Поволжья, какие почвы и в какой последовательности залегают в этой громадной полосе. Он разделил все приволжские страны на пять областей: 1) древние сосновые боры и лиственные леса; 2) черноземные ковыльные степи Симбирской и Саратовской губерний; 3) окраины чернозема, состоящие на севере (Казанской губернии) из дубовых и липовых лесов, а на юге (Саратовской губернии) — из глинистых ковыльных степей; 4) еловые леса, которые выросли в Казанской губернии на поднявшемся дне очень древнего Ледовитого моря, и, наконец, 5) песчаные арало-каспийские степи. Указав на эти области, Модест Николаевич осветил, какие птицы и звери заселяют их и почему они живут в тех или других местах этих областей.

Это был первый основной камень в трудной работе составления зоологической карты Европейской России. Положив этот первый трудовой камень, Модест Николаевич положил затем и последний.

Начертав зоогеографические области Поволжья, Модест Николаевич делает второй гигантский шаг на юг,— туда, где заканчиваются некоторые из этих областей и где также залегают черноземные полосы. Казанское общество натуралистов посылает его на Кавказ. И вот перед Модестом Николаевичем в первый раз в его жизни развернулась южная кавказская природа во всей ее дикой, величавой красоте. Он с жадностью рыщет в вековых кавказских нагорных лесах, напоминающих по богатству растительности леса тропиков. Там дикая лоза винограда, иногда толщиной в ногу человека, обвивает и душит тысячелетние дубы. Плющи гирляндами переплетаются, вьются по деревьям и образуют непроходимую колючую чащу. Каштаны перемежаются с буками и чинарами. Масса диких фруктовых деревьев — яблонь, груш, слив — растет в этих лесах. Здесь рай для кабана и его недруга медведя. В этих лесах, по уступам скал и кавказских гор, Модест

Николаевич ищет кавказского тетерева — редкую птицу, образ жизни которой до сих пор остается неизвестным. Верхом он переезжает два раза взад и вперед Тубинский перевал. Жестокая кавказская лихорадка захватывает его в горах; три казака, бывшие с ним, везут его, еле живого, ослабевшего, в беспамятстве, через горы, бережно поддерживая на седле. С черноморского берега он переехал в Грозную [1], поправился, но перед возвращением в Россию страсть к исследованию природы и к охоте снова вернула к нему кавказскую лихорадку. Он хотел исследовать дельту Терека и поохотиться на кабанов. Ночью с казаками-охотниками он засел на рисовом поле, а на другой день снова вернулись жестокие пароксизмы лихорадки.

Исследованиями кавказских птиц, вышедшими отдельной книгой, Модест Николаевич положил новый основной камень для полного изучения этих животных.

* * *

Окрепнув в постоянных разъездах, путешествиях, в жизни на воздухе, среди лесов и лугов, получив по наследству здоровую, крепкую натуру, Модест Николаевич не боялся тяжестей и лишений дальних путешествий. Его теперь тянуло на окраины России, туда, где кончались намеченные им области, туда, где они граничили с другими областями. Он мечтал о восточных песчаных равнинах, по которым текут степные реки Аму-Дарья и Сыр-Дарья. И мечта его осуществилась.

Страшную, тяжелую путину пришлось совершить ему. Он прошел безводные степи из сыпучих песков Кизыл-Кум и Джаман-Кум и, наконец, пришел на место Хал-Ата. Здесь был небольшой родник. Из него набрали воду. Жар палил днем, холодные ночи сменяли дневной жар. Каждый день в 10 часов поднимался страшный ветер и нес целые тучи песка. Сквозь песчаный ураган ничего нельзя было видеть. Песок хлестал по лицу, по рукам, набивался в рот, в глаза. Войлочные кибитки (палатки) не могли защитить от него бедных путников.

Прошло несколько дней.

Двинулись дальше, по степям еще более сухим, безводным. Ближайшая стоянка впереди на урочище Адам-Кирылган не обещала ничего доброго. Найдут ли они воду в этом месте или колодцы занесло песком, и они посохли? Самое название места было

---

[1] Так называлась крепость, расположенная на подступах Кавказа на реке Сунже. Возле нее возник город Грозный — ныне столица Чечено-Ингушской АССР.

зловещее — Адам-Кирылган, по-хивински значит «гибель человека».

На очень тяжелом переходе верблюды падали сотнями, а всего погибло их в ужасных песках 1400 голов.

На Адам-Кирылгане нашли немного воды. Послали разведочную партию. Она вернулась поздней ночью и привезла радостное известие, что колодцы найдены. Тотчас же был подан сигнал к вьючке и выступлению отряда на эти колодцы... «Но — увы! — говорит Модест Николаевич в своем хивинском дневнике,— вьючить многое было не на что — такая масса верблюдов погибла на переходе с Адам-Кирылгана».

* * *

Пришла осень. Экспедиция вернулась из похода. Модесту Николаевичу удалось обследовать, насколько возможно было, страну, и он издал книгу об этом интересном, замечательном крае.

Но в то время многое осталось для него неизвестным, необследованным; а на следующий год снова собралась экспедиция в те же восточные степи, и неутомимый Модест Николаевич снова едет туда в числе членов экспедиции, и вот для степей арало-каспийских он делает то же, что сделал для черноземной полосы Поволжья. Он делит всю страну на зоогеографические области и характеризует их расселенными в них растениями и животными.

* * *

Прошло почти двадцать лет — двадцать лет постоянной, неутомимой работы, утомительных путешествий и исканий по русским горам, лесам и степям.

Что же руководило и поддерживало постоянно в эти 20 лет нашего русского неутомимого зоолога? Поддерживала та же с детства неизменная, горячая, великая привязанность к жизни природы. Она человеку дает способность делать великие вещи. И эту светлую, согревающую привязанность к русской природе он хотел передать и русским детям. В 1873 г. он выступил с первой детской статьей «Как идет жизнь на свете» в детском сборнике «Нашим детям». В 1876 г. он напечатал отрывок из своего хивинского дневника в другом детском сборнике. С 1882 г. он постоянно, до конца жизни, работал в детском журнале «Родник», помещая здесь талантливые рассказы и очерки из жизни природы. Целый ряд этих рассказов вышел отдельной книжкой под названием «Мирские захребетники». В них он знакомил своих читателей с тем миром, который живет вокруг человека и сделался его постоянным

нахлебником, помощником или разорителем. До последнего дня жизни он заботился об этих очерках и рассказах и за несколько дней до смерти еще корректировал последний очерк «Глухарь», который вышел в свет в день его смерти.

Любовью к труду, к делу была полна вся жизнь Модеста Николаевича, так рано, в самой поре силы и таланта, угасшая. Он много знал, но еще больше наблюдал и видел. Он много работал в музее при академии, в ее богатых собраниях, но эта самая работа тянула его в музеи Западной Европы. Там он рассчитывал найти те виды зверей и птиц, знания которых ему недоставало для полного знакомства с зверями и птицами России. В особенности притягивал его к себе Берлинский музей, где была собрана богатая коллекция азиатских степей, доставленная туда его учителем, профессором Эверсманом. Тянуло также и в Вену, в ее богатые коллекции птиц.

В 1875 году ему представилась возможность осуществить это желание. Он отправился за границу и целый год пробыл в музеях Берлина, Штутгарта и Вены; он вывез оттуда мысль о возможности разгадать происхождение и сходство некоторых русских птиц, принадлежавших к семейству сорокопутов. Он разобрал их генеалогию и издал об этом целую книгу.

В начале 1875 г. Модест Николаевич вступил в Петербургский университет приват-доцентом[1] зоологии, а в 1876 г. он уже был на кафедре профессором зоологии. Он принес в университетскую аудиторию свою неизменную любовь к природе и к ее исследованию. Жизнь зверей и птиц, а в особенности жизнь птиц со всеми ее природными условиями, раскрылась перед его молодыми слушателями во всей теплоте искренней и глубокой привязанности, и эта привязанность не могла не увлечь жаждущие знания и жизни сердца. Они жадно ловили горячее красивое слово профессора, и вскоре он стал их любимым учителем и товарищем.

Прошло несколько лет, и с ними, с этими молодыми товарищами, полюбившими жизнь природы, Модест Николаевич собрался на дальний север, в Лапландию[2], на берега Северного океана. Это было в 1880 г. Шесть человек отправились с ним для исследования Мурманского берега и пустынных тундр севера. Угрюмая, неприютная, неприветливая, но величавая природа встретила там Модеста Николаевича. Он плыл по Белому морю, по Северному океану.

---

[1] **Приват-доцент** — ученое звание в дореволюционной России.

[2] **Лапландия** — северная часть Скандинавского и западная часть Кольского п-вов.

Он изучал на Мурманском берегу жизнь рыб и китоловный промысел; с богатым запасом сведений и наблюдений он вернулся в Петербург.

Теперь он стоял уже на высоте исследователя. Почти четверть века, более 25 лет, он неутомимо работал для русской фауны[1] между известными учеными. Его имя уважалось в России и за границей, и всех богаче были его сведения о русских птицах. Множество собственных наблюдений и наблюдений его учеников делали его обладателем богатого материала, которым еще не владел ни один из его предшественников, ученых, занимавшихся русскими птицами. Тогда он решился поделиться этим материалом со всем ученым миром. Он пишет обширное капитальное сочинение о русских птицах под названием «Перечень птиц Российской империи». Академия наук издает первый выпуск этого классического труда. Но этот первый выпуск был последней, лебединой песнью известного русского зоолога.

* * *

В следующем году здоровье Модеста Николаевича начало расстраиваться. Крепкий, здоровый организм не вынес постоянных трудов, тяжелых степных путей и жестокой кавказской лихорадки, которая чаще и чаще стала приходить по знакомому, торному пути. Реже стал являться Модест Николаевич в любимой и любившей его аудитории, слабее, тише и тише раздавался в ней его когда-то сильный и звучный голос. Наконец силы изменили, припадки увеличились, и Петербургский университет отправил Модеста Николаевича на юг, чтобы он провел зиму в теплом климате.

Доктора советовали ему бросить все умственные ученые занятия и ехать за границу, в Италию, но заграничная жизнь была несимпатична русскому сердцу Модеста Николаевича, а от трудов и исследований ему так же тяжело было отказаться, как отказаться от самой жизни. Ведь вся жизнь его — это страстный труд, постоянно поддерживаемый горячей привязанностью к жизни природы.

Больной, едва двигающийся, он мечтал о новых исследованиях Кавказа, мечтал ехать на Ашур-Аде, провести зиму на черноморском берегу, мечтал дополнить то, что было не докончено в прежних исследованиях. Перед самым отъездом на Кавказ, с упавшими, значительно ослабевшими силами, он находит еще в себе запас энергии для того, чтобы открыть здесь, в Петербурге, «Русское об-

---

[1] Автор имеет в виду состав животных, населяющих территорию бывшей России.

щество птицеводства». Он мечтает улучшить породы и удешевить мясо и яйца русских домашних птиц; он мечтает взять под защиту русских диких птиц, которых варварски, миллионами истребляют жадные торговцы и отправляют их крылья за границу для украшения дамских нарядов. Он уехал на Кавказ, поправился, окреп, провел зиму в теплом юге и возвратился в Петербург осенью в 1887 г. с той постоянной мечтой о новых трудах и работах, с теми же широкими планами исследования России и с той же охотой и страстным желанием помочь практически русскому народу. Бедный! Он думал, что болезнь его кончилась и что он быстро окрепнет.

В этом — увы! — очень скоро пришлось разочароваться. С первыми же лекциями жестокие припадки снова вернулись, и болезнь мало-помалу, не спеша, затягивала над бедным больным мертвую петлю. Лекции прекратились. Модест Николаевич слабый, задыхающийся, еще крепился, не желал лечь в постель. Он мечтал, что выйдет в отставку, уедет на родину, бросит лихорадочный, зараженный Петербург, будет исподволь делать дело всей своей жизни, вернется к своим любимым птицам. Лежа в постели, он все еще не отрекался от этой мечты и по временам, несмотря на тяжелую болезнь, вставал, одевался и ехал в заседание общества птицеводства, президентом которого он был. Наконец болезнь прекратила и эти тяжелые, но отрадные для больного выезды. Он уже более не поднимался с постели, но постоянно работал, держал корректуры своих очерков для «Родника»; кругом него были постоянно любимые книги: журнал «Природа и охота», английские журналы птицеводства. Он мечтал о небольшой книге для детей — книге, которая познакомила бы их с усовершенствованными породами домашних птиц. Гравер делал уже рисунки к этой книге и приносил их больному.

Наступил март, наступила 47-я весна в жизни Модеста Николаевича. Снова пробуждалась природа от зимнего сна, и перед ним вставала, как живая, та картина весеннего ее воскресенья, которую он так талантливо набросал в «Роднике» [1].

Ожила ли вместе с этой картиной в памяти Модеста Николаевича картина весны далекого детства, когда он так жадно и страстно любовался полетом голубей? Теперь на столике перед его постелью стояло чучело красивого копенгагенского голубя, и больной, умирающий, постоянно любовался на него.

Наступило 17 марта. Все думали, что конец жизни Модеста Николаевича придет еще не скоро, что он переживет весну, что ему

---

[1] См. очерк «Глухарь» на стр. 143 этой книги.

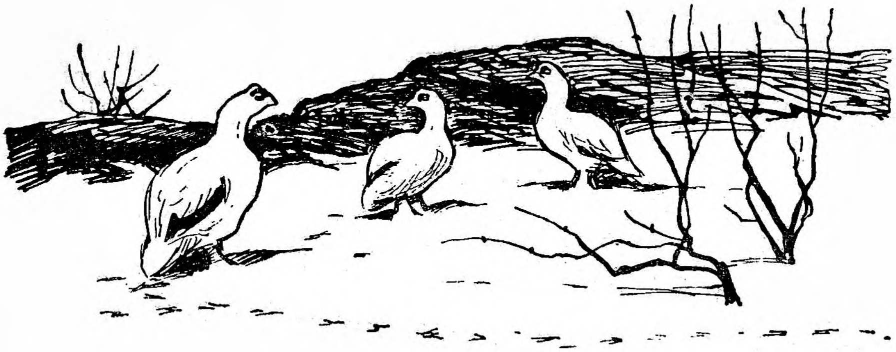
даже удастся осуществить любимую мечту и вернуться на далекую родину. А получилось иначе...

17 марта утром у больного открылась новая болезнь — выделение желчных камней. Мучительный припадок болезни сопровождался жестокими страданиями. Больное сердце ослабело, чуть-чуть билось, и когда повторился снова этот страшный припадок, в 5-м часу, оно не выдержало и перестало биться. Окружающие думали, что больной еще жив, что он лежит в обмороке.

На лице Модеста Николаевича было столько жизни и покоя... не верилось, что он умер. Он точно спал, спал тихим, торжественным сном. И как будто все его лицо всем говорило: любите жизнь, любите природу, трудитесь, чтобы быть полезными, будьте полезны, чтобы быть любимыми.

На третий день утром, 20 марта, громадная толпа студентов вынесла тело Модеста Николаевича из университета, и всю длинную дорогу, вплоть до Александро-Невской лавры, они, переменяясь, несли на своих плечах и сами опустили в могилу гроб их любимого, дорогого профессора.

Н. Вагнер



В ЛЕСНОЙ ГЛУШИ.

Взгляните на рисунок. Художник завел нас в самую глушь старого дремучего леса, в глубокий овраг. Корни столетних дерев расползлись по обломкам скал. Всего две фигуры оживляют пейзаж. Но сколько в них выражения. Всмотритесь в эти две пары глаз. Одни круглые, желтые, с широким зрачком; другие зеленые, светящиеся. Выражение злобы самой свирепой светится в них. И глаза и фигуры совы и рыси неподвижны; они застыли; но застыли так, что в следующий момент... вот-вот еще секунда — завяжется борьба из-за белки, в которую судорожно вонзились когти совы.

Исход борьбы предсказать нетрудно: белка будет в желудке рыси, а может быть, и сова попадет туда же. Горе ей, если она прокараулит малейшее движение могучего врага и не успеет ловким взмахом крыльев увернуться от его удара. Лишь только бархатная лапа рыси коснулась пушистых белых перьев совы — участь ее решена бесповоротно.

Бедняга! Ведь она три дня уже не ела. Снегом окуталась ее родная тундра. Повыкопали в этом снегу пеструшки (маленькие

красивые бесхвостые мыши севера) галереи у самой земли; тепло им там, под снегом. Лишаи, покрывающие тундру, вкусны и питательны. Пеструшка счастлива, тем более, что злым врагам — песцу и белой сове — не докопаться до нее сквозь толстый слой снега.

Голодает песец; не сытно и совушке. Белые куропатки оделись на зиму в свой белоснежный наряд. Не отличить их желтому совиному глазу от снега, не учуять в морозном воздухе чуткому носу песца.

Рогатые жаворонки, подорожники, шеврицы,— словом, все пернатые обитатели, кроме белой куропатки, давно покинули тундру и отлетели зимовать; одни на широкие поля и дороги средней России; шеврицы же махнули дальше, за Черное и Средиземное моря, в Аравию и Египет.

Голодно стало, невыносимо голодно хищникам тундры, и они двинулись на юг; песец в тайгу, а белая сова еще дальше. Не любит она леса. Ее родина, ее поле деятельности— открытый простор полярной тундры.

Но широки непроглядные дремучие леса северной половины русских равнин. Не перелететь их сразу, в один прием. Невольно приходится где дневать, где ночевать в тайге. Готового ужина не найдешь, надо промыслить. И было бы чего. Снег между сосен и елей испещрен узорами следов мышей лесных, кутор, белок, зайцев, тетеревов, глухарей. Клесты, щуры, синицы, дятлы и другие птички шныряют по ветвям, долбят кору, обгрызают почки. Но не с руки сове ловить добычу в чаще лесной. Голодная, усталая, полусонная уселась она на краю оврага.

Вдруг на дне оврага, по глубокому рухлому снегу, неуклюже, прыжками поскакала белочка. Ее прельстили шишки развесистой ели, росшей на противоположной стороне оврага. Широко раскрылись глаза совы; мигом порхнула она вниз и схватила редкую, необычную добычу. Довольная, счастливая, уселась на скалу наша странница в надежде покушать бельчатины.

А тут вдруг настоящая хозяйка лесной трущобы, словно вора, накрыла нашу совку. Неприятно, как хотите. Делать, однако, нечего. Сама виновата. Не залетать бы в глушь частого леса, не ловить бы чужую добычу.

Другие товарки совы хитрее. Перелетая через тайгу, они стануют на обширных торфяных болотах, разбросанных в тайге. Эти болота — миниатюра тундры; те же растения, почти те же обитатели, только вместо пеструшки — полевки и мыши. Жиличка тундры здесь, в своей обстановке, словно странница. Прилетела на болотину, отряхнулась, образилась, огляделась кругом — и лови

мышей на пропитание!.. Никто тебе не помеха. Только посторонится коренной житель болота.

С болота на болото добирается белая совушка до широких полей средней России, ковыльных степей Украины и Поволжья.

Простор здесь ветру буйному, его жене-метелице, лишь злится вьюга-мачеха на счастье этой парочке.

Наложит зима старая, как одеяльце теплое, снег на поля, на пажити, на степи нетронутые; старик-мороз, как зеркальцем, прикроет озера, и речки, и речушечки, чтобы рыбкам их теплей было.

Пустеет степь широкая. Кто спрячется в норе, заснет там богатырским сном; кто улетит на юг. Но все же не с тундрой сравнивать — и мыши и полевочки кишмя кишат в степи.

Покроет зима снегом их, укутает как следует. Рассердится метелица, подует, снег повыметет, набьет овраги, балки им, а степь всю оголит. Счастлива куропаточка, не сердится русак — любимцы-то метелицы; им сытно в озимях; не нужно разгребать снежок. Не то мышам-полевочкам: их ходы пораскрыты все, от галерей остатки лишь — работай на виду, а это им невыгодно. Следит за ними враг лютый. Мышкует в степи лисанька — до сотни штук отдай ей в день. Гуляют ночью злющий хорь, свирепый горностай — им подай по четвертной, чтоб голод утешить. Не вся еще напасть. Всю степь обыщут ноченькой свои, чужие совоньки, и каждой дань плати.

Вот тут-то наша странница, лесная неудачница, как раз в своей семье; всю зиму дань дешевую сбирает со степи.

* * *

Вернемтесь же к хозяюшке, лесных трущоб владелице. Как жизнь ее идет?

По виду рысь — магнат, из рода кошек древнего. С собаку ростом, с добрую. Плоска с боков, узка в груди, лишь лапы ее толстые, ухватные, загребные (не вышла этим в родичей). Одежда не блестящая, но все ж пестро окрашена, со вкусом и изяществом; тепла, легка шубеночка; чиста, нет ни пылиночки, а на ушах по кисточке — в любой салон веди. И вправду, представительна, красива рысь в лесу. Одна беда — любви к ней нет; всяк от нее сторонится, всяк от нее хоронится, и никому нерадостно взглянуть в ее глаза.

Раскинулась красавица на толстой ветке елевой и греется на солнышке. Кругом же не шелохнется морозный зимний день.

Зашумел в чаще старый матерой глухарь и сел на вершину соседней ели. Встрепенулась рысь, прищурилась, судорога пробежала по ее членам; и начала она соображать, как бы подкрасться к лакомому кусочку. Никак не выходит, как ни раскинет умом. На нижних толстых сучьях ей вольготно, а забираться наверх не с руки. Голод, однако, заговорил,— рысь скакнула на соседнюю ель. Но глухарь, не будь глуп, сейчас же дал тягу. Поглядела ему вслед рысь, облизнулась и съежилась на ветке; одолела ее, как дремота, дума тяжелая, нерадостная.

Всю прошлую ночь бродила она по глубокому снегу. Есть тут, в округе, стадо лосей. Всю осень и зиму следит она за ними, ночь за ночью; следит вечер и утро; следит целый пасмурный день. Обойдет, оглядит стадо. Гложут лоси кору осин, хрустят на зубах ветки елок; обдирают толстыми вкусными[1] губами ягели и мхи, покрывающие стволы старых сосен. Припадет рысь на снегу. Начнет красться тихо-тихо, неслышно, рассчитывая каждый шаг, из-за одного дерева за другое. Вот-вот еще немного до кудрявой елочки, за которой мирно пережевывает жвачку лосенок, уютно улегшийся на снегу. Еще шаг-два, и можно прыгнуть ему на спину.

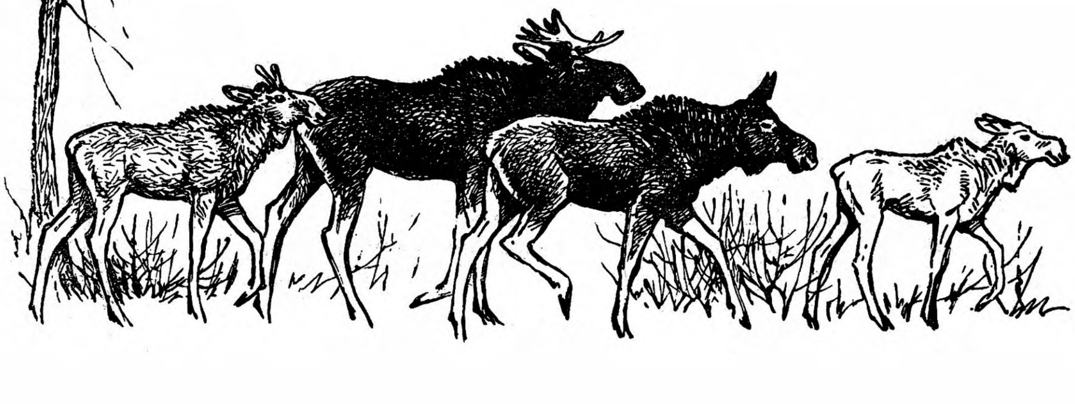
Рысь облизывается. Ей представляется, как она запускает когти и зубы в свою жертву; как горячая, вкусная кровь брызнула ей на язык. Глаза ее закрылись от удовольствия.

Лучше бы не увлекаться!.. В пылу фантазии рысь неосторожно наступила на сухой сучок. Дзинь... и в то же мгновение вся семья лесных гигантов бросилась с места. В отчаянии рысь делает страшный прыжок. Но напрасно. Далеко между деревьями мчатся лоси, ломая сучья; только гул идет по лесу. И глядят им вслед злые зеленые рысьи глаза.

Жалко смотреть на владелицу тайги. Скорчилась, съежилась и, озираясь, пошла она назад, скакнула на старую валежину. Почистилась, умылась, отряхнулась; в комок собрала лапочки, уютно

---

[1] Губы лося считаются лакомым блюдом.



улеглась. Мечтает наша барышня, лесная красавица, мурлычет про себя. А в тех мечтах ей, розовых, мерещится все он, все он тайги угрюмой красавец-богатырь, дородный, вкусный лось.

И думает она: «От старых своих бабушек слыхала я не раз пословку нашу кошачью: терпеньем побеждай. Стерплю, и будешь мой».

И точно. Неудача рыси нипочем. Она привыкла к ней более, чем к удачам. Она будет бродить по целым ночам, по утрам и вечерам, день за днем, неделя за неделей за лосями. Она десять раз обойдет их ночевку, сообразит, обдумает все, куда они пойдут на заре. И, смотрите, она засела на развесистой ветке ели, как раз над тропой, пробитой в снегу лосями. Ее не видно. Ни одним движением не выдает хищница себя...

* * *

Занялась зимняя зорька. Тронулись лоси с ночлега. Старый рогатый лось-вожак впереди. Жадно втягивает он морозный воздух в широкие ноздри. Уши его в постоянном движении. Старик знает путь, которым надо вести семью на покормку. Ему отлично известны все опасные места, где могут устроить засаду враги. Но всего не предусмотришь. И ведет он семью озираючись, понюхивая, послушивая. На пути лежит широкая поляна. Вышли лоси на край ее. Вожак встал — и все встали. Лосица вторит всем движениям лося; лосята тоже.

Чудную картину представляет эта группа гигантов тайги. Ростом больше самой рослой лошади. Большая тяжелая голова с толстой, словно опухшей мордой. Длинные сильные ноги. Лопатчатые рога — до тридцати фунтов весом. Таков образ старого лося. Самка и лосята только ростом поменьше и рогов не имеют. Во всей фигуре лося видна сила и неуклюжесть, а взгляд его маленьких глаз не очень рекомендует ум гиганта. Он, действительно, что называется, прост. И при этой простоте давно бы его извели враги, если бы лось не был осторожен. А врагов этих много. Не страшен

лосю неуклюжий медведь. Он отобьется от стаи волков страшными ударами передних ног. Злейшие враги лося — рысь, росомаха, овод и человек.

Рысь и росомаха караулят лося с дерева. Как только подойдет он к засаде, они кидаются ему на шею, грызут ее зубами, пока не прокусят кровеносных жил; лось мчится со страшной быстротой; но враг крепко держится когтями. Кровь брызжет фонтаном из раны. Силы падают. Зверь изнемогает и валится от истощения. Хищник пирует; он пьет горячую кровь; кусками вырывает теплое мясо; он ест до одурения. Но не съесть же рыси или росомахе тридцатипудовую лосиную тушу. Едва двигаясь от сытости, хищник покидает добычу. Ему нужен теперь покой и ничего больше.

Не заботьтесь об остатках пира. Завтра же от гигантской туши лося останутся только кости.

Над вершинами сосен и елей прошумела крыльями черно-сизая птица.

Вы видали ее много раз. Она всюду и везде на всем необъятном просторе нашей родной земли. Она так же обыкновенна на гранитных берегах Мурмана, как и в горных лугах Кавказа; она вездесуща, от полей и лесов Польши до грязных вулканов Камчатки. В песчаной пустыне, вокруг Аральского моря, в полярной тундре, в густой тайге, на хлебных нивах Новороссии, на берегах любой реки эта птица свободно обитает. Ее долго можно не встречать, целые недели. Но где только борьба оставит свой след в виде трупа, там первым из первых явится вóрон. Это лучший санитар, очиститель земли нашей от всего мертвого, разлагающегося.

Как только займется заря, вылетает ворон с ночлега из густых ветвей старого дерева. Нужно позавтракать — и он летит на поиски, смотря по сезону: в поле, в лес, на реку, в широкую ли степь или к жилью человека. Тихим, неторопливым полетом летит он под самыми вершинами дерев, осматривая земную поверхность своим умным глазом. Ничто не укроется от этого взгляда.

Радостное кар... кар... раздалось по лесу — ворон увидал в чаще труп лося. Он дал круг, осмотрел все, спустился на дерево. Молча, внимательно, до мелочей обозрена им окрестность. «Кто убийца?» — вертится в уме птицы. И будьте уверены, он дознается. Он непременно найдет спящую рысь или росомаху, каркнет над нею, разбудит ее. Поднимется снова в высь и каркнет громче прежнего, давая сигнал своим братьям. Они чутки и долго ждать не заставят. Вот один, другой спешат на призыв. Прилетели, расселись по вершинам — и пошли разговоры. Совещание кончено. Вожак спустился на землю и пошел важными, неторопливыми шагами к лосю. Он обходит его кругом, останавливается, озирается; под-

зовет товарищей; осмотрят вместе; тогда начинается пир на весь мир.

Но недолго попировали во́роны на свободе. Их карканье давно услыхали другие и спешат на раздел добычи, хотя их и не звали.

Высоко-высоко в воздухе выплывает из-за древесных вершин массивная фигура бе́ркута. Глаз его ищет воронье. Картина пира открылась перед птицей. Орел быстро спускается сверху, прямо на лося. Он не раздумывает, не осматривается. К чему предосторожности? Где пирует ворон, значит — вполне безопасно. Пирующие расступаются, отпрыгивают в стороны. Честь и место царю птиц. Вороны, однако, не смущены. Они возьмут свое, а орлиная компания полезна: в ней покойнее пировать.

Из чащей выглянул еще гость — волк, которому карканье воронов тоже приятнее всякой музыки. Он добрый десяток верст пробежал по глубокому снегу на этот зов. Устал, задохнулся, язык его высунут, дыхание часто, отрывисто. И этот тоже, не рассуждая, бежит к трупу.

Но орел не расположен уступать добычу. Он взмахнул могучими крыльями и бросается навстречу волку. Горе ему, если он не увернется; но беда и орлу, если противник воспользуется его промахами и вонзит в него свои страшные зубы.

Не ждите, однако, трагического исхода дуэли. Каждый из противников очень любит себя, и бой кончится ничем. В конце концов оба наедятся лосины. Явятся еще орлы, воронье, подбегут другие волки. И от массивной туши лося останутся только кости.

Разойдутся, разлетятся пирующие на отдых, кто куда. Засыплет остов снегом. Но долго еще будут ходить на могилу великана почитатели его мяса. Не раз выроют кости из-под снега и погложут их; не раз еще и поссорятся из-за них.

* * *

Однако мы увлеклись и зафантазировались. Мы не совсем, впрочем, повинны в этой фантазии. Возможно, всю ночь она грезилась рыси, засевшей на сучке. Она давно уже услыхала движение лосей с ночлега и осмотрелась в своей засаде. Она, кажется, сро-

слась с сучком, окаменела, как только они показались на поляне. Она готова к нападению; лишь невольная дрожь, пробегая по телу, выдает ее волнение, да глаза острые, пронизывающие, светятся злым зеленоватым блеском.

На поляне все тихо. Только клесты веселой толпой шнырят по веткам пихты и шелушат ее шишки. Семейка пушистых соек показалась на деревьях.

Лось двинулся вперед, а за ним и семья. Ярче загорелись зеленые глаза рыси; усиленно бьется ее сердце; все мускулы напряжены. Еще несколько шагов. . . скачок — и она на шее вожака.

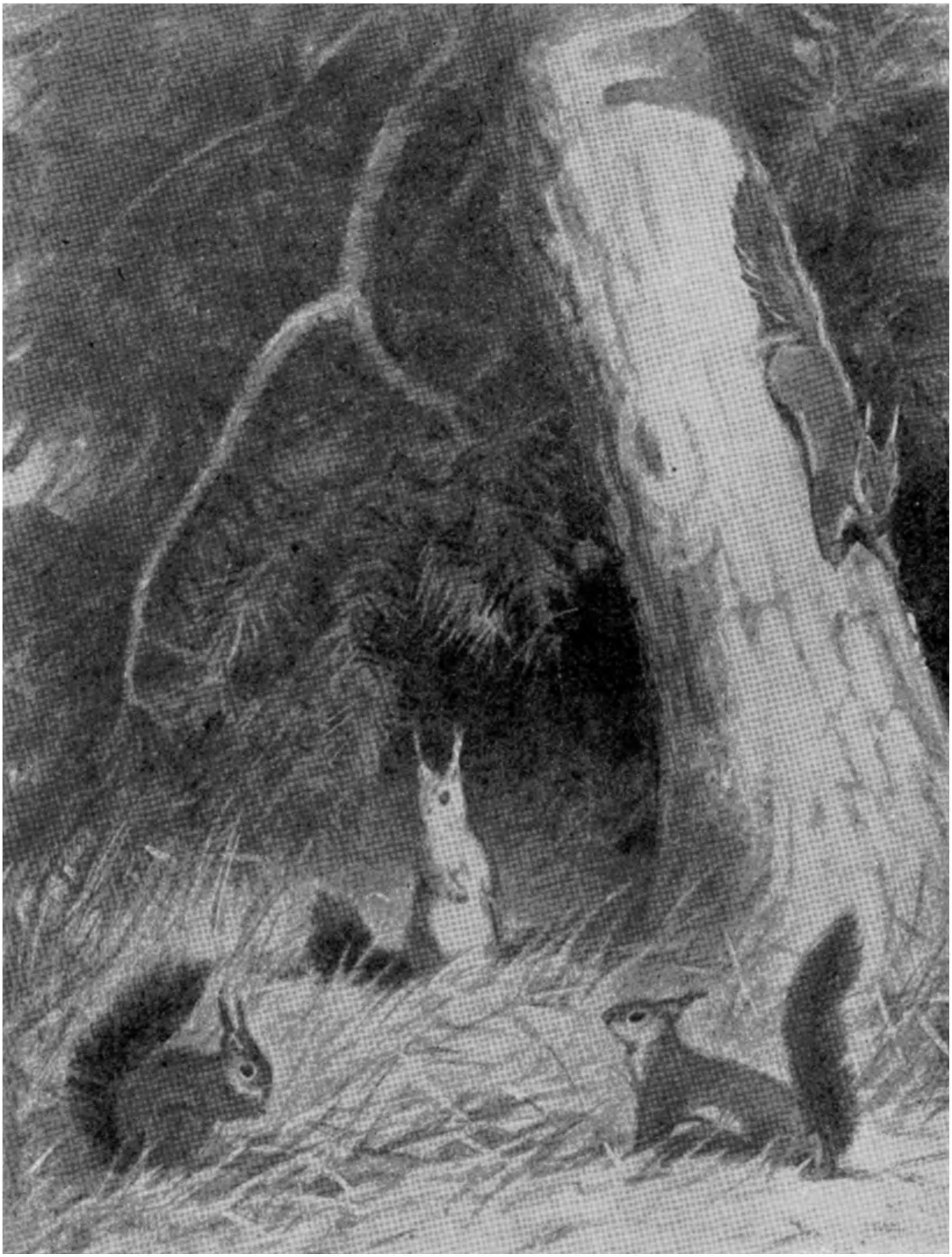
Вдруг вскрикнула сойка, которой блеснули зеленые рысьи глаза. Остальные подхватили. Моментально лось-передовик фыркнул и бросился в сторону. Кончено! Засада не удалась. А счастье было так близко. О, ненавистная сойка!

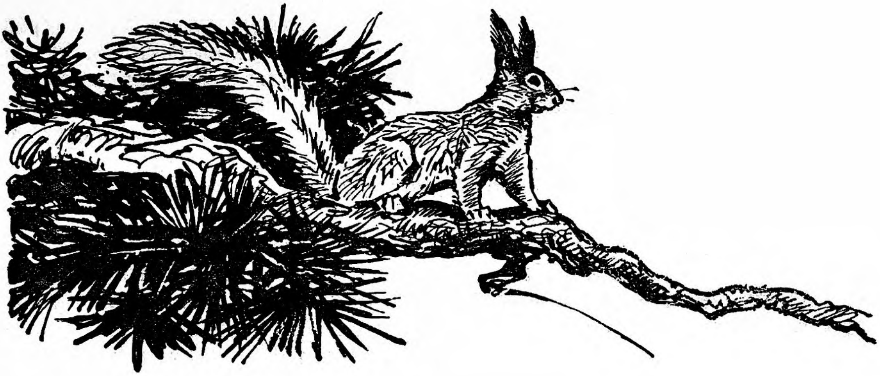
Зачем сердиться, моя красавица? Не лазила бы лучше в гнездо соек, не лакомилась бы их птенчиками. Поделом тебе теперь.

Лениво прыгнула рысь с ели и пошла бродить по лесной чаще. И рада-рада, если удастся закусить мышью до самых сумерек. Тогда, может, попадется зайчик.

Однако довольно. Я хотел пояснить вам рисунок, но невольно увлекся жизнью обитателей лесной чащи в зимнее время. Я коснулся лишь немногих из тех, с кем рысь по преимуществу сталкивается зимой. Случайность встреч, случайность положений не вымышлены мной ради красного словца. Идите в глушь дремучего леса, вы все увидите воочию. Вы увидите в сто раз больше.

В глушь леса забираются на зиму многие животные. Сюда заходят даже жители полей. Зимой в лесу теплее, чем в поле. Здесь нет простора леденящему ветру. Только гул идет в вершинах сосен, а внизу — тишина и покой. Поэтому кроются в лесу те, кто не в силах вести борьбу с ветром. А придет лето, наступят жары, и сюда, в лесную глушь, будут укрываться от них другие гости. Но о них в другой раз.





БЕЛКА.

Как бы вы думали, кто это такой бежит мелкой рысью в лесной чаще? Ни более ни менее как простая собачка, очень похожа на дворняжку, даже и родом-то она из дворняжек и ничего в ней особенного нет; густая шерсть стоит торчком, хвост согнут завитушкой. Востренькая смышленая мордочка, с небольшими торчащими ушками. Бежит она по лесу, понюхивает, поглядывает во все стороны, словно гуляет, но вот она заметила белочку, бросилась к ней и залилась лаем.

Какая глупая, скажете вы, что она может сделать белочке, которая сидит на сучке сажен [1] на пять от земли. Представьте, что так думает и белочка. Держа во рту недоеденный желудь или кедровый орешек, она с любопытством поглядывает вниз на потешного зверя. Она храбрится даже, урчит на собачку, думая ее, вероятно, напугать. А та сидит на одном месте и лает. Но — чу! в чаще раздался легкий треск, и между дерев появилась фигура промышленника.

[1] Сажень — 2,13 метра.

Тихо скользят его лыжи по снегу. Ружье наготове, глаза высматривают добычу. Заметил он белку и начал подкрадываться из-за деревьев. Бедная белочка! Это уже не собака; от этого врага не спасешься ловкими прыжками. Вот он подошел к дереву. Прислонил к нему винтовку, прошло несколько секунд, раздался выстрел. Вьется синий дымок меж деревьев, а белочки уже нет на ветке. С пробитой насквозь головой, как камень, падает она на землю, прямо в зубы востроглазой собаке.

— Долой, Серко! — кричит подбежавший промышленник[1] и выхватывает у собаки добычу. Затирает ранку снегом, чтобы не сочилась кровь, и вешает белочку к себе на спину, на привязанную там дощечку, где уже висит добрый десяток таких белочек.

Вы и подумали, пожалуй: как это просто! Оделся потеплее да полегче, привязал к ногам лыжи, взял в руки винтовку, свистнул какую-нибудь Жучку или Серку, которые стерегут двор, пошел себе в лес и настрелял там белок, сколько угодно. Я вам не советую так думать и ручаюсь, что вы ни одной белки не убьете. Беличий промысел, или белковье, как его называют промышленники, дело вовсе не легкое. Это, во-первых, тяжелый труд, требующий знаний от охотника. Во-вторых, собака, с которой он охотится, только по виду дворняжка. Это особая порода, которая издавна приучена к охоте. Это так называемые лайки, или белочницы. Эту породу ведут исстари наши русские сибирские промышленники. Хорошие лайки ценятся так дорого, что иной промышленник не продаст вам ее ни за какие деньги, потому что от мастерства лайки зависит весь успех промысла, и хорошая лайка для северного крестьянина все равно, что хорошая лошадь или вол для земледельца.

Охотник промышляет с ней не одну белку, а также куницу, соболя, росомаху, рысь, глухаря, тетерева, рябчика. Вся ее обязанность состоит в том, чтобы найти в лесу зверя или птицу и лаять на него, но лаять умненько, не пугая, чтоб только возбудить его внимание и вместе с тем известить лаем своего хозяина, что добыча найдена. А этот хозяин иной раз далеко, версты за две, за три, и пока подойдет, зверь соскучится и уйдет. Лайка должна следить за ним неотвязно до тех пор, пока он снова не остановится. Вот это-то и составляет трудную для нее задачу.

Нелегко приходится и промышленнику. Осенью сговорятся несколько промышленников идти вместе

[1] Автор имеет в виду тех, кто раньше занимался промыслом охотничьим.

на промысел. Они берут легкие крытые санки, вроде баула, укладывают туда несколько пудов муки и крупы, фунт-другой соли, несколько фунтов масла, еще кой-какой провизии, что найдется под рукой, одну-две рубашки, порох, свинец. Берут с собой иные легкую лодочку из бересты, которую ставят на полозья, и отправляются промышлять иногда за сто, за двести верст от дома, туда, где думают найти больше зверя.

Много придется им положить труда, чтоб добраться до места, много невзгод перенесут они на пути, ночуя под открытым небом, переправляясь через реки и озера, подвергаясь всем напастям переменной осенней погоды. Придя на место, промышленники рубят избушку, устраивают в ней печку, прячут в укромное место провизию и расходятся врозь, каждый в свой участок леса. В первые дни они только осматриваются, выглядывают зверя и бьют случайную добычу. Затем каждый начинает мастерить различные ловушки. Тут поставят слопцы на белку или куницу. Там устроят колоду на крупного зверя или выкопают для него яму, но все это пойдет впрок только при том условии, если промышленник хорошо знает свое дело и знаком с обычаями зверей. Иначе можно наставить тысячи ловушек и не поймать ничего. Но все эти подготовления кончены. Теперь начинается промысел.

Охотники, хорошо поспав, просыпаются задолго до рассвета, закусят чего-нибудь и разбредутся со своими лайками на промысел. Целый день бродят они по своим участкам, по тропинкам, или, как они называют их, путикам. Им нужно осмотреть все ловушки, поправить одни, вынуть из других добычу, насторожить их снова. Верная лайка рыщет далеко по сторонам, отыскивая зверя и птицу.

Каждый день промышленник сделает 25, не то 30 верст и только к ночи возвращается домой, но не думайте, чтоб он каждый день возвращался с добычей. Иной раз он рад и белочке или рябцу, а сколько труда и лишений, и за все это промысел даст ему немного барыша.

Кончился промысел, пошли назад со своей добычей промышленники, снова сделали трудный дальний путь.

Теперь посмотрим на летнюю жизнь белочки. Как только пригреет мартовское солнышко, невзгоды нашей белочки кончаются. Под влиянием вешнего тепла она сбросила серую шубку, которая принесла ей столько горя, и оделась в свое легкое рыженькое пальто.

Лопаются почки на деревьях, вылезает из земли молодая травка. Зеленеет лес с головы до пяток. Сотнями, тысячами прилетают птички с юга. Песни их льются раскатами в лесной чаще. Все ожило, все проснулось, все вылезло наружу; кипучая деятельность идет в лесу. Кто отъедается после зимней голодовки, иной поет целый день от радости. Другие хлопочут уже над гнездами для своей будущей семьи. Отставать ли белочке от лесного народа? Поела она свежих листочков и принялась за гнездо. И какое гнездо! Вы диву дадитесь, если найдете его. Из сухих прутиков высоко на дереве, на ветвях около ствола, она мастерит настоящий домик с полом, стенами и крышей. Сбоку делает входную дверь, а над ней пристроит навес, чтобы дождик не попадал в горенку. Вместо ковров она настелит внутри мохом и лишаями, чтобы было мягко и тепло ее деткам.

В старых же лиственных лесах, в столетних дубах, липах и осинах, вязах так много дупл, что белочке нечего и трудиться строить домик, и она преспокойно поселяется в этих дуплах.

Вскоре у белочки заводится и семья, в ее гнездышке от 4 до 7 крошечных слепых бельчаток. Белочка очень нежная мать и усердно кормит их молочком. Пройдет дней 8, у бельчаток откроются глазки, тельце их обрастет шерстью, но бедняжки еще очень слабы и беспомощны. Однако пройдет еще какая-нибудь неделя, они уже значительно выросли, окрепли и начинают выглядывать из гнезда. Что это за милочки, вы представить себе не можете! Рыженькая шерстка их так и блестит. Хвостик еще не распушился как следует. Вот в это-то время их надо достать, если вы хотите, чтобы у вас были совсем ручные белки. В это время они еще доверчивы и неопытны, к самому злому врагу они относятся, как к другу, а потому приручить их в таком возрасте ничего нет легче. Пройдет еще недельки две, характер бельчат совсем изменится. Они делаются недоверчивыми, пугливыми; при малейшей опасности быстро прячутся в свое

гнездо. Теперь их поймать и приручить гораздо труднее. Старая белочка растолковала уже им, кого надо бояться.

Наступил июнь, в лесной траве закраснели ягодки земляники, клубники; белочка осторожно сводит своих деток с дерева, ведет полакомиться ягодами и молодыми грибками. Наедятся бельчатки и снова марш на дерево. Там им привольно и покойно. Густая листва скрывает их от глаз врагов. Сытые бельчата заводят игры, гоняются друг за другом по веткам и возятся, словно малые дети.

Время, однако, идет; бельчата растут, становятся белками; мать давно покинула их, зная, что ее заботы им уже не нужны. У нее новая семья, новые хлопоты. Лето идет к концу, а на смену ему является осень. Легкими утренничками она напоминает всему живому, что пора подумать о зиме, что пора собирать запасы пищи, чтобы скоротать ее или запастись теплой спальней.

Немного в лесу таких запасливых животных, как белочка. Уже в июле она принимается за сушку грибов. Если вы любите собирать грибы и когда-нибудь поедете за ними в бор, обратите внимание на сосны. Вы увидите странную штуку. Высоко наверху, на тоненьких обломанных сучочках сосновых ветвей воткнуты грибы. Стволы сосен так гладки, что человеку трудно залезть туда; смею вас уверить, что это проделка белочки. Это она сушит грибы на зиму, зная, что они не раз пригодятся ей.

А когда поспеют орехи, белки усердно снуют под орешниками и собирают самые спелые, уже упавшие орехи. Предварительно белка отыщет какое-нибудь дупло или выкопает норку между корнями деревьев, а то из прутиков устроит на ветвях кладовую и туда натаскает орехов иногда до 20—30 фунтов. Находка такой кладовой почитается у крестьян особенным счастьем, потому что здесь собран отборный орех, самый спелый. Белка ни за что не спрячет туда орех со свищом или незрелый.

В Сибири она делает такие же запасы из кедровых орехов и тоже из самых лучших.

Заботливость белки при сборе этих запасов просто изумительна. Если в какой-нибудь местности неурожай на орехи, грибы, желуди, на семена сосны и ели, то белки оставляют свои родные леса и пускаются на чужбину целыми стадами. Они переплывают реки и озера, перебегают поля, встречающиеся на пути, путешествуют по крышам домов, если попадется город, и идут до тех мест, где есть и лес, и пища, где можно скоротать суровую зиму.

Однако довольно. Я рассказал вам, что мог, о жизни нашей любимки; но это далеко не все. Жизнь белочки полна самых раз-

нообразных приключений, и веселых и печальных. Если вам интересно знать их, идите в зеленый лес, там нет беличьего колеса, которое в конце концов наводит уныние, там белочка вольный житель, веселый и довольный, свободный и ловкий, а не тот несчастный пленник, который вертится в колесе вашей клетки. Поверьте мне, что наступит время, когда люди будут охранять белочку для собственной пользы, будут строить ей домики и кормить ее зимой, чтоб пользоваться теплой шубкой.

КАБАН.

Чтоб иметь понятие о кабане, достаточно взглянуть на нашу обыкновенную свинью, со стоячими ушами, длинным рылом, с густой черно-бурой шерстью. Разница лишь в том, что дикий кабан гораздо крупнее и снабжен большими выдающимися клыками, загнутыми кверху. Эти клыки составляют страшное оружие — ударом их он может пересечь ногу лошади и человека, распороть живот любому животному вдвое больше и сильнее его. У дикой свиньи клыки не развиты, но тем не менее она вовсе не беззащитна; в драке с врагом она кусает и вырывает куски мяса, топчет упавшего ногами и вообще дорого продает свою жизнь.

Надо, однако, заметить, что дикие свиньи, как и домашние, более или менее смирные животные. Первыми они никогда не нападают, и самый большой кабан старается спастись при встрече с врагом бегством. Но если ему убежать невозможно, то он защищается отчаянно.

Кабана, конечно, никто не назовет украшением лесов, но со времени глубокой древности он составляет предмет любимой охоты. Поэтому его бы, конечно, давно истребили в «цивилизованных

странах», если бы не прелести охоты на него и не изумительная плодовитость его, подобно домашней свинье. Однако в Западной Европе он составляет уже редкость и оберегается для охоты лишь в лесах богатых владельцев.

У нас кабан сохранился на тех же правах в юго-западных губерниях, в Польше и Литве[1]. Он живет здесь в болотистых участках дремучих заповедных дубовых лесов. Питается всем, что попадется — луковицами растений, корнями молодого камыша, летом ходит по ночам на ближайшие в лесу посевы хлебов, особенно проса, истребляя целые полосы его. Благодаря отличному чутью кабан может отыскивать грибы трюфели. Он не брезгает также падалью животных, пожирает птичьи яйца и молодых птенцов, а также мышей-полевок и вообще все, что попадется. Поэтому, кроме вреда хозяйству, кабан полезен разве только охотнику.

Во всей остальной части Европейской России, кроме дельты Волги, кабана вовсе нет. Да и тут он редок и водится на крайних к морю, поросших камышами островах дельты, редея год от году.

Истинное царство кабанов — Кавказ. Начиная с долин рек Ку́мы, Терека и Кубани, весь Кавказ до границы Турции и Ирана в изобилии населен кабанами. Далее, на восток от Каспия, кабан широкой полосой окаймляет южную границу Азиатской России до берегов Тихого океана. По всем рекам и озерам Туркмении, в Туркестане[2], по течению рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, в Семиреченском крае, в горах Алатау и по рекам, текущим из них, по берегам озер Балхаша, Алакуля и Нор-Зайсана кабан живет во множестве. Он встречается также в Забайкалье, по долине реки Аргуни и Южно-Уссурийском крае. Замечательно, что во всех перечисленных местностях это некрасивое животное встречается в обществе красавца-фазана, а начиная с Ленкоранского уезда до Уссурийского края его сопровождает завзятый любитель кабаника — тигр.

Кабан не разборчив на местность. Он чувствует себя хорошо везде, где есть обильная пища, вода, болотистая мягкая почва и непролазная чаща,— это главные условия его жизни, без которых он обойтись не может. Поэтому в сухих степях и полях его не встретишь. Я видал следы кабана на Кавказе в горных лугах, на высоте 7000 футов[3], он ходил туда поедать у бедняка горца просо. Затем ниже он обитает по склонам гор и их долин, в густых буковых и дубовых лесах; орехи и желуди доставляют ему обильную пищу, а под вайями огромных папоротников почва влажна, как на

[1] Литва — ныне Литовская ССР.

[2] Территория, занятая Узбекской, Туркменской, Таджикской и Казахской ССР.

[3] Фут — 30,5 см.

болоте; здесь кабан отдыхает и валяется в грязи. Лиственные леса Кавказа по богатству и силе растительности, особенно на Черноморском берегу, напоминают тропический лес; но вместо лиан здесь растут плющи, знаменитое держидерево, вьющееся по деревьям, перекидывающееся с одного на другое и так густо заплетающее промежутки, что образуются буквально непроходимые чащи; к довершению всего, держидерево снабжено по ветвям длинными, острыми колючками. Дикая лоза винограда, иногда в ногу толщиной, душит тысячелетние дубы; каштановые рощи перемежаются с буком и чинарами; масса диких яблонь, груш, диких слив (алыча) и других фруктовых деревьев рассеяна по этим лесам. Вот где рай кабана и его недруга, медведя, если бы не снега, выпадающие в горах! Эти снега заставляют кабана перекочевывать зимой в долины рек, поросшие камышом, где уже, конечно, ему не так привольно; тут к его врагам присоединяется самый страшный истребитель кабаньего рода — человек с его псами и оружием. Но и в речных долинах кабану корма вдоволь — корни и луковицы разных растений, орехи чилима (плавающего водяного растения), хлебные посевы, особенно кукурузы и проса, заставляют его мириться с опасной близостью человека. Дельты Кубани и Терека — огромнейшие свинарни, в полном смысле этого слова. Здесь кабаны достигают громадной величины — попадаются секачи и одинцы до 18—20 и даже до 22 пудов весом, чего в горах не встретишь, — там кабан тем мельче, чем выше он живет по склону гор. Но зато вкус мяса горного кабана, отъевшегося на орехах и фруктах, неизмеримо лучше камышового и кукурузника.

Говорят, что кабаны живут стадами; это неточно. У них быт настоящий патриархальный. Поросята, вырастая, остаются при матери и отце, которые защищают их от врагов, водят на кормежки, а с последних — в чащи и заросли на отдых. С каждым годом семья увеличивается вновь нарождающимся поколением. Поросята старших поколений растут, становятся подсвинками, а потом и кабанчиками, которые с течением времени, достигнув полного роста, делаются секачами. У молодых свинок в свою очередь являются поросята. Таким способом составляется свиное общество или стадо, руководимое старым кабаном. При плодовитости свиней, конечно, такое стадо достигло бы огромного числа членов; но, во-первых, между старым кабаном и молодыми скоро возникают вражда и кровавые драки. Чем больше старится кабан, тем больше притупляются его клыки, тем менее опасности от ударов их. Поэтому в конце концов дети изгоняют отца из стада, и он становится одинцом. Угрюмый и злой, в одиночку доживает он свой век; но борьба с ним тем опаснее для врагов — дорого он продает им

свое мясо. Кроме старика, таким же порядком изгоняются из стада один за другим и прочие секачи, поступающие тоже в одинцы, если не удастся попасть хозяином в другое стадо. Между свиньями тоже немало ссор, частью за поросят, частью за пищу. И кончается обыкновенно тем, что стадо, по мере размножения, понемногу рассыпается. Прибавим к этому огромную убыль от врагов и болезней. Тогда понятно будет, отчего кабаны не образуют сотенных и тысячных стад, как различные травоядные звери.

При нападении врагов свиньи и кабаны отчаянно защищают детей. Все стадо сплачивается в тесную кучу — поросята посередине, подростки вокруг них, а наружное кольцо составляют способные к бою взрослые. Горе врагу, растерявшемуся в бою и оробевшему при виде этого войска; при первой попытке к отступлению секачи и свиньи с быстротой стрелы бросаются на него и разрывают на части.

Главные враги кабана — волк, медведь, тигр (а в Африке — лев, леопард и пантера), но страшнее всех, конечно, человек.

К волку кабаны питают ужасную ненависть. Эта ненависть передалась в наследство домашней свинье и перенесена ею на собаку, как потомка волка. Никто так настойчиво не преследует кабанью семью, как волк. Бороться с кабаном и даже свиньей ему не под силу. Но зато достается от него поросятам всех возрастов. Зимой волки, собравшись стаей, устраивают настоящие охоты на кабаньи семьи. При этом пускаются в ход не только волчьи зубы, но и изворотливый волчий ум. Одни волки устраивают засады, а другие гонят на них свиней. Пропуская опасных секачей и свиней, волки бросаются на поросят и уносят их, несмотря на погоню старых; в это время загонщики-волки, пользуясь переполохом, бросаются на других поросят и подсвинков и душат их на скорую руку. А затем, проводив остальных со стариками, принимаются пировать.

Медведь — более добродушный враг свиней. Он подкарауливает больше одиноких, отсталых и никогда не бросается на целое стадо, зная, что поплатится тут сам. В бой с секачом и одинцом он

тоже вступает редко, как бы обсудив предварительно все шансы на успех. Если ему удастся подкараулить одинца и броситься на его спину незамеченным, тогда медведь обхватывает его передними лапами, а зубами впивается в шею; но и тут успех сомнителен: иногда сильный одинец бросится в чащу и собьет с себя медведя; озлобленные звери вступают в кровавый бой, из которого редко медведь выходит победителем.

Во время осени кавказские охотники, подкрадываясь к медведям и кабанам, кормящимся под грушами и яблонями их плодами, нередко бывают свидетелями забавных сцен. Мишка залезет на грушевое дерево, чтобы натрясти груш, а в это время явится кабан и начнет уписывать их за обе щеки, как добрый гость. Мишку разбирает досада, а спуститься на кабаньи клыки неохота. Но досада разбирает все пуще: и вот он, спустясь осторожно на нижние ветви, бросается оттуда на кабана. Дело кончается, смотря по силам противников: или кровавым боем, или бегством медведя.

На южном берегу Каспия, в лесах Гиляни, Мазандерани и Астрабада, где растут не только дикие груши и яблоки, но есть даже рощи апельсинов и мандаринов (искусственно разведенные), на полях риса и в плодовых лесах истинное приволье для кабанов, но нет счастья без горя. Тут же живут тигры и паленг (барс). Последний особенно страшен, потому что отлично лазает по деревьям и оттуда без промаха, уже не по-медвежьи, бросается на спину кабана; как бы ни был силен кабан, но в битве с паленгом он погибает наверное.

С тигром не то. Во-первых, тигру надо подкрасться к кабану, а слух и чутье у него превосходные; во-вторых, если тигр стережет кабана из засады, то при прыжке на добычу неизбежно произведет хотя шорох, а этого достаточно кабану, чтобы принять оборонительную позу, и один ловкий удар клыками может быть смертелен для тигра. Поэтому, несмотря на большой рост и силу в сравнении с паленгом, тигр разборчиво нападает на кабанов и, испытав раз удар кабаньего клыка, нередко пропускает одинца мимо, предпочитая свиней и подростков. Схватив свою добычу, тигр в несколько больших прыжков скрывается в чаще.

Как ни плодовиты кабаны, но дело идет к тому, чтобы истреблять их до последнего. И не жаль. Кроме вреда хозяйству, кабан нам пользы приносит мало. Правда, мясо его несравненно вкуснее свиного, но, подсчитав все убытки, наносимые кабаном полям, окажется, что это мясо очень дорого. И гораздо лучше все съеденные кабанами продукты отдавать нашей хавронье с ее потомством...

ИЗ ЛЕТОПИСЕЙ ЗИМЫ.

Снег валит хлопьями. Эх, если бы перестал под утро, пройтись бы по пороше, посмотреть, что делается, как живется кругом.

Пороша — ведь это летопись жизни, правдивая, беспристрастная. Она выдает все секреты, все, и худое и хорошее в жизни зверей. Без этой летописи многого бы не знали, что творится кругом. А тут, по свежим следам, мы прочтем все, что делал какой-нибудь зверек, мы прочтем даже, что волновало, что радовало его, от чего он бежал в ужасе или кого преследовал неотвязчиво целые версты.

Итак, идем по пороше.

За селом, на гу́мнах[1] и огородах, снег, как узором, испятнан следами; одни маленькие — начнутся в одной снежной норке и исчезнут в другой. Это следы мышей и полевок. Вот следочки покрупнее, другие еще крупнее: то горностаи, ласочки, хорьки — злые враги мышей. Все это перепутано так, что не сразу разберешься. А вот и следы собачьи; нет, очень велики. Эге, да это

[1] Гумно — земельный участок, предназначенный для хранения скирд, соломы, сельскохозяйственных машин и для обмолота хлебов.

семейка волков разгуливала около деревни; то-то собаки всю ночь выли. Прекрасный случай! Мы так много слышали о волках; с самого детства нам натолковали, что это страшный, лютый зверь. Надо же с ним познакомиться! Не бойтесь, волки нас не съедят.

Волк прежде всего умница и очень любит себя. Человека он знает прекрасно и решается нападать на него лишь в редких, исключительных случаях. Днем никогда он и близко не подойдет к человеку, потому что ужасно боится его. Только сильный, мучительный голод, который испытывает волк зимой, помрачает его ум, и он, остервенелый, бросается ночью на одинокого путника. Чиркните спичкой, если найдется, и волк исчезнет во мраке ночи. Вот если в зимнюю ночь повстречаться с голодной стаей — тут беда неминучая, и выручит разве счастливая случайность.

Однако вернемся к нашим волкам и проследим, что они делают ночью около села. Следов много: пять, шесть, семь волков; это целая семейка с мамашей. Должно быть, рано с вечера они подошли к селу. Так и есть: следы идут с поля прямо к тому месту за гумном, где два дня тому назад выбросили мертвую свинью. Очевидно, волки уже закусывали свининкой, а днем пировали деревенские псы, потому что остались одни косточки от хрюшки. Волки пришли вчера с рассветом; они чуяли, что со свиньей покончено, но у них на уме другая пожива. Старуха волчица обошла сторонкой и расположилась в самом переулке, а молодцы пошли прямо к костям свиньи. Но расчет старухи не оправдался: ни одного деревенского пса на этот раз у костей не оказалось.

Поглодали волки уже обглоданные косточки, да только голод раздразнили. Обошли они дозором все село. Нет нигде поживы, везде крепко заперто; только запах скотинки несется с дворов. Побежали наши неудачники к реке, чтобы попытать счастья на зайчиках в камышах.

А косой тут как тут. Ровными прыжками бежит он с поля на гумно. Волки прилегли, добыча сама в рот лезет. Но косой тоже не дурак; не добежав до волков, он сел и начал вслушиваться. Зря тоже и ему на гумно ходить нельзя. Не вытерпел один волк, приподнялся и со всех ног бросился к зайцу. Косой,

видя беду, побежал в поле, и началась гонка. К семье волков присоединился еще старый, огромный волчина-папаша, и все это мчалось по полю, как вихрь.

Заяц был старый и опытный; он свернул в лесок и начал вертеть там своих преследователей: на полном скаку прыгнет в сторону и пригнется под кустом; волки промчатся мимо, а он перевел дух и скачет своим следом назад. Пока заметят его хитрость, он уже далеко. Но голодные враги не отстают; снова слышится их топот, снова они напали на его след; мчится косой, прыгает, путает следы, вертится на кругах; не будь старого волка, ушел бы он цел-целехонек. Но этот и сам хитер, да и все заячьи повадки знает. Предоставляя стае гоняться по лесу, он давно уж залег на опушке, в мелких кусточках, и ждет друга милого.

Долго ли, коротко ли, только зайчина наткнулся на старика и очутился в старых зубах. Захрустели кости; кусок за куском, нежеваная зайчатина попадала в волчье горло. Старый обжора торопился: прибегут дети, придется делиться. Чтобы оттянуть время, он с зайцем сделал даже несколько прыжков в сторону.

Но вот и они. С высунутыми языками прибежали по заячьему следу, остановились на последнем его скачке, учуяли кровь и мигом разбежались в разные стороны на поиски. Ворчание старого волка быстро собрало всю стаю к нему. Половины зайца уже не было, а остальную старик решился защищать до последних сил. Придавив зайца лапой, старый волк, с оскаленными зубами, с сверкающими глазами, стоял перед семьей. Один молодчик сунулся было к зайцу, но тотчас отскочил с визгом: старик укусил его. Этот визг рассердил волчицу; прижав уши, бросилась она на старого эгоиста. Это было сигналом; ее примеру в тот же миг последовали все прочие. Началась страшная драка, и старый волчина, как ни боролся, был задушен детьми. Но — увы! — наследства после папеньки не оказалось: один почтительный сынок в разгар свалки подцепил остатки зайчика и скушал. Когда общее остервенение поулеглось, волки пришли в себя и двинулись в путь. Невесело им было: другие сутки голодать — не шутка. В погоне за зайцем и в пылу драки они не заметили, как начало светать; а днем ведь промышлять нельзя; оставалось только убраться куда-нибудь на покой.

Но — чу! — раздался звук рога. Волки остановились; старая волчица насторожила уши. Сильно забилось у нее сердце: она знала этот ужасный сигнал и бросилась к опушке. Вдали стояли поодиночке, верхами на лихих конях, охотники. Сколько их — кажется, что и счету нет; весь лес окружен. Понурила голову старая разбойница — плохо дело! . .

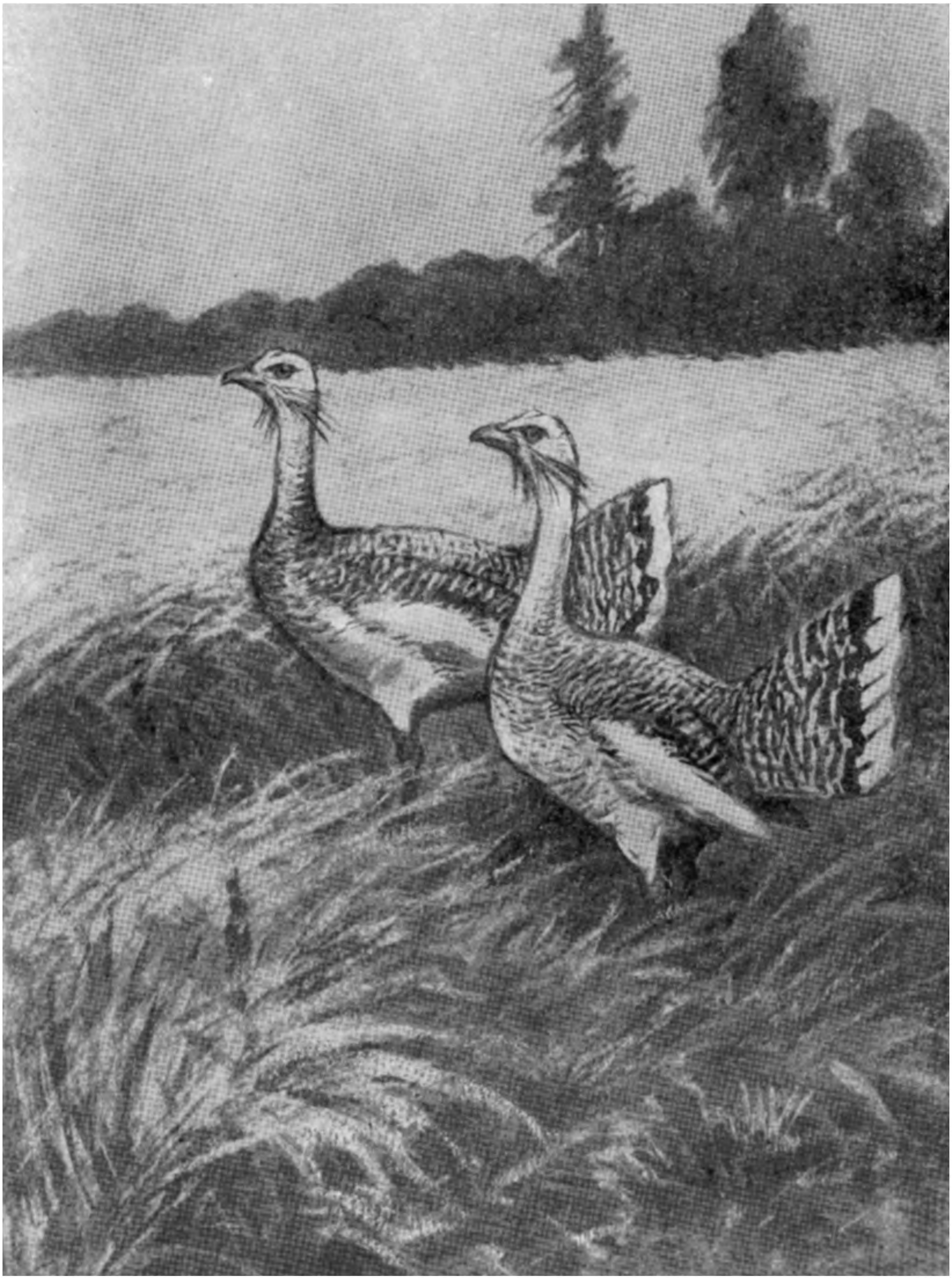
Вот раздался в тишине лесной тонкий, визгливый голос молодой гончей.

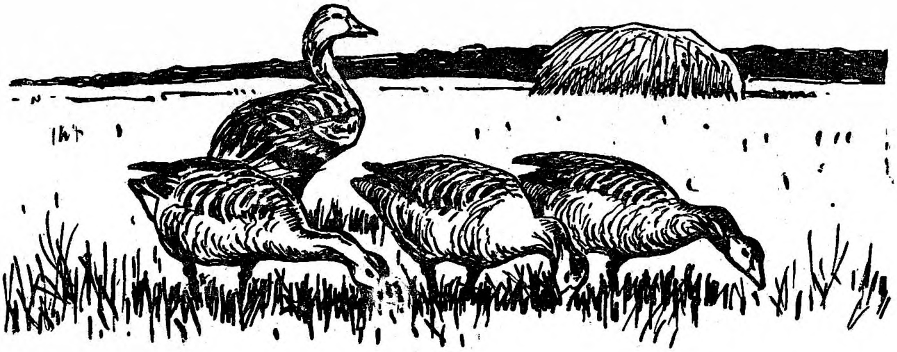
— Слушай! Вались к нему! — заорал доезжачий.

И, как по команде, басы, баритоны, тенора, сопрано, целый оркестр грянул в лесу. Чу́дная музыка для охотника, страшная — для всякого звериного слуха.

Залилась вся стая по волчьим следам, ближе-ближе; вот уж мелькают желтомордые черные псы между деревьями. Не выдержал один волк и поскакал в поле; за ним другой, третий. Видит волчица, как там одного за другим травят борзыми; как они валятся на землю и гибнут под кинжалами охотников. Пора и самой наутек. Помчалась она старым своим лазом туда, где не раз ей случалось обманом миновать охотников и спасти свою шкуру. Видит и теперь никого нет в овраге. Но не всегда же вывезет счастье. За дубовым кустом стоял сам барин-охотник с парой лучших борзых. Лишь только поравнялась волчица с кустом, оттуда, как из лука стрела, вылетели оба пса.

Что было сил понеслась она по полю. Но уже поздно: псы скачут рядом. Обернулась она к одному из них, чтобы дать щипка, а другой в тот же миг ухватил ее, как клещами, за горло. . .





В КОЛОСИСТОЙ РЖИ.

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом,
Ты не пой, косарь,
Про широку степь.

Кольцов.

Сжали рожь. Сложили снопы: то как поленницу дров — скирдами, то круглыми снопами, то крестцами. В каждой местности складывают хлеб на свой лад. Иной раз нужно ему доспеть — ну, и кладут так, чтобы колос был наружу. Большею же частью прячут колос внутрь, чтобы предохранить его от дождя. Но как бы ни была сложена рожь, а жнитво страшно изменяет вид поля и его животный мир.

Несколько дней назад тишина царствовала в поле: шумели только колосья, волновалась поверхность спелой ржи, словно море, от каждого ветерка. В этом шепоте колосьев, в этом движении волн на поверхности поля было что-то усыпляющее, наводящее дремоту. Лишь немногие птички нарушали эту тишину. Взовьется жаворонок, выпорхнет перепел и опять нырнут в волны хлебного моря. Даже ласточки, и те редко носятся над спелым колосом. Только один неизменный смотритель поля, седой лунь, плавает в воздухе над самой поверхностью ржи, осматривая тщательно каждый загон, каждую десятину[1]. И невольно думаешь: эх,

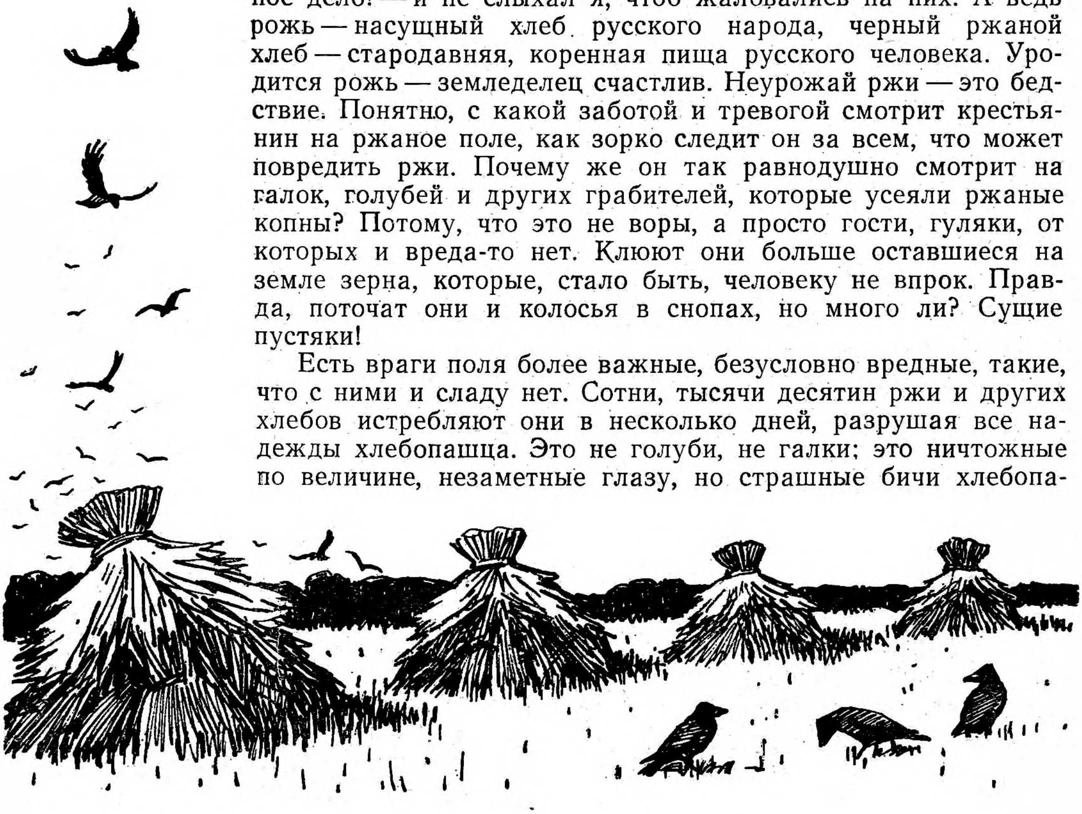
---

[1] Десятина — 1,09 га.

какая пустота в поле! То ли дело в лесу! Сколько там жизни, какой шум, сколько различных животных, а здесь тишь и больше ничего. Жатва как будто оживляет поле. Лишь только сожнут хлеб, тишина нарушается сразу: много птиц слетается сюда из соседних лесов и селений; одни копны хлеба чернеют от галок, на других сидят парами и стайками голуби. Тут увидишь и уличного голубя, и лесного клинтуха, и крупного белокрылого витютеня, и воркотунью горлицу; все они прилетели пир пировать, готовый хлеб воровать. Снуют по жниве и порхают над нею жаворонки; даже ворона, серая карга, и та явилась попробовать свежей ржи. И этот пир идет целый день да еще но́чи прихватит; улетят вечером галки, голуби, воро́ны, а на место их явятся другие воришки. С наступлением сумерек слышится в воздухе свист, и какие-то темные фигуры быстро несутся стаями в поле. Это дикие утки летят на кормежку, на жнивье.

Плакать бы надо земледельцу от этих воров: но — странное дело! — и не слыхал я, чтоб жаловались на них. А ведь рожь — насущный хлеб русского народа, черный ржаной хлеб — стародавняя, коренная пища русского человека. Уродится рожь — земледелец счастлив. Неурожай ржи — это бедствие. Понятно, с какой заботой и тревогой смотрит крестьянин на ржаное поле, как зорко следит он за всем, что может повредить ржи. Почему же он так равнодушно смотрит на галок, голубей и других грабителей, которые усеяли ржаные копны? Потому, что это не воры, а просто гости, гуляки, от которых и вреда-то нет. Клюют они больше оставшиеся на земле зерна, которые, стало быть, человеку не впрок. Правда, поточат они и колосья в снопах, но много ли? Сущие пустяки!

Есть враги поля более важные, безусловно вредные, такие, что с ними и сладу нет. Сотни, тысячи десятин ржи и других хлебов истребляют они в несколько дней, разрушая все надежды хлебопашца. Это не голуби, не галки; это ничтожные по величине, незаметные глазу, но страшные бичи хлебопа-



шества. Целые местности опустошают они, а борьба с ними человека до сих пор безуспешна. Причина этого бессилия кроется отчасти в незнании врагов.

Давайте проследим жизнь ржаного поля и присмотримся к его обитателям.

* * *

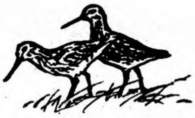
Как раз около 1 августа на всей Руси сеют озимую рожь. Это время самого коренного сева. Черными, серыми, желтоватыми полосами выдаются среди других хлебов озимые посевы. Ничего-то на них нет: ни зверька, ни жучка, ни птички, ни бабочки.

Пройдет несколько дней, и как щеткой зеленой покроются эти черные пашни. То взошла молодая озимь.

Время идет, покосили яровые хлеба, подергали горох, наметали по загонам целые ометы гречихи. Осень идет своим чередом. Все блекнет, желтеет, закраснелись листья на осинах, а озимь, наперекор осени, все зеленеет да зеленеет.

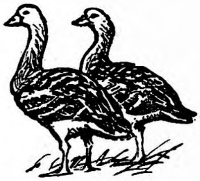
Вот и на озимях появились живые существа: пролетное стадо диких гусей соблазнилось их зеленью; опустились гуси на озимь и щиплют ее с удовольствием. Да и не одни гуси. Вон, посмотрите, целая стайка, штук в 300 красивых птиц, также опустилась на озимь и с веселым криком принялась щипать ее. Это ржанки, или сивки, или так называемые озимые куры,— птицы из куличьего рода. Живут они на дальнем севере и гнездятся на холодных тундрах. Теперь от голода и холода пустились они в дальний путь, в южные страны. Недаром русский человек назвал их озимыми курами и ржанками. Во время перелета они долго гостят в средней и южной России, кормясь на озимях. Сивками же их назвали потому, что верхняя сторона их — сивого цвета, с черными и золотистыми пятнышками. С каждым днем гостей на озимях прибывает. Сюда слетаются покормиться дрофы, стрепеты, казарки и другие птицы.

Но что же это такое? Вдруг озимые всходы начали желтеть, словно варом их обварило; и странно! — один кустик пожелтеет, а соседние по-прежнему зелены. Если хотите узнать причину, выкопайте осторожно пожелтевший кустик с корнями. Еще осторожнее, над тарелкой отряхните землю с корней. Смотрите, червячок уцепился крепко за корень. Это личинка жука — один из старейших врагов ржи. Он истребляет осенью целые загоны ржи.


Ржанки

Стрепет

Казарки


Дикие гуси

Дрофа

Осенние утренники делаются все сильнее и сильнее. На озимь начинают выгонять гусей и домашнюю скотину — овец, коров, лошадей. Корни озимей настолько укреплены морозом, что не выдернуть их скотине, а зеленая озимь составляет превосходный корм.

Сивый лунь

* * *

Наступила зима, покрыла поля снегом, улетели сивки, дрофы, стрепеты; перестали гонять скот в поля.

Не думаете ли вы, что теперь опустело озимое поле?

Посмотрим.

Грач

С вечера шел снежок до самой полуночи; поутру образовалось то, что называют охотники порошей. Глазам больно от ослепительной белизны снега. Но что же это за пятна на нем? Озимое поле словно узором покрыто; кое-где снежок разрыт до зеленых озимей, до самой земли. Рассмотрим эти узоры. Одни пятна имеют форму лапок птиц, другие — лапок зверей. Пойдемте по какому-нибудь следу. Вот здесь ходил русак; он не зря забрел сюда. Побродив по озими, оглядевшись кругом в темноте ночи, он разгреб снежок и поел озимей, поел в одном, в другом, в третьем месте, наелся досыта и отправился спать в каксе-нибудь укромное место.

Чайка

Проснулись поутру куропаточки, ночевавшие в уреме реки, отряхнулись, перекликнулись и полетели дружной стайкой на озимое поле, именно на те места, где разрыт снег русаком. Так очень часто одно животное помогает кормиться другому. Без помощи русака не разрыть бы куропаткам снежок, не наесться бы сладких озимей. Поэтому знайте, где зимой есть русаки, там могут быть и куропатки, а где — куропатки, там, наверное, есть русаки.

Пиголица (чибис)

Но не одни русаки и куропатки посещают озимое поле зимой. Под снежным покровом прокопают галереи различные полевки и мыши, которые тоже кормятся озимью.

Наступит весна. Еще не успеет зазеленеть озимь молодыми всходами, как на нее явятся снова гости: те же ржанки, жаворонки, пиголицы, грачи, чайки,— словом, всё, что большей частью кормится не самой озимью, а личинками насекомых, которые выползают погреться на солнышке.

В начале мая ржаное поле населяется прилетевшими перепелками. Пение жаворонков, крики перепелов придают осо-

Бекас

Перепел

Полевка

Мышь

Жаворонок

бую прелесть этому зеленому ковру. Вот явились смотрители поля — сивые луни, полезнейшие из хищных птиц, которые водятся у нас. Целый день лунь занят тем, что летает над хлебами, отыскивая мышей и полевок, и истребляет их в страшном количестве. А это очень важно. Не будь луней, полевки и мыши поедали бы весь хлеб дочиста, и земледелие было бы невозможно. Приютившись зимой в озимях, полевки и мыши с наступлением весны устраивают себе здесь гнезда и мечут в них детенышей. Мечут их не раз, а пять-шесть раз в течение лета. Мышиное население умножается в огромных размерах, и если бы не луни, в поле не осталось бы ни одного колоса. Но справедливость требует сказать, что, и кроме луней, у нас много друзей, которые занимаются истреблением мышей. К сожалению, мы также зовем их врагами и истребляем при всяком удобном случае.

Представьте себе картинку из жизни поля:

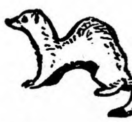
Справа, внизу, ласочка кушает мышь. Это один из неутомимых преследователей мышиного рода. Все лето дни и ночи, особенно ночи, рыщет ласочка по хлебам, отыскивая свою любимую пищу — мышей и полевок. Тихо крадется она по бороздам, обнюхивая кругом. Толстая полевка, сытая, отъевшаяся на даровом хлебе, вышла из норки с целым десятком своих детенышей, наелась и улеглась под листочком понежиться на солнышке. Откуда ни возьмись, ласочка скакнула и ухватила за шиворот воровку.

А выше другая сцена.

Канюк поймал крота. Смотритель поля, лунь, будто обиделся, как смели охотиться на его даче, и храбро налетел, чтобы отнять свою добычу. Впрочем, канюк попал сюда случайно. Пока рожь стоит на корню, он не залетает в поле; он является позже, когда сожнут хлеб. Тут их ссоры с лунями ведутся почти постоянно.

Кроме ласочки, в колосистой ржи хозяйничают горностай, хорек, куторы или землеройки. Частенько встретишь там и колючего ежа. Порой заглянет сюда, и даже нередко, кумушка-лисица. Угрюмому волку тоже хорошо во ржи. Здесь он прячется от человека, отсюда ему удобно высматривать стадо и подстерегать, когда уснет беспечный пастух с его ленивыми собаками. В колосистую рожь тащат волки овцу, добытую в этом стаде. Вот сколько хищников насчитали мы во ржи. Но не все они таскают овец, не всем служат приманкой мыши. Очевидно, тут есть еще не одна лакомая добыча. Да, в колосистой ржи живут и плодятся русаки. Здесь выкапывают свои норы хомяки, овражки или суслики. Здесь гнездятся перепела, жаворонки, коростели, иногда серые куропатки и дупеля. Высокая, густая рожь — это в своем роде лес. Здесь живут птицы и звери, но не для того, чтобы наесться:

Землеройка


Горностай

Суслик

Хорёк

Хомяк

многие из них и в рот не возьмут ржаного зернышка; им нужно место для отдыха; им во ржи удобно подкарауливать свою добычу.

Трудно следить за жизнью обитателей ржаного поля. Для этого надо большое терпение. Иной раз спрячешься в рожь, просидишь неподвижно часа два-три и ничего не увидишь. Зато порой наткнешься на такие сцены из жизни животных, о каких не писано ни в одной книге.

Поутру и в сумерки идет во ржи самая кипучая деятельность. Дневные жители собираются на покой, волнуются, перепелочки скликают своих выводков; собрала матка деток и пробирается на межу, чтобы устроиться на ночь под листьями какого-нибудь лопуха. Откуда ни возьмись, черноглазый подсокольник: налетел стрелой, подхватил перепелку и несется с ней дальше.

Мгновенно весь выводок рассыпался в разные стороны, перепелята замерли и притаились под листочком. Далеко мчится хищник со своей добычей. Не вернуть матери своего детища. С тревогой сзывает она остальных деток и еще осторожнее пробирается в траве, чтобы спрятать их хорошенько.

Солнце давно уже село, потухает короткая летняя зорька, какие-то тени реют над полем. Это совы и полуночники вылетели на добычу. Полуночники явились из леса поохотиться за хрущами и другими жуками, которые летают над полем. Болотная сова прилетела сменить луня, уставшего от дневной работы. Она целую ночь будет ловить мышей и полевок, пока не проснется господин лунь. Трудна их работа. Мыши и полевки увертливы: надо много ловкости, чтобы словить их в высокой ржи.

Целый день дремлет русак где-нибудь на меже под кусточком, наконец приподнялся с своего логовища, потянулся, почистил мордочку, встал на дыбки, повел длинными ушами, послушал и отправился в рожь поужинать.

Где зайцев много, так они протопчут дорожки в поле, проходя каждый день на знакомые места покормиться. Но и тут от беды не спасешься: порой наткнется на такую дорожку кума-лисанька, понюхает заячьи следочки, прогуляется по дорожке, да и заляжет в сторонке. Вот идет жирный русак, то один колос погложет, то другой; выждет его лисанька, бросится одним скачком, придушит и поужинает.

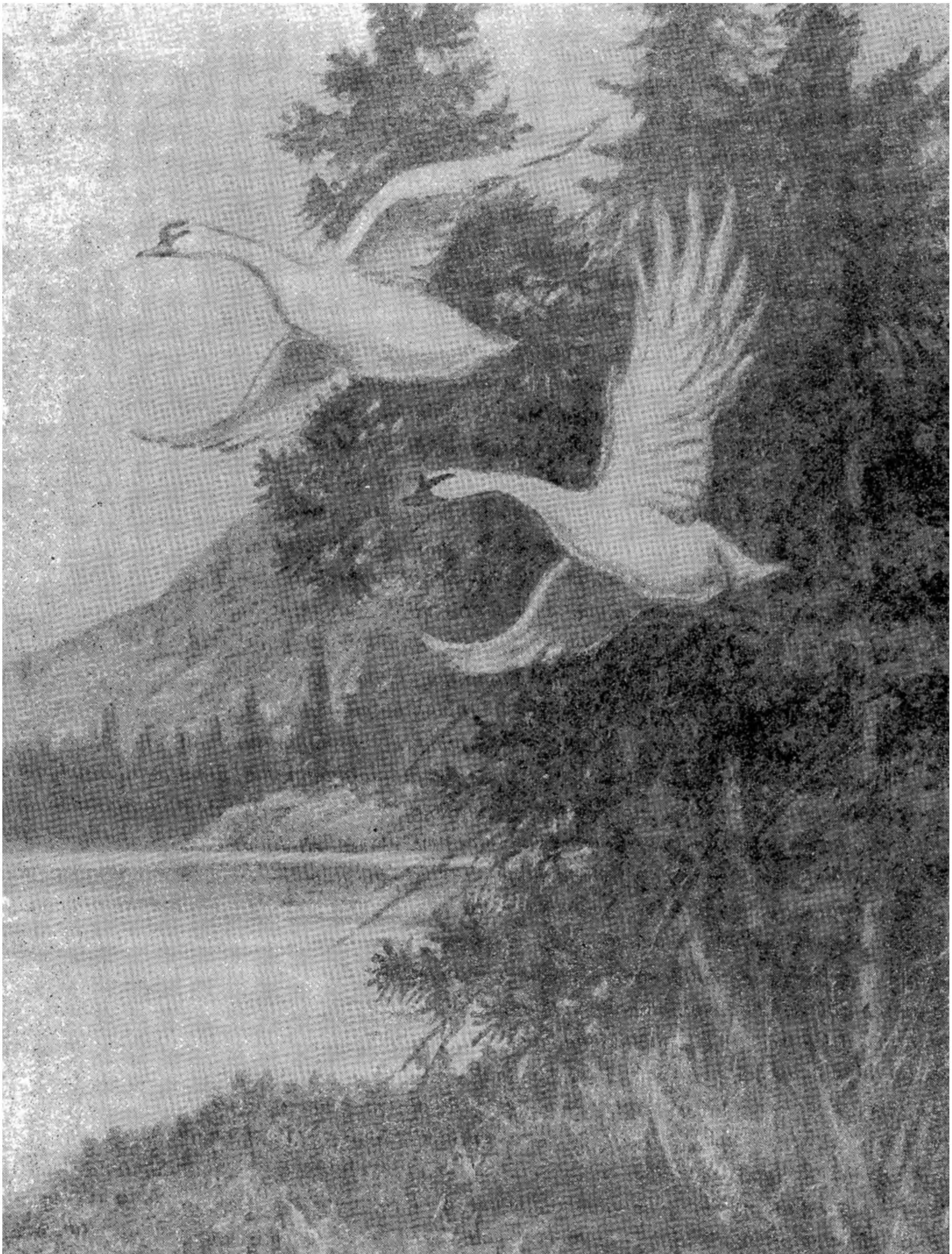
Но всего не перескажешь, что делается во ржи. Надо самому видеть, и не только этих крупных зверей, но и птичек. Одни из них — наши друзья, другие — враги, и враги не страшные. Во ржи живет множество таких мелких существ, которые страшнее всяких полевок, сусликов и хомяков. Над ними-то и надо наблюдать нам, чтобы охранить сколько-нибудь поле.

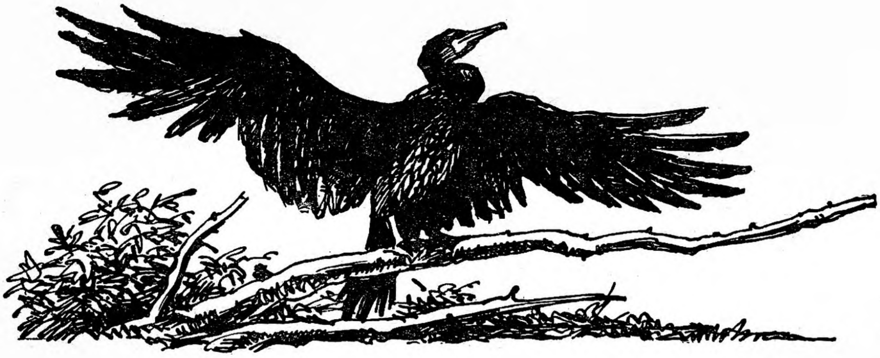
Но, повторяю, их так много, что нельзя и перечислить.

Когда весной рожь выгоняет коленчатый стебель, над полем снуют в бесчисленном количестве крошечные мушки, которых почему-то называют гессенскими. Быстрокрылые ласточки в это время взапуски носятся над хлебами, ловя гессенских мух. Эти мушки наносят страшный вред ржи. Сами они не едят хлеб, но проколют молодой стебель около узла и положат туда яичек. Из каждого яичка выйдет личинка, которая начнет сосать сладкий сок, заключающийся в стебле, от чего тот сохнет и умирает. Когда начнет наливаться зерно, на ржаных колосьях появляется во множестве маленький красивый жучок, которого прозвали на юге России кузькой. Он любит вкусный сок молодого зерна и кушает его до отвалу, а потом спустится на землю и положит туда свои яички, из которых выведутся прожорливые личинки. Вот два страшнейших врага ржи. С ними уже не первый год воюют, особенно на юге России, земледельцы, но безуспешно, потому что жизнь кузьки до сих пор мало известна, а не зная врага, трудно бороться с ним. Перечислять других насекомых, обитающих в поле, мы теперь не будем; заметим только, что и стебель, и колос, и листья — все служит пищей различным насекомым и их гусеницам, и если бы их никто не трогал, то, конечно, от хлебного поля ничего бы не осталось в течение лета. Однако хлеба спеют, их жнут и вымолачивают массу зерна, стало быть, кроме человека, есть у поля и другие друзья, которые берегут его. А таких друзей немало. Насекомоядные зверьки: куторы, ежи, кроты, летучие мыши, насекомоядные птицы, жабы, множество насекомоядных — вот эти

друзья, которых мы и знать не хотим, тогда как они-то и спасают наши посевы от истребления их кузьками, гессенскими мухами и тому подобными воришками.

Потом в целом ряде очерков я постараюсь рассказать вам, что знаю о каждом из друзей и врагов поля; теперь же буду доволен и тем, если вы убедитесь, что в колосистой ржи идет живая, кипучая деятельность, частью на пользу, частью на вред человеку, если убедитесь, что в русском поле найдется много интересного для наблюдателя, и если сознаете, что этими наблюдениями можно принести пользу земледельцу, а следовательно, и самому себе, потому что каждый из нас ест черный ржаной хлеб.





ЧТО ТАКОЕ ПТИЦА?

Вам, вероятно, не раз приводилось засиживаться дома за скучными книгами, и после долгого затворничества вас, наверное, сильнее тянуло из дома туда, в зеленые леса и степи, в широкие поля, на красивые берега рек и озер, туда, где все живет вольною жизнью.

Там хорошо, в этих изумрудных лугах, в этих дремучих лесах и золотистых полях. Бесчисленное множество разнообразнейших животных невольно обращает на себя внимание: одни — своими странными формами; другие — обычаями, привычками; третьи — яркими красками своего наряда; четвертые — криками, песнями. Сначала голова идет кругом; не знаешь, за кого прежде взяться, кем увлечься; но потом, мало-помалу, когда освоишься с этим движущимся миром животных, больше всего заинтересуют птицы. Это случилось со мной, и я уверен, что то же случится и с вами. Да оно и понятно; покрытые пестрыми, блестящими перышками, вечно веселые, довольные, суетливые, с дивными способностями летать по воздуху и петь веселые песни, птицы составляют украшение природы. Без птиц казались бы пустынными леса и степи.

Уничтожьте птиц — исчезнет та дивная музыка природы, которая доставляет нам столько удовольствия.

Я вовсе не намерен расхваливать птицу для того, чтобы вы ее полюбили: вы и без того ее любите. Я сам слышал не раз, как вы говорили: «Ах, милая птичка!», «Ах, вольная пташечка!» Мало того, вы завидовали ей и тоже не раз говорили: «Ах, если б я был птицей — я полетел бы высоко-высоко, пронесся бы с быстротой ласточки, чтобы взглянуть на чудные сказочные страны, о которых пишут в книжках!»

Да, крыльям птиц издавна завидует человек. Со времен глубокой древности людей занимает мысль о том, как бы сделаться птицами, как бы приделать себе крылья и летать по воздуху. Вы знаете, конечно, что мысль эта отчасти уже осуществилась. Более ста лет назад Пилятр де Розье в первый раз поднялся на воздушном шаре Монгольфьера. В эти сто лет много людей трудилось над улучшением воздушного шара. Искусство воздухоплавания дошло уже до того, что не только такие могучие духом люди, как Пилятр де Розье, но люди самые обыкновенные, даже робкие, решаются подняться на воздушном шаре. Однако воздушный шар все-таки не крылья птицы. Он не может идти даже в сравнение с последними.

Между тем как просто устроено это крыло. На косточках передней конечности птицы, соответствующей нашей руке, находится ряд перьев, которые и составляют крыло. Их всего от двадцати до тридцати; они длиннее других перьев тела. Сидят они на косточках крепко и не гнутся в сторону. Развернет птица крылья, взмахнет ими раз-другой, поднимется с земли и полетит. Как это просто! Казалось бы, стоит только приделать к нашим рукам искусственные большие перья, взмахнуть бы ими и полететь за птицей. Правда, были такие чудаки, которые приделывали себе крылья; но им и на полвершка не удавалось подняться от земли. Тогда они прибегали к хитрости. Взлезали на какое-нибудь высокое место, распускали крылья, размахивали ими и бросались вниз; однако все эти попытки кончались очень плачевно: переломом рук или ног, а не то и просто смертью. Увы, лучше бы было, если бы эти бедняки узнали сначала секрет птичьего полета.

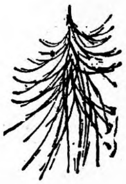
Я расскажу вам этот секрет именно для того, чтобы вы не делали себе крыльев и не пускались летать по-птичьему. Секрет очень прост. Сделайте следующий опыт: возьмите какую-нибудь битую ощипанную птицу, но еще невыпотрошенную. Отрежьте ей крыло так, чтобы перерезать первую косточку, идущую от плеча; вставьте в перерезанное раньше горло птицы стеклянную тру-

бочку; положите птицу в воду; дуньте сильнее в стеклянную трубочку и смотрите: из перерезанной косточки крыла начали булькать в воду пузырьки воздуха. Как только вы перестанете дуть, перестанут появляться и пузырьки. Очевидно, что воздух из дыхательного горла птицы легко проходит в кость крыла. Если вы осторожно разрежете брюшко птицы, то через этот разрез увидите в полости ее тела желудок, кишки, печень и другие внутренние органы, а между ними заметите мешки с тонкими прозрачными стенками, наполненные воздухом. Вот тут-то и сидит секрет птичьего полета. Вся внутренняя полость тела птицы снабжена такими мешками; они занимают все пустые места между другими органами. Эти мешки, при помощи трубочек, сообщаются с легкими; кроме того, от них идут трубочки, которые входят во внутренние полости больших костей крыльев, ног и головы. В этих костях вовсе нет жира, называемого костным мозгом, который мы так любим высасывать из костей млекопитающих.

Воздух, вдыхаемый птицей, проходит в горло, оттуда в легкие, из легких же в воздушные мешки, а из них в пустые кости крыльев и ног. Вот почему, когда вы вдунули воздух в горло мертвой птицы, он стал булькать в воду из отрезанного конца плечевой кости. Поэтому все тело птицы наполнилось воздухом; чем больше надуется птица, чем больше она вдохнет в себя воздуха, тем легче сделается ее тело, так что она без труда может двигаться по воздуху на своих крыльях.

Кроме воздушных мешков, для облегчения полета служат все перья, покрывающие тело птицы. Вы, конечно, знаете, что когда стараются доказать легковесность какого-нибудь предмета, то говорят: «Он легок, как пух», потому что, действительно, пух и перо легки до чрезвычайности. Покрывая тело птицы, перья и пух увеличивают его объем и в то же время уменьшают вес. Сверх того, перья защищают птицу от жары и холода. Перья имеют у птиц очень причудливые формы и самую разнообразную окраску. Поэтому-то перьям птиц всегда изумлялся и завидовал человек.

Да неужели и вы не любовались перьями птички? Неужели вы не собирали эти блестящие перышки? Неужели вы никогда не втыкали их в свою шляпу или шапочку? Неужели вы не заглядывались на эти прекрасные переливы цветов птичьих перьев, с которыми могут сравниваться только крылья бабочек да цвета радуги?



Итак, когда вас спросят, что такое птица,— скажите, что это чудное существо, покрытое перьями и наполненное воздухом; скажите, что это дочь воздуха, которая движется с изу-

мительной быстротой в воздушном океане, окутывающем всю землю.

Но я обманул вас. Птица такое же детище земли, как и мы с вами. Земля для нее нужна, как и для нас. На какой бы страшной высоте ни летала птица в воздушной синеве, взор ее неизменно прикован к земле.

Видали ли вы, как в ясное летнее утро громадный орел парит в вышине? Широкими кругами поднимается он все выше и выше. Следите за ним. Лягте на спину на зеленой лужайке и смотрите. Вот там, далеко, по синему небу плывут белые облачка; орел поднялся уже до них; взвился еще выше-выше; вот его едва видно. Это уже не громадная птица, а какая-то темная точка на лазури небес. Какая страшная вышина! Ведь он выше нас верст на пять. Знаете ли, зачем он летает там? Просто-напросто он голоден и ему нужно высмотреть какого-нибудь зайчика или ягненка, которые копошатся в траве.

Но не одна добыча привязывает птицу к земле. На земле птица ищет отдыха. На земле или на растениях, покрывающих ее, птица устраивает свой дом. На земле самая быстролетная птица проводит свое детство. Скажу вам больше: никто так крепко не привязан к родной земле, как птица. Никто так не тоскует по своей родине, как она, которой человек завидует за ее мнимую свободу.

Самая жизнь птицы полна глубокого интереса для людей.

Многие особенности птичьей жизни невольно привлекают к себе внимание. Возьмем, например, хоть их гнезда. Сколько вкуса, сколько искусства в постройке этих гнезд. Как много любви проявляет птичка к своим птенчикам. Как старательно она отыскивает и носит им корм. Сколько геройства проявляет она при защите своих детей от страшных врагов, с которыми ей не под силу тягаться.

А разве не занимали вас те удивительные воздушные походы, которые птицы предпринимают весной и осенью?

Кто был нашим первым учителем музыки? Кто познакомил нас с этими чудными переливами звуков, которыми полна природа? Все та же птица.

Итак, вы видите сами, что птица — одно из тех живых существ, которые играют особенную, выдающуюся роль в нашей жизни. В птице дивное сочетание таких свойств, каким не обладают другие животные. Вот почему во все времена человек изучал и любил птицу. И недаром, потому что птицы всегда приносили человеку только пользу и наслаждение.

Попробуем теперь припомнить, чем служат нам птицы:

1. Они доставляют человеку вкусное мясо.

2. Пух и перья птиц имеют самое разнообразное применение в нашей жизни.

3. Чем вы замените куриное яйцо в вашей кухне?

4. Птицы истребляют множество вредных насекомых в садах, огородах, полях и лесах.

5. Птицы доставляют нам высокое удовольствие своими песнями.

6. Птицы составляют предмет охоты.

Этого довольно, чтобы сказать, что никакое другое животное не может заменить человеку птицу.

Да нет, нельзя сразу и передать все то, чем мы обязаны птице. Для этого надо самому изучить ее; а это так просто и вместе с тем так приятно и полезно.

У меня не было учителей, когда я маленьким мальчиком полюбил вольную птичку. Некому было рассказать мне все то, что я сейчас вам рассказал. Но представьте себе, полюбив птичек, я наделал им столько зла, что мне даже стыдно теперь. Я их ловил десятками и сажал в клетки.

— Какой жестокий мальчик! — говорили родные и знакомые.— Зачем ты мучишь птичек и лишаешь их свободы? Хорошо ли тебе было бы, если бы тебя самого засадили в тюрьму?

Я ужасно сердился на такие замечания, а когда моих птичек выпускали из клеток на волю, я выходил из себя и ловил еще более птиц.

А знаете ли, я был не прав, что сердился; но не правы были и те, которые меня бранили.

Не умея обращаться с птицами, не зная, как кормить их, я, действительно, был причиной смерти многих из них. Но, с другой стороны, клетка для птицы вовсе не то, что тюрьма для человека, поэтому держать птиц в клетке — совсем не признак жестокого сердца.

Прошу вас припомнить мирских захребетников[1]. Сколько птиц клетка может спасти от смерти в тяжелое зимнее время.

Когда я вырос, мне стало понятно, за что меня бранили старшие. И за то именно, что я не умел обращаться с птичками, что я, действительно, зря губил их.

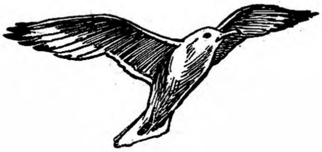
Теперь настала пора исправить вины моего детства, вот я и завел с вами речь о птицах. Если вы чувствуете за собой такие

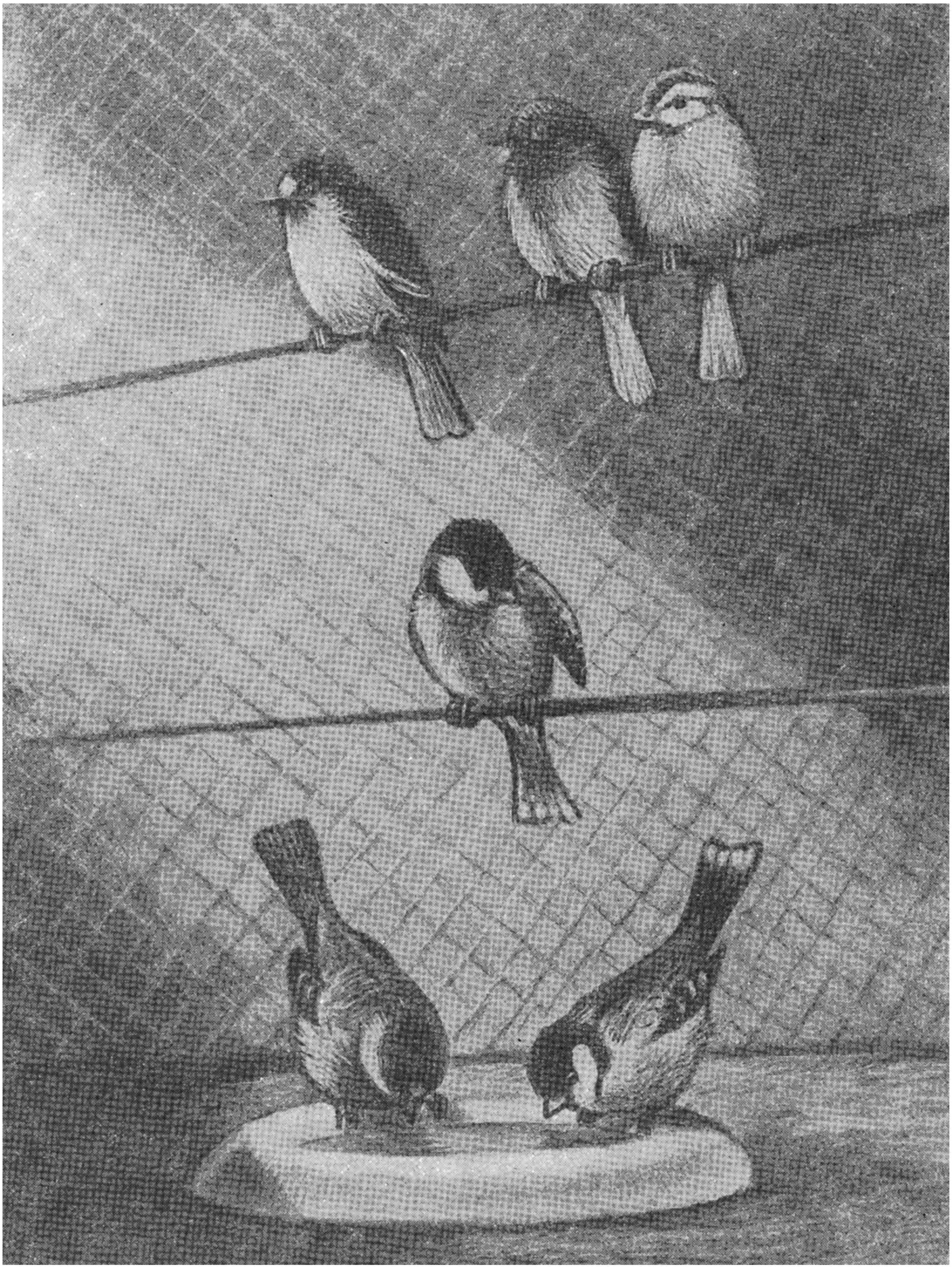
---

[1] Здесь автор ссылается на изданную им ранее книгу «Мирские захребетники».

же грешки, т. е. любите ловить птиц, держать их в клетках и т. д., то будем дальше беседовать.

Я буду постепенно рассказывать вам в целом ряде очерков, как ловить птиц; как держать их в клетках, не мучая; как изучить их на воле; как приручать к себе птичек; как населять ими сады и огороды; как защищать их от врагов; как обучать птиц пению и пр.; разводить и улучшать домашних. Много-много расскажу я вам о птицах, если вы захотите меня слушать.





БЕСЕДЫ О ПЕВЧИХ ПТИЧКАХ.

НЕОБХОДИМЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ.

Ловить птиц, сажать их в клетку, лишать свободы — хорошо ли это? Да, об этом надо подумать. Быть жестоким дурно, а учить жестокости еще того хуже, и я отнюдь не берусь за это.

Всякая жестокость, всякое мучение, истязание кого бы то ни было — невыносимо противны. Поэтому я не стал бы вам говорить о ловле птиц и о содержании их в клетках, если бы это было, действительно, такое варварство, как многие уверяют.

Вот два примера. В клетке, подвешенной к окну, прыгает чижик. Ему, очевидно, весело, потому что он распевает с самого утра. Весь он такой кругленький, чистенький; перышки лежат гладко.

Взгляните теперь на улицу. По голым камням мостовой со страшными усилиями старая лошадь везет тяжелый воз. На каждом шагу она спотыкается. Ее копыта скользят по гладким каменьям.

— Ну! ну! — кричит извозчик, и здоровый удар кнута кладет борозду на худые бока лошади.

Она делает последнее усилие и всей тяжестью своего тела падает на передние ноги. Ее морда ударилась о камни, изо рта заструилась кровь.

Кого вам больше жаль: сытого ли чижа или эту лошадь?

Нам говорят: выпустите чижа на волю. А слыхали ли вы когда-нибудь, что надо выпустить на волю эту несчастную клячу, эту безответную работницу? Нет, для нее воли не существует. Довольно этих двух примеров, чтобы оправдать нашу затею держать птиц в клетках, а если потребуется, то у нас найдется много оправданий.

И эти оправдания не пустые слова. Мы докажем на деле, заботливостью о наших пленниках, что мы заперли их не для мучений.

Докажем... легко сказать! Это совсем не так просто, как кажется. Вы воображаете, что стоит только посадить птичку в клетку, ставить ей в урочный час питье и корм — и довольно. Попробуйте! Вы скоро убедитесь, что этого очень мало, и убедитесь тогда, когда уморите пропасть птиц даром.

Вот в чем именно и заключается варварство, против которого совершенно справедливо восстают некоторые.

Варварами, как вы знаете, зовут издавна людей грубых, необразованных, которые, вследствие своего невежества, склонны мучить, истязать людей и животных. Если вы посадили птичку в клетку и не потрудились узнать, кто она, где живет, что ест, какие у нее привычки — извините, вы такой же варвар, невежда, и я вам не советую быть птицеловом; я пожалею тех птичек, которые попадут вам в руки, и, конечно, из одной любви к птичкам я не стал бы вас учить, как их ловят. Но я не считаю вас, милый читатель, отпетым варваром и думаю, что птичка, которую вы посадите в клетку, принесет вам много пользы. Она доставит вам большое удовольствие своим пением; она развлечет вас в часы досуга и привяжет к себе; она сделает из вас доброго и заботливого друга; она заставит вас задуматься над тем, что без нее вам не пришло бы и в голову.

Я говорю вам это по собственному опыту. Если бы не птица, если бы не эта синичка, которую я поймал, когда мне было лет восемь, вероятно, из меня не вышел бы ученый. А знаете ли вы, что такое ученый?

Когда я был маленьким мальчиком, я имел чрезвычайно странное понятие об ученых. Читая книги, я всегда задавал себе вопрос: кто их пишет? Мне говорили: ученые... «Как они могут знать, думалось мне, все то, что написано в книгах?» Об этом я даже и не спрашивал взрослых, а в книгах искал ответа. Ко-

нечно, я, как и вы, читал больше детские книги, а в то время, когда я был маленький, почти все детские книги были наполнены сказками; в этих сказках рассказывались дивные подвиги богатырей. Но меня поражало то обстоятельство, что все эти богатыри — Еруcланы Лазаревичи, Бовы-королевичи, побивая рати и полчища врагов, в трудную минуту шли за советом к волшебнику, кудеснику, чародею или знахарю. Этот кудесник или знахарь — непременно старичок, живущий одиноко в какой-нибудь лесной трущобе, в пещере.

Вот такими-то кудесниками, волхвами, чародеями я и считал ученых, пишущих книги. А теперь, когда я сам стал ученым, я смело могу вам сказать, что мы не колдуны, что мы не живем в пещерах и не прячемся от людей. Но вы, может быть, спросите: что же такое ученый, если он не колдун? На это я вам вот что отвечу: каждый ученый — это такой человек, который ищет истину, который работает, изучает мир, его природу, изучает воду и землю, растения и животных, изучает историю человечества и т. д. для того, чтобы добыть знания, могущие привести его к уразумению истины. Все это я вам передал, как доказательство, что заниматься птицей разумно — вовсе не пустое дело; что это своего рода наука, которую надо изучать.

Итак, заведите птиц, а я буду вам добрым советчиком. Я берусь за это потому, что всякое дело мастера боится, иначе как раз напомнишь Крыловского медведя, который пробовал из дерева дуги гнуть. Поэтому нам надо прежде всего узнать, как следует ловить птиц и держать их в клетках.

В клетках держат птиц только мелких и по преимуществу так называемых певчих. Иногда, впрочем, держат птиц и не ради их пения, а за красоту перьев, за ловкость движения, но это уж исключение. Обитательницей клетки все-таки надо считать певчую птицу.

Ученые делят птиц на отряды по их свойствам и признакам, и птичек, которые обладают музыкальной способностью, они соединили в один отряд «певчих». К этому отряду относится чуть не половина всех пород птиц, рассеянных по земному шару. Это преимущественно те мелкие, юркие, одетые в блестящие перья птички, которые оглашают воздух чудными, неподражаемыми песнями.

К этим звукам человек до того привык, что не может отказать себе в удовольствии слушать их. Вот почему в комнатах горожан, живущих среди шума города, вдали от природы, вы чаще всего встретите клетку с птицей. Ее пение нужно человеку, как свежий воздух; птичка напоминает ему вольную природу.

Однако мы увлеклись, пора потолковать и о деле. Расположим наши беседы в следующем порядке: прежде всего поговорим, как держать птиц в клетках, а затем расскажем, как их ловить. Эти общие сведения о содержании и ловле птиц нам необходимы, а для того чтобы успешно ловить и держать птиц, нужно будет познакомиться с каждым видом их в отдельности. Чтобы держать, например, соловья, нужно узнать, что такое соловей, каковы его привычки, где он живет, что он ест, когда его лучше ловить. Словом, постараемся быть толковыми птицеловами.

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА СОДЕРЖАНИЯ ПТИЦ.

Прежде всего следует подумать о клетке и решить, где ее поместить. Обыкновенно на это не обращают внимания. Многие рассуждают так: «Не все ли равно птице, какая будет у нее клетка? А мне приятнее такая клетка, которая бы служила украшением комнаты». Это рассуждение эгоиста, у которого птица никогда не будет жить подолгу. Чтобы птице хорошо жилось в неволе, ее необходимо поместить в удобную клетку. Красота клетки для птицы не имеет ровно никакого значения. Поэтому для лесных птиц следует выбирать клетки высокие, а для жаворонков и других полевых птиц, которые привыкли бегать по земле, нужна, напротив, клетка, хотя бы низенькая, но широкая и длинная, потому что полевой птице необходимо движение. Сообразуясь с привычками птицы, следует разместить в клетке и жердочки так, чтобы это было для нее удобно и чтобы она не засоряла нечистотами корм и воду. Для полевых птиц жердочек почти вовсе не нужно.

Клетки бывают самые разнообразные: есть деревянные, с деревянными же прутиками — это самые дешевые; есть деревянные с железными проволочными прутиками, есть совершенно металлические, из жести и проволоки. Это самые красивые и дорогие. Каждый сорт клеток имеет свои достоинства и недостатки. Металлические клетки,— не говоря уже о том, что они красивее и проч-

нее,— хороши тем, что в них легче поддерживать чистоту, что очень важно для здоровья птицы. В таких клетках на птиц менее нападают паразиты, о которых скажем впоследствии. Но металлические клетки пригодны только для ручных и смирных птиц. В них нельзя держать ни соловьев, ни жаворонков, ни других робких и пугливых птиц; они изобьются там до крови и скоро захиреют, а при внезапном испуге размозжат себе головку и мгновенно умрут. Да и вообще никакую только что пойманную птицу не следует сажать в металлическую клетку. Пытаясь вырваться на волю, она обобьет себе о железные прутики всю голову до крови.

Поэтому опытные птицеловы всегда предпочитают самые простые деревянные клетки с деревянными же прутиками. Правда, в них есть тоже неудобства: они от нечистот птицы скоро загаживаются, приобретают неприятный запах; на птицах легче заводятся паразиты, но зато в них птицы живут дольше; нужно только держать их чище. К тому же, если деревянная клетка значительно дешевле металлической, мы имеем возможность чаще обновлять ее. Клетки должны соответствовать величине самой птицы и ее характеру. Смирная, ленивая птичка, как например клест, легко уживается в такой маленькой клетке, в которой бойкая синичка скоро изведется. Любители птиц утверждают, что лучших певцов не следует держать в просторных клетках потому, будто бы, что они тогда хуже поют. Это совершенный вздор. Мы по себе можем судить, что в просторной комнате нам гораздо удобнее, чем в маленькой каморке, а движение и простор для птицы более необходимы, чем для нас.

Итак, надо заводить хотя бы дешевые деревянные, но просторные клетки.

Чтобы птичка чувствовала себя хорошо, ей необходим свежий воздух, поэтому не следует вешать клетки там, где слишком много курят, и ни в каком случае не следует подвешивать ее под самый потолок, где скопляются дым и разные вредные газы, как например угар. Знайте, что угар для птиц смертелен. Если в комнате угарно, у вас заболит только голова, а птички ваши непременно умрут, и тем скорее, чем выше вы подвесили клетку.

Лучше всего вешать клетки на окнах, как это большею частью и делают; но и тут зря поступать нельзя.

Нежные птички: соловьи, малиновки и другие, которые не выносят холода и отлетают на зиму к югу,— в клетках, подвешенных на окне, легко простужаются, хиреют и умирают. Да и все вообще птицы простужаются, если клетка висит около форточки, в щели которой дует на них.

Весьма важно обращать внимание на то, чтобы клетка была постоянно чиста, чтобы птичка имела свежую воду и хороший корм. Каждый день обязательно вычищать выдвижное дно клетки и посыпать его свежим песком, выбрасывать из кормушки остатки корма, вычищать ее и насыпать свежего корма. Каждый день, а летом даже два раза в день, надо мыть стаканчик с водой и наливать в него свежей.

Если вы будете выполнять все сказанное мною, то я ручаюсь, что ваши птички будут здоровы, веселы, проживут многие годы и будут петь отлично. Но это еще не все: у каждой породы птиц есть свои потребности, свои привычки, свой любимый корм. Очень многие птицы, как например скворцы, дрозды и другие, нуждаются в воде не только для питья, но и для купанья. Вот у меня теперь два дрозда и скворец; они помещены не в клетках, а в особой комнате, в обществе маленьких курочек. Каждый день с утра я открываю форточку, чтобы освежить там воздух, и, несмотря на холод, дрозды и скворец аккуратно каждый день купаются. Эти ванны необходимы птицам даже на воле: все они любят держать себя чисто. Наблюдая за вольной птицей — какая бы она ни была — вы непременно заметите следующее: лишь только она наелась — первым делом ее почистить клюв, т. е. вытереть себе ротик. Затем она принимается чистить перышки. Своим клювом птичка переберет все перышки на спине, на груди, на крыльях, на хвосте, пальчиками причешет их на головке и шейке, раз десять отряхнется, оглядится и только тогда начнет петь, когда весь туалет ее окажется в порядке. Я уверен, что если вы обратите внимание на эту привычку птиц, то и сами постараетесь быть опрятнее, чтоб не краснеть перед ними. Не приучайте же ваших птичек к неряшеству и ставьте им иногда блюдечко с водой для купания. Купаясь, они не только очищают свои перья, но и освобождаются от паразитов, которые заводятся вследствие нечистоты.

Поговорим теперь о корме. Все певчие птички делятся на две группы: у одних клюв тонкий, слабый, и они питаются исключительно мелкими животными — насекомыми, их гусеницами и яичками, поэтому их называют «тонкоклювыми», или «насекомоядными»; другие же питаются главным образом семенами, зернами, почками и растениями, так как имеют клюв короткий, толстый и крепкий, почему их и называют «толстоклювыми», или «зерноядными». К первому разряду принадлежат соловьи, малиновки, пеночки и другие; ко второму — чижи, щеглы, клесты и пр. Но строго отделить птиц насекомоядных от зерноядных нельзя, потому что все зерноядные выкармливают своих детей насекомыми и их гусеницами. С другой стороны, насекомоядная синичка осенью

и зимой охотно ест зерна и почки, а насекомоядные дрозды осенью с жадностью нападают на рябину, виноград и другие ягоды. Все это нужно знать птицеводу, чтобы каждой птичке дать наиболее подходящий корм.

Для зерноядных птиц самый обыкновенный корм — конопляное семя. Кроме того, им дают просо, торицу или сурепное семя и канареечное семя. Заметьте при этом, что всякий корм должен быть непременно свежий, вкусный. Залежавшееся конопляное семя делается горьким и действует вредно на птиц. Не следует также кормить птичек исключительно только одним конопляным семечком; надо непременно разнообразить корм и, кроме сухого семени, давать им или булочку, размоченную в молоке, или салат, или вообще какую-нибудь зелень, которую птички клюют с жадностью. Хотя раз в месяц следует класть в стаканчик с водой маленький кусочек сахару; это поправляет пищеварение птичек. На дно клетки, кроме песка, бросайте иногда мелко истолченную скорлупу куриного яйца. У птичек от твердых зерен на языке делается типун, который они стирают яичной скорлупой и песком.

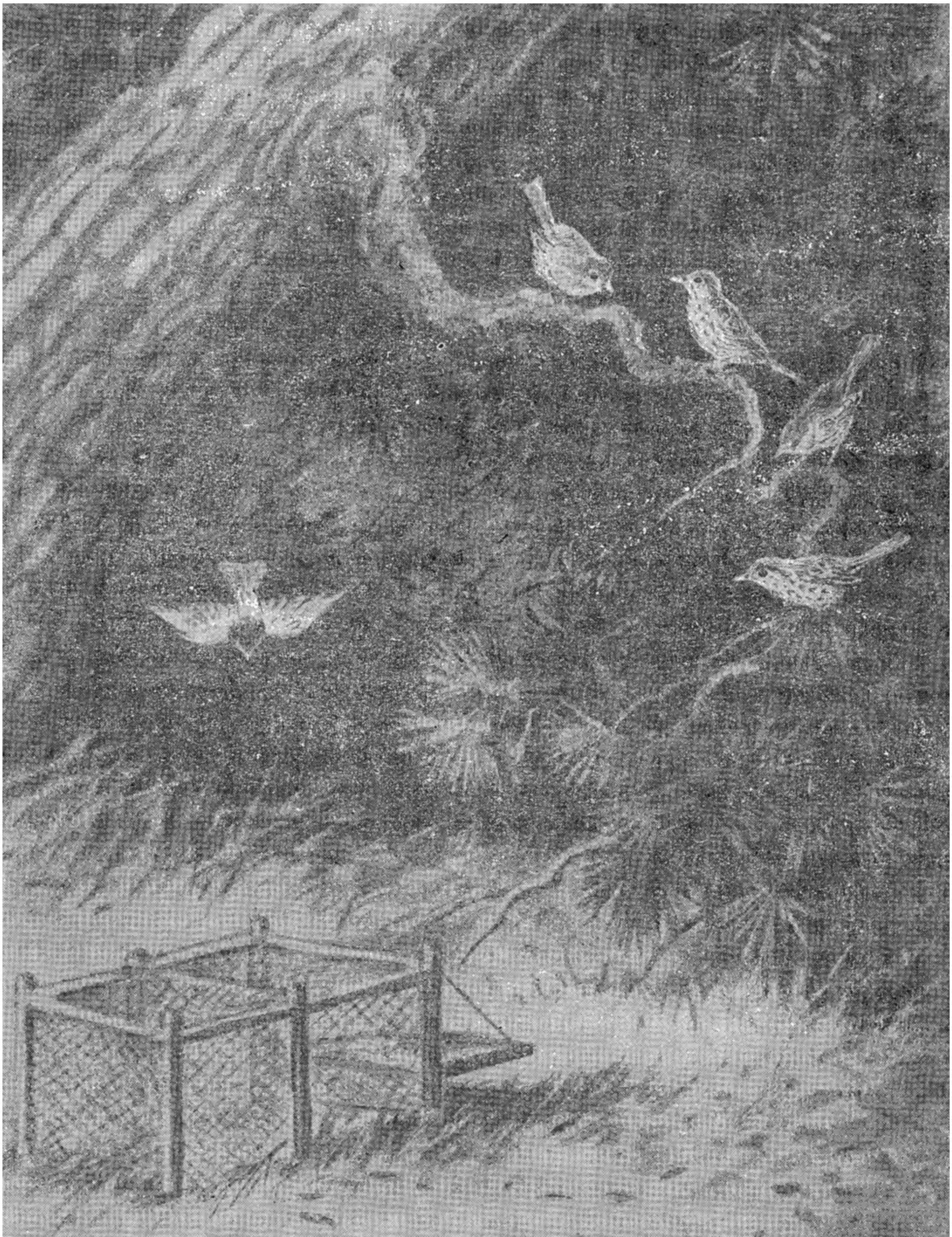
Для насекомоядных птиц лучший корм — муравьиные яйца, летом — свежие, а зимой — сушеные. Кроме того, их кормят тараканами, мучными червяками и еще особым кормом, приготовляемым искусственно, о чем мы скажем впоследствии. Вот главные условия, и только при соблюдении их можно держать в клетках здоровых, веселых и хорошо поющих птичек.

Но, помимо выполнения всего сказанного, необходимо постоянно следить за птичками. Если птичка нахохлится, сделается скучной, это значит, что она заболела. Надо узнать, чем она больна, и подать ей помощь. Болезни птиц очень несложны; мы опишем их после и укажем лекарства, так что при некотором навыке вы легко сделаетесь птичьим доктором.

Прежде чем закончить беседу о том, как держать птичек в клетках, я обращу ваше внимание еще на одно обстоятельство. Птичек держат в клетках или поодиночке или по нескольку вместе в больших клетках, называемых садками. В садках держать птичек хорошо потому, что тут легче можно наблюдать их привычки, движения и, наконец, их взаимные отношения. В садках обыкновенно сажают вместе птиц разных пород, но в этом случае очень важно знать их характер. Между птицами вообще есть добрые, дружелюбные, есть и злые, сварливые драчуньи, которых решительно нельзя держать с другими. Например, если в садок, где живут чижи, щеглы, снегири и тому подобные миролюбивые птички, вы пустите хотя одну синицу, то на следующее же утро ждите большой неприятности: в садке вы найдете несколько мерт-

вых птичек, с проломленными головами и выеденным мозгом. Знайте, что это дело разбойницы синички. В садках птицы, может быть, благодаря разнообразной компании, поют обыкновенно плохо и мало, поэтому лучших певцов любители держат всегда в клетках поодиночке.

Вот и все главные правила для того, чтобы уметь держать птиц в клетках. Вы видите, как они просты. Все они основаны на том, чтобы быть аккуратным и знать привычки птиц. В следующий раз побеседуем о том, как следует ловить птиц.



ПТИЦЕЛОВЫ.

Клетки у нас готовы. Как держать птиц, мы теперь знаем. Остается только добыть птичек. Для этого есть разные способы. Поймать птицу, пожалуй, и не трудно: стоит только запастись разными ловушками, простыми и мудреными, расставить их там и сям — и клетки наши живо наполнятся. А все-таки птицеловом я вас не назову до тех пор, пока вы не сделаетесь мастером этого дела. Но в чем же тут мастерство, если ловлей птиц может заниматься и маленький мальчик и седой старик? А вот в чем.

Иной раз деревенским мальчикам вздумается половить птиц. Один притащит решето, другой — моток ниток, третий — горсточку конопляного семечка, и пошли наши ловцы на добычу. Пришли на гумно, расчистили на току местечко, посыпали тут зернышек, выломали из плетня прутик вершков в пять, привязали к одному концу его ниточку, прикрыли решетом семечки и один край его подперли прутиком. Протянули осторожно ниточку к омету соломы, спрятались в нем и сторожат. Около гумна зимой постоянно держатся снегири, чечетки и другие птички. Увидали чечетки се-

мечки, и с голодухи марш к решету; повертелись кругом, поболтали; одна, посмелее, порхнула под решето, схватила семечко и так аппетитно стала его грызть, что прочих зависть взяла. Друг за дружкой голодные бедняжки собрались под решетом и завтракают. Посмотрим, что делается в это время в омете соломы. Ванюшки и Гришутки в ужасном волнении. Один — главный — держит ниточку, а ручонка так и пляшет. Руки других невольно протягиваются к этой же нитке; слышится усиленный шепот:

— Дергай, дергай!

— Погоди, еще навалят.

— Дергай! Наклюются — улетят.

Дернул, палочка отскочила — и решето накрыло птичек. С криками торжества бегут мальчишки к решету, запускают туда окоченелые ручонки и хватают чечеток; привязали к их ногам ниточки и потащили чечеток домой.

Ну, вот вам и ловля птиц, вот и ловцы. Да разве это ловцы? Это просто глупцы, мучители. Если и принесет который птичку в избу, так и той не сдобровать: сразу попадет она кошке в лапы, а ловцу надерут хохол: «Ты, дескать, не бездельничай!» А другим чечеткам еще горше придется: поломают их крылья, отвертят ноги, да и бросят искалеченных умирать в снегу.

* * *

А вот и другие ловцы. По дороге идет старичок с мешком за спиной, а на мешке какой-то странный лук. Впереди его бодро шагает мальчуган.

Дорога, видно, не ближняя. Оба устали. Вдали чернеет дремучий старый лес.

— В этом лесу, дедушка? — спрашивает мальчуган.

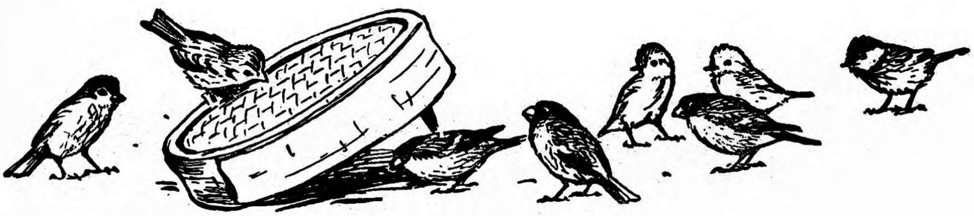
— Тут, тут. Или устал? Не надо бы тебя брать-то.

— Нет, нет, дедушка, я не устал, только бы скорее. Я хоть бегом, и то побегу.

— Ну, не торопись, дойдем в свое время. Дня через два будем там.

Старик шутил над внуком; правда, до лесу было еще далеко, но не туда он вел его на ловлю.

Не прошли они и полуверсты, как их глазам представилась широкая долина. Отлогие склоны поросли мелколесьем; зеленый



луг расстилался по дну долины, а посреди его прихотливо вилась маленькая, но быстрая речушка; ивы и ольхи теснились по ее берегам; кое-где по луговине засели рощицами заросли тех же ольх, ив и тополей, словно садики. Синели местами озерки, обросшие по берегам тростником и кугой; кое-где полосками тянулись различные болотинки — сухие, кочковатые, водянистые.

Такие долины производят чарующее впечатление на каждого. Вид сжатых полей утомляет глаз однообразием, а тут зелень, вода, лес и кипучая жизнь: на лугах, на болотах и озерках, по берегам речки, в кустах и в лесочках сновали различные птицы — утки, кулики, гагары, скворцы и много-много других.

Вся эта картина открылась сразу перед нашими путниками, как только они подошли к спуску дороги в долину.

— Дедушка, как здесь хорошо! а птиц-то, птиц сколько! Неужели в лесу больше?

Старик рассмеялся.

— Может, и больше, а ты постой-ка, отдохнем здесь. Вот тут и родничок есть под ракитой; переведем дух, закусим — и в путь.

Уселись путники под ракитой, закусили, испили свежей воды и тронулись дальше.

Дорога шла по откосу склона, поросшего лиственным лесом. Дело было под осень. Августовские утренники (морозы) уже наложили свою печать: пожелтели листья клена, зарумянилась осина. Стайки разных птичек перепархивали с дерева на дерево. Знал старый птицелов, когда выбрать время, чтобы научить любимого внука своему заветному искусству. Да, птицеловство было для него действительно искусством.

Старый Иван Парфеныч считался в городе лучшим сапожником; его мастерская была завалена заказами. Но это было ремесло, и как только подросли сыновья, он сдал им мастерскую. «Я вас вырастил, выкормил, обучил, теперь дайте душу отвести». С тех пор птицы да внучата — только и было заботы у Парфеныча. Мы его встретили как раз в тот день, когда он вел своего любимца Гришутку в школу птичьего дела.

Долго ли, коротко ли шли наши странники, только Гришутка и не заметил, как они миновали озерки и болотца и подошли к зеленому лесочку. Вошли в опушку; узенькая тропочка вилась частой зарослью между старых лип и дубов. На одном из поворотов тропинки открылась широкая поляна, уставленная пчелиными ульями, окруженными незатейливой изгородью. Кое-где на высоких шестах изгороди висели лошадиные черепа. За пчельником виднелась избушка, крохотная, но уютная. По пчельнику и по

поляне расхаживали куры и индейки. На крыше избушки сидела стая голубей.

Гришутка был поражен невиданной картиной. Все тут было ему ново; ведь он вырос, бедняга, в каменном доме большого города; ведь он ходил только по мощеной земле; ведь природа представлялась ему в виде городского сада, подчищенного, подстриженного, где деревья стояли чинно в ряд, где даже воробей считался важной птицей.

А тут вдруг полное отсутствие порядка: все деревья перемешались зря; между старыми, на лесном приволье, повыросли из земли их детки — стройные, зеленые, большие и маленькие. Ни одного воробья не видать в их зелени, но зато копошатся десятки, сотни других птичек; наконец тут еще пчельник с ульями и избушкой на курьих ножках. Гришутка был решительно ошеломлен, очарован. При виде незнакомых людей петух, разгуливавший по пчельнику, поднял тревогу; всполошились и куры и индюшки; гвалт сделался общим. Вслед за тем выскочили из сеней две беленькие косматые собачонки и залились лаем, а из-за избушки лениво выступил главный пес собачьей стражи, огромный косматый овчар. Гришутка струсил и прижался к Парфенычу, но собачонки лишь только добежали до них, как совсем переменили тон: лай сменился визгом, писком, прыжками, лизаньем рук.

На лай собак из шалашика, устроенного среди пчельника, вылез высокий худощавый старик, с белыми волосами и бородой.

— Никак Парфеныч пожаловал?

— Он самый, да еще с хвостом. Доброго здоровья, Кузьма Лукич!

— Просим пожаловать, просим. Давно ждали. Что это нынче ты запоздал, Парфеныч?

— Что запоздал? Теплынь стояла.

И гости и хозяин вошли в избу. Старик снял свои доспехи, и начались разговоры. В это время явилась старуха, жена Лукича, и как курица-наседка накинулась на Гришутку.

— Ах ты, мой соколик, Гришенька! Сам пришел своими ножками?

— Ну, полно причитывать-то,— говорит Лукич,— лучше попотчуй чем ни на есть гостенька.

— Ладно, Ивановна, ты уж владей Гришуткой, а мы с Лукичом пойдем сначала в мой дворец,— и, взвалив на плечи мешок, Парфеныч с хозяином пошли в другую избушку, которую иначе Парфеныч не величал, как «мой птичий дворец», а и весь-то дворец имел три шага в длину да три шага в ширину, два оконца для света да дверь для входа. Но, войдя в него, можно было по-

думать, что он, действительно, построен для птиц, а не для человека: окна затянуты сетками, половина жилья отгорожена тоже сеткой, вдоль стен лавки, на которых установлены разные клетки; в заднем углу широкая лавка с настланной на ней соломой. Войдя во дворец, Парфеныч огляделся кругом с видимым удовольствием.

— Все, все, целехонько,— заметил Лукич.— Муравьиных яиц я тебе насушил целый мешок. Нынче урожай был муравью; яйца первый сорт, словно отборная пшеница. Семя тоже внучек привез по твоему заказу. Лови теперь знай.

— Спасибо, Лукич, попытаем счастья,— ответил Парфеныч и начал опоражнивать свой мешок. Чего-чего тут не было: клетки с живыми птичками, западни, пряди лошадиных волос, какие-то узелки, бумажные свертки, баночки, скляночки, столярные и слесарные инструменты, сети, капканы, чай, сахар, табак, разная провизия. Лукич только дивился.

— И как это ты дотащил, Парфеныч?

— А что же? — обиделся Парфеныч, — уж разве я так стар? Кажись, мы ровесники.— И оба старика засмеялись.

Разговаривая, Парфеныч приводил в порядок свой походный магазин: насыпал птицам корм, налил воды. Управившись, пошел с Лукичом к старухе чаи распивать. Пришли — у старухи пир горой. Угощения полон стол. Тут и яичница, и кислое молоко, и целый сот меда. Гриша уже всего напробовался и теперь уписывал за обе щеки сладкий мед. Долго ли, коротко ли шло пированье, только Гришутка не вынес: так с куском меда и заснул на лавке.

Напились старики чайку, закусили, потолковали, уложили Гришутку спать, а Парфеныч отправился в свой дворец. Дела у него там было еще по горло: следовало привести в порядок доспехи — западни, ловушки и сетки. Наконец и он угомонился на своей соломенной постели.

* * *

Еще задолго до свету проснулся Парфеныч, зажег свечку, поставил самоварчик, осмотрел свою птичью команду: кому дал корму, кому водицы влил. Все это делалось внимательно, не коекак; оно и понятно: птички, принесенные из города в маленьких клетках, были помощницы Парфеныча. Без них ему ловля не в ловлю. Это все старые, сиделые птички, испытанные. Их птицеловы называют манными (от слова манить). Птичек этих сажают в западни или ставят около точко́в, или же привязывают на свободе, на самом точке́, на шпарок. Перед ловлею манных птиц держат обыкновенно в одиночестве и в темноте, где, конечно, им

очень скучно; поэтому, почуяв вольный воздух, лес и поля, они делаются очень крикливы, а как только заслышат голос птичек своей породы, то кричат без умолку; те же в свою очередь также летят на знакомый голос, подлетают к западне или к точку́. Увидав корм, они смело бросаются на него и попадаются в руки хитрому птицелову. Вот почему манные птицы и дороги ему; вот почему он вам ни за что не продаст хорошего манка.

Напившись чайку, Парфеныч снял западни, в одну посадил чижа, в другую — реполова, а в третью — зяблика, прихватил с собой скребок и отправился на охоту.

На заборе пчельника он пристроил западню с реполовом и пошел дальше. Рощица, в которой был пчельник, оканчивалась на севере острым мысочком; дальше расстилался болотистый луг, а за ним, в полуверсте, снова виднелся лесок. Этот мысок был любимым местом охоты Парфеныча. Почти пятьдесят лет он ловил на нем каждую осень. Чтобы объяснить вам, почему именно он облюбовал это место, скажу следующее: с наступлением осени большая часть наших птичек отправляется на юг. Собравшись стаями, они пускаются в дальний путь; но этот перелет совершается не зря, не очертя голову: у каждой породы птиц есть свои знакомые дороги, с которых они ни за что не своротят в сторону. Для лесных птиц такими дорогами служат лес и лесочки; для полевых — поля; для водяных и болотных — речные долины. А так как в речных долинах часто находятся и леса, то они составляют главный путь самых разнообразных птиц, особенно, если речки текут с севера на юг или наоборот. Как только стая перелетит через луга и доберется до леса, то непременно остановится. На опушке отдыхает и кормится.

Вот такое-то место отдыха и кормежки птиц Парфеныч отыскал на мысочке, куда пришел теперь. Старый точо́к его порядочно зарос травой и

коноплями; шалаш у опушки полуразвалился. Осмотревшись кругом, Парфеныч повесил западню с чижом и зябликом на деревья; расчистил скребком точок, обсадил его свежими березками, насыпал конопли, а затем принялся за шалаш: нарезал свежих ветвей, густо укрыл его с трех сторон и, понюхав табачку, уселся на солнышке. Но ловля еще не началась, он только высматривал, как летят птицы. Чиж и зяблик кричали без умолку. Прошло с полчаса: издали показалась стайка птичек. Завидев их, чиж вошел просто в азарт, но птички пролетели мимо. Другая, третья стайка — все мимо да мимо. Но вот по луговым кустам одна за другой стали перепархивать какие-то крупные птички. Ближе и ближе.

— Ага,— говорит самодовольно Парфеныч,— дрозды Ивановичи тронулись в путь! Ладно, и вам найдем угощенье.

Погодя немного, он побрел по опушке леса, высматривая и примечая все, что делалось кругом в птичьем мире. Едва он вышел на полянку к пчельнику, как навстречу ему бежал уже Гришутка с радостным криком:

— Дедушка, дедушка, реполов попался!

— Ну, почин полю есть,— сказал птицелов,— тащи его, Гришутка, домой да пойдем рябину промышлять.

— Чего промышлять,— отозвался Лукич с пчельника,— или не видал, сколько я тебе ее наготовил.

— Ай да Лукич, и рябины не забыл.

Парфеныч забрал рябины, захватил понцы и отправился опять к своему точку. Уставив понцы на точке, он развесил кой-где кругом рябину и рассыпал ее на точке, клеточку с одним манным дроздом поставил поодаль, а другого, на шпарке, пустил на точок. Протянув аккуратно веревочку в шалаш, он забрался в него с Гришуткой.

— Ну, ты у меня смотри, ни гугу, что бы ни увидал.

Манный дрозд кричал без умолку. Прошло несколько минут; с лугов откликнулись ему товарищи, направились к точку, уселись на окрестных деревьях и пошла перекличка. Вот один подлетел поближе, чуть не к самой клетке манного дрозда, и завел с ним разговор, пристально вглядываясь и в клетку и в точок. Красные ягоды рябины сильно манили его. Вспарочный дрозд их так аппетитно ел; но дикарь был осторожен. Пролетела мимо какая-то хищная птица; он испугался и дал тягу, а за ним улетели и остальные. Парфеныч крякнул от досады.

— Сыты еще, волк их ешь! Нынче, видно, толку не будет. Пойдем, Гришутка, грибы собирать.

Снял он вспарочного дрозда с точка, манного в клетке прицепил повыше на дерево, и отправились они в дальний лес, что

виднелся за лугом. Но не грибы были на уме у Парфеныча: тот лес, куда они шли, лежал как раз на пути птичьего перелета; его не могла миновать ни одна стайка; и, наевшись там, птички, конечно, не позарились бы на закуску, приготовленную для них Парфенычем. Знал это он и захватил с собой топор, ножик и мешок, чтобы очистить лесок от ягод и другой птичьей пищи.

Добравшись до леса, старый птицелов принялся за дело, но напрасно: рябины, калины, черемушины — все уж было очищено.

— Ну, это Лукича работа. Ай да друг!

— Дедушка, дедушка, смотри-ка! Белка, белк...

Через поляну неуклюже скакала белочка. Испугавшись крика мальчика, она живо взобралась на деревцо и уселась на ветке, поглядывая вниз.

— А хочешь, поймаем?

— Дедушка! да ведь ее не догонишь.

— Ну попытаем счастья.

Подойдя к дереву, старик стукнул по нему топором. Белочка испугалась, скакнула на другое дерево, с другого на третье. Постукивая, покрякивая, птицелов загнал ее в чащу. Должно быть, белочке надоела эта погоня, и она юркнула в дупло старой липы.

— Ну, теперь, Гришутка, не зевай: вот тебе топор, и как только я махну — ты что есть мочи стукни обухом по липе.

Старик разулся, заткнул за пояс мешок и, кряхтя, стал карабкаться на дерево. С трудом добрался он до сучьев, уцепился за них, приложил отверстие мешка к дуплу и махнул мальчику.

Гришутка стукнул по липе.

— Стой! — крикнул ему Парфеныч.— Наша!

С этим словом он проворно завязал мешок и бросил его на землю. В мешке что-то билось, к немалому удивлению Гришутки.

— Дедушка, дедушка! она тут!

— Знаю, что тут, а ты не тронь.

Спустившись с дерева, старик взял мешок с белкой и заткнул топор за пояс.

— Бежим, Гришутка, домой. Ишь ты, какой счастливый! ничего не видя, белку поймал. Только бежим скорее, а то прогрызет твое счастье мешок; в другой раз уж не словишь.

Стали подходить к точку, а из-за куста словно вырос Лукич: одной рукой манит, а другой грозит — тише, дескать.

— Что такое?

— Эх, Парфеныч, дроздов-то налетело к тебе — сила, рать могучая! Друг по дружке на точке прыгают.

Все отправились обходом к шалашу. Действительно, не только

точок, вся поляна, березы, осинки, кусты и кусточки — все было усеяно дроздами. У Парфеныча так руки и заходили.

Сунул он мешок Лукичу.

— Сидите тут,— говорит.

До шалаша было еще не близко, а главное — место открытое. Парфеныч растянулся на земле и пополз потихонечку, чтобы не испугать птиц. Вот уже до шалаша недалеко; вот и конец веревочки от понцев; каких-нибудь пять шагов проползти, дернуть — добрая сотня дроздов трепеталась бы в сетке понцев.

Но не тут-то было. Лукич с Гришуткой скрылись в кустах и, затаив дыхание, следили оттуда за Парфенычем. Вдруг Лукичу показалось, что у него что-то зашевелилось на коленях. Он машинально опустил туда руку и закричал отчаянным голосом, и лишь только вскрикнул он, как вся стая дроздов разом взвилась на воздух. Что сделалось с Парфенычем — описать трудно. Он поднялся с земли бледный, с потом на лбу; глаза его вытаращились и блуждали, как у сумасшедшего.

— Ах, ах, Лукич, что ты наделал!

— А ты что со мной сделал? Какого лешего ты мне в мешке подсунул?

Пока старики объяснялись, белочка не дремала, прогрызла дырку и... прыг-прыг из мешка, прямо под ноги Грише. Тот закричал изо всей мочи:

— Дедушка, белка, белка! Дедушка! — А той и след простыл.

Суматоха поднялась общая. Прежде всех опомнился Парфеныч.

— Ну,— говорит,— видно, такой день выдался; пойдемте лучше домой.

— И то пора,— подтвердил Лукич,— старуха заждалась с обедом. Какой я тебе пеструхи наловил, куманек!

— Дедушка, дедушка, в западню птичка попалась.

— У! востроглазый! я и забыл о западнях.

Посмотрели: в одной — пара зябликов, а где сидел чиж, туда попалась лесная канарейка.

— Ну,— молвил старик,— все же нашему реполову компания.

— Нет,— заметил Лукич,— я туда штук семь пустил реполовов. Валом валили на пчельник, только успевай вынимать.

Досада старика несколько смягчилась.

— Постойте,— говорит,— господа дрозды, устрою я вам банкет.

— Какой это банкет, дедушка?

— Вишь любопытный. Дай срок, узнаешь.

Старуха, завидя гостей, вышла на крылечко.

— Добро пожаловать, ловцы-молодцы. Много ли промыслили?

— Промыслили немало,— отвечал Парфеныч.

Вот это настоящий птицелов. Если бы мы могли походить с Парфенычем только одну недельку и присмотреться, как и что он делает, мы бы, конечно, изловчились ловить птиц; но ждать, чтобы старик научил нас этому — бесполезно: у него свои причуды. Русский птицелов — тот же знахарь. Он сумеет поймать каждую подмеченную птичку; он будет следить за нею целые дни, потерпит не раз неудачу, и все-таки поймает. А попробуйте обратиться к нему с вопросом: расскажи нам, как ты поймал эту птичку? Научи, как ловить ее? — ничего не узнаете. Как сказочный маг и волшебник, он облекает свое искусство таинственностью. В нем, в этом искусстве, он видит что-то такое, недоступное другим.

* * *

Опять припоминаются мне мои детские годы. На окраине Симбирска[1], в полуразвалившемся домике, жил старик птицелов Николай Иванович Лодочников. Каждую субботу, как только меня отпустят из гимназии домой, к бабушке, я пробегал добрых две версты, чтобы побеседовать с этим Лодочниковым. Единственная комната его избушки была полна птицами и клетками. Он считался первым ловцом и знатоком птиц. Чего-чего только я ни делал, чтобы выведать у него великую тайну ловли птиц. Но все мои подходы пропали даром; все мои попытки, чтобы он взял меня с собой на ловлю, ни к чему не привели.

— Куда,— говорит,— вам, устанете, озябнете, только мне помешаете.

Что я ни придумывал — ничего не помогало. Прочитаю, например, в книжках о ловле птиц, приду и заведу разговор:

— А в книгах,— говорю,— пишут то-то и то-то.

— Ну, там что пишут, я не знаю, грамоте не обучен; только я без книг птиц ловлю; а вы ловите по книгам.

Я помню, что эти слова меня ужасно смутили. Я уходил от него в сильном раздумье, сам не свой.

Где же научиться птицеловному искусству: у Лодочникова или по книге, которая была у меня тогда? Может быть, я долго бы не разрешил эту загадку, если бы не помог мне отец. Как-то раз я поведал ему свои сомнения.

— Глупый ты мальчик,— сказал он,— зачем же ты учишься? Для чего я плачу за тебя в гимназию? Неужели для того, чтобы ты ходил на поклонение к птицеловному знахарю? Да он тебе ровно ничего не скажет, во-первых, потому, что это ему невыгодно, так как вместо того чтобы самому поймать птицу, ты при-

[1] Симбирск переименован в Ульяновск.

дешь к нему и купишь, а, во-вторых, он и объяснить тебе не сумеет, почему ловит тут или там, в то или другое время. Все это он дознал слепым опытом; все охотничьи приемы его не что иное, как дело привычки, а потому он тебе и объяснить ничего не может. Вот что я тебе скажу. Если ты хочешь быть птицеловом, толковым и разумным, читай книги, где пишут о птицах. Все западни и снасти, которыми ловят птиц, очень просты и несложны. Самая ловля основана на том, чтобы привлечь голодную птицу в западню или на точок. С голода она бросается на приманку; в западни и самоловы она попадается сама собой, стоит только спустить сторожок, а на точках птицелов кроет ее лучком или понцами, в ту минуту, как она начнет есть брошенное тут семя. Чтобы уметь ловко накрыть птицу, нужна только сноровка; главное же дело в том, чтобы знать привычки птиц, чтобы знать, где, какую ловить и в какое время года. Это знание дается только тем, кто сам следит за птицами, внимательно изучает их привычки, их образ жизни.

И действительно, с тех пор я стал внимательно изучать жизнь птиц. Сначала мои ловы были неудачны; но вскоре я мог бы потягаться в искусстве с знаменитым Лодочниковым, а потом уже он у меня спрашивал совета. В этом-то и разница между знахарством и знанием. Знахарство скрытно, таинственно; знание же не прячется и легко дается каждому, кто пожелает.

* * *

С тех пор прошло три десятка лет; много видел я птиц, много ловил их, много застрелил, много собрал сведений об их житье-бытье на широком просторе земли русской и в чужих странах; но никак не могу оторваться от этого дела. В жизни птиц столько интересного, что они будут привлекать к себе ученых, пока существуют на земле люди и птицы.

Поэтому, если хотите сделаться птицеловом (или, может быть, вы уже заправский птицелов?), то читайте и наблюдайте; а наблюдая птиц, думайте да гадайте сами, как лучше их ловить.

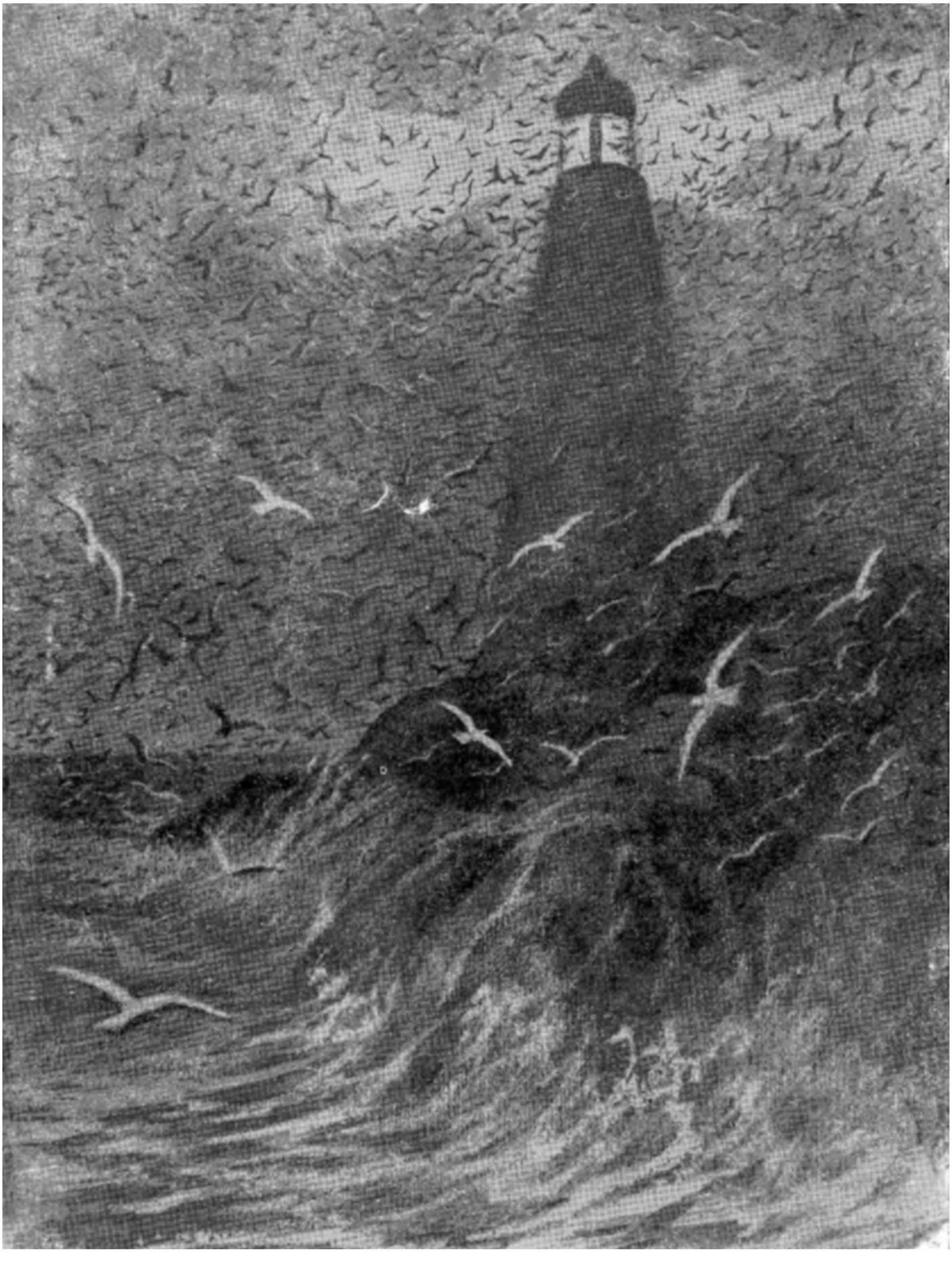
Орудия птицеловства очень просты. Прежде, когда знахарство преобладало над знанием, птицеловные орудия были многочисленнее и сложнее. Самые приемы лова были гораздо хитрее. Теперь благодаря знанию все значительно упростилось, многие способы ловли даже совсем забыты. Прежде, например, жаворонков ловили на зеркальце — сложный и недобычливый способ; теперь о зеркальце никто и не поминает, а жаворонков ловится больше.

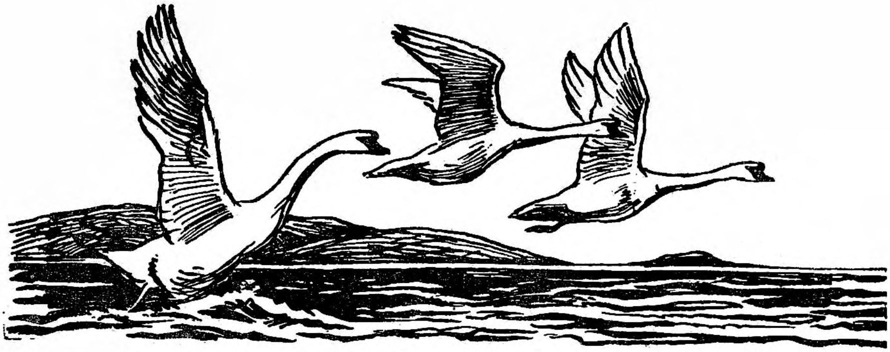
Прежде в Западной Европе в большом употреблении была ловля на прутики, обмазанные липким составом, так называемым

птичьим клеем. Садясь на эти прутики, птицы прилипали к ним ногами и перьями и делались добычей птицелова. Приготовление этого клея составляло секрет опытных птицеловов; но нет ведь секрета, который бы не узнали. Как приготовлять клей, мы теперь знаем. Но говорю вам по опыту, что овчинка не стоит выделки. Приготовлять клей хлопотливо, ловить на клей еще хлопотливее; в теплое время он делается жиже и не держит птицу, в холодное он стынет, и птица не прилипает к нему, а спрыснет дождь — и того хуже. Времени на это потратится много, а толку маловато.

Простые ловушки и сетки — самое милое дело.

Купите западню, достаньте лучок и понцы — больше ничего и не нужно. Всякую птицу вы поймаете этими снастями, при знании и сноровке.

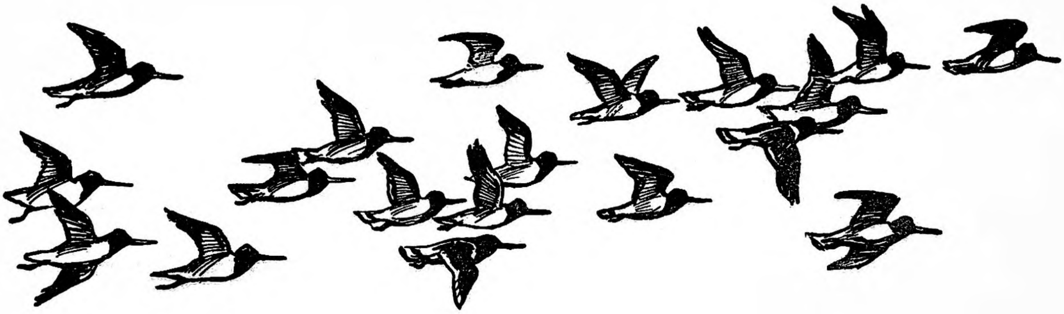




ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТ ПТИЦ.

Пред нами картина страшного бедствия. Тысячи птиц кружатся около маяка, ударяются в сетки его окон и падают, оглушенные, в клокочущие волны. Шторм в полном разгаре; тучи заволокли все небо; дождь льет как из ведра; тьма раскинулась над поверхностью разбушевавшегося моря.

Бедные странники, горемычные птички! Десятки, сотни тысяч их гибнут в такие минуты. Усталые, намоченные крылья отказываются служить. Страшные порывы ветра разбрасывают стаю врассыпную. Стоны и крики несчастных раздаются в темноте над морем, а впереди, словно звездочка, светит маяк. Туда, туда! последний крик несчастных. Но — увы! — там ждет их не спасение, а гибель. Лишь только налетит стайка на маяк, птички ударятся об него с разлета головками и посыплются, как камешки, в клокочущие волны. А на завтра солнышко осветит множество самых разнородных птичьих трупов. Да, подобные минуты ужасны в жизни птиц, а между тем они повторяются ежегодно, и можно положительно сказать, что никакие враги не истребляют столько



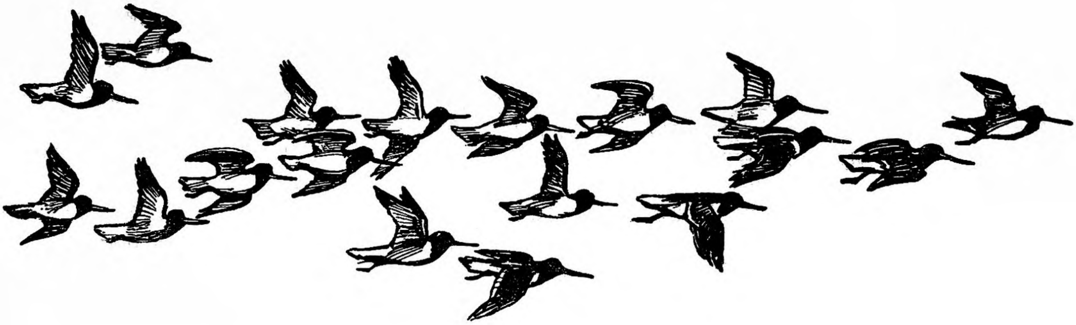
птиц, как эти осенние бури, захватывающие перелетные стаи над морем.

Спрашивается, зачем же птицы покидают места, где жизнь их шла тихо и спокойно? В самом деле, зачем улетают птицы?

Каждый год, уже в августе, лишь только появятся первые признаки осени, наши птицы отправляются в путь. Семьи собираются в стаи. Бродят эти стаи как будто без толку: то вдруг увидишь стайку малиновок на лугу, где им и быть не надо, то встретишь стайку каких-нибудь степных птичек на поляне, среди обширного леса. А в садах, в огородах, в виноградниках также каждый день сюрпризы. Вот когда раздолье птицеловам: только выбери место с толком да знай свое дело. И каких-каких птиц не наловят они за осень! Кроме своих местных птах, птицелов накроет понцами и лучками, наловит западнями и силками таких диковинных птиц, каких не найдешь на тысячи верст кругом. Коротко сказать, во Франции попадаются осенью птицы, живущие только в нашей далекой Сибири; в Англии не раз ловили американских птиц.

Что же это такое? Словно осенью наступает в жизни птиц какая-то неурядица, какая-то непостижимая страсть к кочеванию? И несутся сибирские птицы во Францию, а американские — в Европу. Да, каждую осень перед нашими глазами совершаются в птичьем мире великие передвижения. Издавна они обращали на себя внимание ученых, но лишь в последнее время удалось разгадать их.

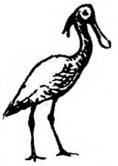
Я расскажу вам теперь, как совершается этот перелет птиц, куда и зачем они улетают, а вы займитесь наблюдением над перелетами в том месте, где живете. Это даст вам возможность сделаться хорошим птицеловом. Мало того, со временем вы придумаете, может быть, как облегчить для бедных птичек тяжелый и длинный путь,— и кто знает,— может быть, сбережете многие тысячи их от гибели.



* * *

За ягодами, за грибами и за разными другими летними потехами мы не заметили, как постепенно смолкали веселые птичьи песни. Леса и рощи, поля и степи еще не пусты, еще много там птиц; но теперь они только щебечут и суетятся, словно разучились петь. Многие даже попрятались. На что развеселая кукушка, и та куда-то скрылась; соловья и в помине нет; да и мало ли кого не досчитаешься. А между тем все эти птицы тут еще у нас. Они исполнили свое дело, вывели деток, воспитали их, кто как умел, осталось только самим перелинять: перышки поизносились, надо сбросить с себя старое платье и заменить его новым, свежим и более теплым. Вот этим-то и занимаются птицы в середине лета. Старые перышки одно за другим начинают выпадать, птичке нездоровится, она делается нервной, боязливой и прячется от всех в чаще травы и в листьях. Она чувствует свою слабость и боится выдать себя не только песнями, но даже и криком.

Линяние птиц — чрезвычайно интересное явление. Словно по волшебству, в какие-нибудь две-три недели все старые перья с птички спадают, а вместо них вырастает новый пушистый перяной наряд. У многих птиц этот новый наряд окрашен совершенно иначе, нежели весенний. Последний иногда отличается роскошью красок, бьющих в глаза; осеннее же платье скромное: тусклое, буренькое или серенькое. У иных птиц черные цвета сменяют белые. Можно подумать, что птицам удобнее зимой ходить в скромном траурном платье. И действительно так. Весной и летом зеленые листья деревьев и трав дают надежный приют птичке, как бы она ни была ярко окрашена. Бесчисленные цветы, еще более яркие, чем ее перья, пестрят зелень лугов и лесов. Юркнула птичка под куст или листочек, прикрылась цветком — и обманула хищника.


Колпица

Цапля

Журавль

Баклан

Лебедь

Иное дело осенью. Побуреют и прилягут травы, пожелтеет и осыплется лист с деревьев; голо в степи и в лесу. Не найти приюта пестрому франту, а у врагов его глаз зорок. Понятно, чем скромнее осенний наряд, чем больше он подходит к желтому листу, к бурой отаве, к цвету почвы, тем лучше сохраняется.

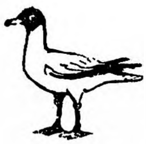
Одевшись в осеннее платье, птички делаются бодрее, суетливее. Линяние ужасно ослабляет птиц, а когда оно кончится, в них пробуждается такой аппетит, как после выздоровления от болезни. И вот, для того чтобы найти пищу, им приходится работать без устали; но, как мы уже сказали, осенью защита из листьев и трав постепенно исчезает. Враги птичек не дремлют; у них тоже проснулся осенний аппетит. Те птички, которые жили весной особняком, ссорились друг с другом, теперь встречаются как друзья; старые и малые одинаково чувствуют потребность жить обществом.

И вот они собираются в стайки. Сойдутся две — и словно уговорятся промышлять вместе; к ним примкнет третья, встречная, за нею четвертая, пятая, так что десятки превращаются в сотни, а сотни — в тысячи. Диву даешься, откуда взялись эти тысячные стада. Словно полки солдат на маневрах, стройно движутся эти стаи по лесам и полям, по лугам и равнинам. Вспугнешь стаю — поднимается одна, другая, третья птичка или разом все и полетят сомкнутым строем, куда одна, туда и все. Эти полеты особенно поражают у некоторых пород птиц. Кто не видал, как летят журавли стройным треугольником, как летят гуси углом в голубой вышине? Выстрелите в стаю: дробь, конечно, не достанет до них, но журавлиный полк все-таки расстроится, журавли в испуге замечутся в разные стороны, собьются в кучу и начнут подниматься на кругах кверху. Громкое курлыканье обличает их беспокойство.

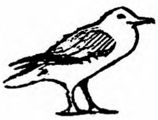
И вот они поднялись высоко-высоко. Как только опасность миновала, в воздухе резко раздается крик вожаков: это они приглашают товарищей к порядку. Стая начинает строиться в треугольник: журавли один за другим занимают свои места, а впереди треугольника снова тот же опытный старый журавль. И полетел журавлиный батальон своей дорогой; без шуму, без лишнего крика двигается он в воздухе. Должно быть, и впрямь на тропу попал: вот

Пеликан

Нырок


Чайка

Каравайка


Мартын

Кулик

уже его еле видно, а вместо него с севера появляются новые батальоны, которые летят по тому же направлению. Ну, и пусть их летят, куда хотят, а мы разузнаем, зачем собираются стаи птиц к осени, перед отлетом. Неужели у них, в самом деле, есть полки и батальоны с командирами? Неужели перелет птиц, в самом деле, военный поход? Нет, птицы войн не ведут; не для войны собираются эти воздушные полки. Им не с кем воевать. Это странники, гонимые невзгодой из родной стороны, они толпами улетают на далекую чужбину.

Когда птичка занята отыскиванием пищи, она не видит, что делается кругом, и врагу легко подкрасться к ней. Если же соберутся две-три или несколько птичек, то пока одни ищут корм, другие сторожат их. Понятно, что при таком разделении труда гораздо легче уберечься от опасности. Это самый простой образчик взаимной помощи, который мы встречаем и у птиц и у многих других животных. Вот почему они и собираются в стаи. Но, кроме того, есть и еще одна причина.

Осенью с каждым днем пища все убывает. Голодные стаи птиц бродят с утра до ночи, отыскивая себе корм. В конце концов, им пришлось бы умереть с голоду; но, не дожидаясь этой ужасной минуты, они покидают родину и летят в другие страны. В каждой стае есть несколько опытных, старых птиц, которые уже не раз улетали зимовать. Они-то и становятся вожаками. Припомните, как наседка водит своих цыплят, как кличет она их, найдя корм, как предупреждает об опасности. Такую же обязанность несут и вожаки. Они ведут летящую стаю по знакомым им дорогам. По их команде стая опускается в известном месте на кормежку, в другом — на водопой, в третьем — на ночлег. Устанет вожак на полете — его заменяет другой, другого — третий. Точно так же и на станциях: пока птички заняты отыскиванием корма, вожаки стоят поочередно настороже, оберегая остальных.

Есть места, излюбленные птицами, где они останавливаются и живут по нескольку дней, покуда их не прогонит непогода. Напротив, иногда рядом есть другие места, где ни за что не остановится стая.

Это известно каждому охотнику, каждому хорошему птицелову; а объясняется это очень просто. Вожаки не зря останавливают стаю в том или другом месте: они узнали еще в молодости от своих вожаков-отцов выгоды данного

Пеночка

Перепел

Соловей

Скворец

Дрозд

Кукушка

места, его кормовые богатства, и это передается из рода в род, из поколения в поколение. Может быть, и у птиц также существуют предания — память о давно прошедшем?

Представьте себе, что птицы, собравшись в стаю, при первом морозе, при первом снеге покинули бы свою местность и полетели бы куда-нибудь зря. Большая часть из них, если не все, непременно бы погибла от голода и холода. Повторяясь из года в год, такое явление привело бы птичий мир к совершенному уничтожению. К счастью, на деле этого нет.

Мы видели у птиц образование стай; мы видели, что эти стаи поступают «под команду» вожаков — старых, опытных птиц, летавших уже не раз зимовать как бы под начальством своих отцов и дедов. Вожаки ведут стаи по известным местам, обильным кормом, и наконец приводят их в такие места, где они могут прокормиться целую зиму до следующей весны.

Теперь, когда мы познакомились с причиной птичьих перелетов, когда мы узнали, как и зачем птички собираются в стаи, как молодые доверяются старым, опытным вожакам, как они пускаются за вожаками в путь в далекие, неведомые страны,— теперь попробуем рассказать, как совершается перелет птиц на широкой Руси.

Конечно, в коротком рассказе нельзя передать всего, что происходит на бесконечном пространстве нашей родины, и потому я хочу только помочь птицелову, а вы наблюдайте сами. Кстати, признаться, ведь и я всего не знаю, а уж вам и подавно предстоит много дела. Широка русская равнина, необъятны ее леса, поля и степи, широкими лентами катятся реки по ней. Не сплошной тучей несутся птичьи стаи над этой равниной. Нет, у каждой породы птиц есть свои пути, и не одни, а десятки. Жаворонки, например, из Московской губернии летят одним путем, из Архангельской — другим. Многие из птиц, обитающих по берегам Белого моря, улетают на год; но вы их никогда не увидите летящими над Тульской губернией, потому что путь их лежит через Балтийское море. Изучение этих путей не легко дается и птицелову и ученому, но зато такая работа, как вы узнаете впоследствии, не будет напрасная.

* * *

Чтобы облегчить наш беглый обзор птичьего движения, перенесемся мысленно в разные местечки России, взглянем на птичью жизнь там. Еще не кончился июль, как на холодной тундре севера уже наступила осень. Едва успели подрасти куличата, как уж начался отлет. Бекасы, песочники, поручейники и другие мелкие кулички пускаются в путь по Печоре и Двине. В начале августа или

даже раньше голоса разных куличков, гнездившихся на севере, раздаются на берегах Волги, Камы и Оки. Они даже проникли далеко на юг, в Украину, и будут тут гостить до конца августа. Один за другим поднимаются с северной тундры разные виды птиц, чтобы погостить на благодатных полях и широких реках средней и южной России. Но тундра еще не опустела; много разных птичек там продолжают разгуливать и останутся там до глубокой осени; когда в средней России выпадет снег, тогда и они простятся со своей родиной. Так и везде; никогда птицы разом не покидают родной край, а улетают стайка за стайкой, по породам, оставаясь дома как можно дольше.

Движение птиц начинается не в одной только тундре, но и во всех других полосах России. В то время как из тундры пускаются в путь кулички, в теплой Украине начинают собираться в дорогу золотистые щурки, так что движение птиц начинается почти разом везде, и у берегов Белого моря и у берегов Черного.

В общем порядок птичьего движения таков. Первые пускаются в путь насекомоядные, которые питаются избранной пищей; таковы, например, щурки, охотящиеся за пчелами и другими летучими перепончатокрылыми. Рано также пускаются в путь кукушки и другие птицы, питающиеся гусеницами насекомых. За ними следуют соловьи, варакушки, горихвостки, славки, кузнечики, камышовки, пеночки и другие насекомоядные птички. Все они летят по вечерним и утренним зорям маленькими стайками, перебираясь из леска в лесок, где прячутся на день для отдыха и кормежки. В это же самое время звонко раздаются по берегам рек, озер и болот крики куличков, чаек и уток, которые с шумом кочуют по России, словно цыгане. Позднее улетают скворцы, дрозды, плисочки, журавли, гуси, утки и целые толпы зерноядных птиц. Одни летят днем, с шумом и криком, другие, крадучись, по вечерам и по ночам. Для одних дорогами служат реки; путь других лежит по водоразделам речным, по широким полям и степям; третьи колесят по равнинам, выбирая местности лесистые, потому что перебраться через степь или через широкое поле им так же трудно, как через море.

Во время осеннего перелета особенно оживляются берега рек, прудов и озер, степные сады и балки, обросшие лесом. Какой-нибудь садик, заброшенный в балку среди безлесных степей Новороссии, кишит в это время различными птицами, каких не увидишь в нем в течение всего лета. Стайки соловьев, варакушек, пеночек появляются в саду, чтобы отдохнуть, покормиться и улететь дальше. Отлетевшие стаи сменяют десятки других. Тут птицелову раздолье.

* * *

Перенесемся мысленно на устье Волги. Вот где поистине птичье царство. Летом здесь так много птиц, что, поднимаясь от выстрела, они затемняют солнце. Представьте себе, что тут делается осенью, когда к местным жителям подлетят еще северные гости. Крики птиц заглушают человеческие голоса, так что вы не услышите вашего товарища, ежели он будет в ста шагах от вас. Каких-каких птиц тут нет! Стаи белоснежных лебедей, уток, гусей, нырков покрывают все озера и притоки реки. Между ними чинно плавают стада пеликанов, ныряют черные бакланы. Над поверхностью воды реют разные чайки и мартышки. Берега усеяны пестрыми группами журавлей, колпиц, куликов, цапель, короваек. Все это наперерыв ловит рыбу, с криком, шумом, драками. Дунет северный ветер, хлынет дождь с изморозью — и вся эта пестрая толпа птиц с шумом поднимается на воздух, разобьется на стаи, по породам, и полетит вдоль каспийского берега на юг. Одни заторопятся, поднимутся раньше, другие собираются не спеша; одни построятся правильными линиями, углами, треугольниками, другие полетят беспорядочной, сомкнутой стаей, третьи — рассыпным строем.

День и ночь, во время перелета, на западном берегу Каспия шум и крики летящих стай нарушают тишину осеннего воздуха, беспокоят жителей городов и невольно вызывают на охоту. Но какая это охота,— это просто бойня. Да и что охотиться, когда усталых птиц можно бить палками и хватать руками.

Но не одни только названные птицы собираются на берега Каспия. Из большей части Западной Сибири, с Уральских гор, из Печорского края, со всего Поволжья летят сюда все мелкие певчие птицы. Одни из них через Каспий направляются в Иран, другие — на Кавказ Бесчисленные виноградники вдоль Терека и Кубани переполняются перелетными птицами, которые гостят и отдыхают здесь после трудного перелета по степям. Отдохнув, стайки пускаются в дальнейший путь. Дорогами им служат горные ущелья Кавказа. Поднявшись по ним, они сразу перелетают через вечные ледники Кавказа и быстро опускаются в приветливые, веселые долины Кахетии и Грузии. Погостив здесь, одни улетают дальше на юг, в Армению, другие остаются тут зимовать.

Все это самые счастливые из наших птиц. Каспийская птичья дорога так же, как и Кавказ, самая удобная, самая безопасная для перелета. Не то ждет птичек, направившихся через Крым. Им предстоит опасный, тяжелый путь через Черное море, где осенью свирепствуют страшные бури. Палубы судов и пароходов во время штормов иногда сплошь покрываются бедными путниками, кото-

рые, завидев огонь, собирают последние силы и летят туда, доверчиво отдаваясь в руки человека. Много птиц ежегодно погибает в волнах Черного моря; многих других, достигших случайно берегов Сирии, ловят руками местные жители.

Особенно достается от них перепелам и коростелям. Еще немного дальше на запад, по берегу Черного моря, движется тоже птичья армия из средней и западной России. Перелетев Дунай, они тянутся через Болгарию и Балканы в Грецию, а оттуда в Египет. Из этой птичьей колонны много гибнет птиц в Греции и Средиземном море, доставляя даровую пищу грекам и жителям островов архипелага. Но все-таки участь этой армии еще не очень горька. Много птиц, достигнув страны фараонов, отдохнут и перезимуют безбедно на берегах Нила.

Берега Каспия, леса и долины Кавказа кишат бесчисленным множеством птиц, которые мирно проводят здесь зиму. Перелет птиц не обходится без громадных жертв: пропасть их гибнет от голоду, когда после дождей вдруг ударит мороз. Много также птиц разбивается во время ночных бурь о телеграфные проволоки; много истребляют их разные хищники, летя за ними по пятам на зимовье. Птицеловством же у нас занимаются так мало, что иной ястреб уничтожит больше птичек, чем поймают их птицеловы целого города.

* * *

Итак, снаряжайте лучки и понцы, западни и тому подобные ловушки, заберите наших манных птичек и пойдем ловить. Впрочем, ловите уж вы одни, а я научу вас лишь тому, что узнал сам и чему выучился у добрых людей. Прежде всего в саду, лесу, на поляне или на опушке, или же в лугах, с рассеянными по ним болотами, кустами и лесочками, надо высмотреть, где летают птицы, где опускаются на кормежку. Тут расчистите точок, как это делают для молотьбы хлеба — ровный и гладкий, и бросьте привады. Привады бывают различные. Для дроздов самые лучшие — рябиновые ягоды; для зерноядных же птичек: чижей, щеглов, овсянок, снегирей — лучше всего конопляное семя и даже необмолоченные колосья конопли. Вокруг точка хорошо выставить несколько манных птиц (убирая их, конечно, на ночь). Пройдет дня два-три, птички привыкнут к точку и повадятся летать на корм; тогда можно ставить понцы или лучок и начинать ловлю.

Одновременно с точком надо устроить и засаду. Саженях в десяти или пятнадцати ставится шалаш, плотный, укрытый ветками так, чтобы в нем мог спрятаться птицелов. Лучшее время для ловли — это рано утром или под вечер. В полдень птица сыта и не

пойдет на приваду. Особенно хорошо они идут на точок после долгого ненастья. При ловле не следует торопиться. Чем сдержаннее птицелов, чем терпеливее, тем больше налетит на точок птичек. Но чересчур тоже медлить не следует. Птички наедаются быстро и улетят раньше, чем их закроют сеткой. На все это требуется сноровка, которая дается личным опытом. Покрыв стаю птиц, нужно осторожно вынимать их из-под сетки, чтобы не помять перьев, у каждой птички связать концы крыльев и пустить в особенную, обтянутую полотном клетку, называемую кутейкой. Со связанными крыльями птицы не так бьются и скорее привыкают к неволе.

Пойманных птиц на другой день сортируют; у самок и самцов, которые похуже, развязывают крылышки и выпускают на волю. Лучшая ловля начинается в конце августа, когда дрогнет лист на деревьях, и продолжается весь сентябрь и октябрь, до первозимья. Затем уже наступает малодобычливая зимняя ловля, о которой мы поговорим в другой раз, а также поговорим при случае о самых обыкновенных наших птицах, которых чаще всего держат в клетках, каковы, например, чижи, щеглы, реполовы и пр. Для ловли каждой породы имеются свои особые приемы. Мы укажем их в свое время, а теперь попытайтесь половить, как сами придумаете. Не тот мастер, кого выучили, а тот, кто сам выучился.

СОЛОВЕЙ.

И в прекрасную майскую ночь
Сладко пел соловей Туркестана.

Слова эти принадлежат знаменитому персидскому поэту Гафизу, стихи которого в Иране в таком же почете, как и песнь соловья.

Действительно, май месяц, эти чудные теплые ночи после шумного майского дня — лучшее время в году и в Иране, и в Испании, и на обширных равнинах России, и на зеленых лугах Ирландии.

Март и апрель — это время борьбы между холодом и теплом, борьбы зимы с весной, и только к концу апреля весна одолевает. Все, что спало долгим зимним сном, просыпается, вылезает из норок, снимает свою зимнюю шубку, чистится, наряжается, выходит наружу погреться, пообсушиться, посмотреть на солнечный луч. Да, в это время жизнь сказывается на земле во всей ее полноте. Лезут травки из оттаявшей земли; лопаются почки на деревьях; пробуждаются насекомые — жучки, бабочки, мушки; вылезают из нор зверьки, спавшие глубоким сном. Возвращаются с далекого юга последние птицы на родину.

Посмотрите, все это суетится, бегает, ползает, летает, кричит и поет, и вам невольно приходит в голову, что, должно быть, все

эти маленькие и большие твари счастливы. Да, и то правда: майские дни и ночи — это праздник всего живого, это дни великого мирового счастья; а кто счастлив, тот смеется и шумит. Оглянитесь в майский день кругом. В лесу шум, в поле шум. На реке словно базар; даже в темном овраге — и тут шум. Шумят все, кто только может. У кого есть голос, тот кричит, а у кого его нет, тот шумит, чем попало. Все шумят и кричат, следовательно, все счастливы. Но, однако, прислушайтесь: в этом шуме, в этих криках порой слышится что-то странное, увлекающее. Это песня, это музыкальное сочетание звуков; а музыканты майского оркестра — птицы, именно те птицы, которых мы называем певчими.

В глуши лесов, среди обширных полей и степей, по берегам рек, на высоких вершинах гор — всюду в умеренном и северном поясе Старого и Нового света, куда бы мы ни попали, мы услышим эту птичью музыку; всюду раздаются разнообразнейшие концерты, везде самый пестрый оркестр. Стройные хоры прерываются чудной мелодией солистов. Ни один музыкальный критик не в состоянии написать нам рецензию об этом великом хоре природы, да и кстати заметить, нигде тут не найти капельмейстера. Всяк поет как умеет, поет тогда, когда ему особенно весело. Ему нет дела, слушают его песню или нет, он не ждет похвалы, он поет сам для себя, поет для своей милой. Тем-то и хорош этот хор, что в нем нет фальши.

Послушаем же этих певцов и начнем с лучшего.

* * *

Как и всегда воспоминания переносят меня на берега Волги. Давно это было. Несколько гимназистиков сговорились читать всю ночь, чтобы приготовиться к экзамену по истории. Добыли мы сальный огарок свечи и по очереди читали в учебнике о походах Александра Македонского. Как ни занятны были геройские подвиги Македонского, но господин сон был еще занятнее. Поминутно то один, то другой клевал носом, так что чтец даже рассердился. Чтобы помочь горю, открыли окно; но тут-то и стряслась беда: хлынул майский воздух в комнату, освежил сонные мордочки и не помог нашему горю, а только испортил дело.

Вместе со струями свежего воздуха прилетел аромат цветущих яблонь и груш. Пронеслись чудные звуки соловьиной песни. Сон улетел. Переглянулись историки. «А не пройтись ли на Волгу?» — сказал один из них тихо. Предложение было заманчиво, никто не спорил, и если бы сторож проснулся, то заметил бы, как через

стены пансионского двора перелезло несколько обезьян в курточках и в шапках с красным околышем. Это была одна из лучших ночей, какие я только помню. Утренняя зорька едва загорелась, в воздухе стояла полнейшая тишина. Было чуть-чуть свежо, но не холодно. Симбирск спал глубоким сном. На соборе, на гладкой поверхности Волги, отражались первые отблески зари. Весь крутой склон к Волге белел, как от снега: то цвели яблони непрерывных садов, окаймлявших симбирскую гору. Узкой тропинкой спустились мы до небольшой площадки, раскинувшейся на половину горы. Среди цветущих яблонь, на лужайке, стояла убогая хижина, словно сказочная избушка на курьих ножках.

— А что, братцы, разбудим-ка приятеля Савельича.

— Разбудить, так разбудить,— отвечали другие.

— Да ты его знаешь, что ли? — спросил кто-то.

— Как не знать,— отвечал коновод наш, Александров.— Я у него и весну и осень станую, да и летом заглядываю.

— Что же, он тебе крестный дядя, что ли?

— Нет, дядя не дядя, все будете знать — плохо будете спать; а молоком вас угощу да еще с черным хлебом,— с этим словом Александров постучал в окошко.

— Кто тут? — отозвался старческий голос.

— Я, Трофим Савельич, Ваня Александров, чай, помните?

— Ах, ты непутный, опять, поди, соловьев слушать пришел?

— Так точно, Савельич, только ты впусти нас, маленечко проголодались, побалуй молочком.

В хижине что-то зашуршало, скрипнула дверь, звякнул засов, отворилась другая дверь, показалось что-то серое.

— Ну, полуночник, что вздумал, когда пришел? — послышался голос старика.

Переговоры в этом роде тянулись еще несколько минут, а кончилось тем, что мы очутились за кривоногим столом в хижине. Посреди стола Савельич поставил большую деревянную чашку молока, накроил целый десяток ломтей хлеба; сунул каждому из нас деревянную ложку — и «пошла писать губерния».

— Ну, что, Савельич, как соловьи? — молвил наш Ванька-атаман.

— Что соловьи, поют,— тебя, дурня ждут. Придет, говорят, наш ловец Иванушка, хвост ему покажем.

— Ну, это они врут! У нас соль есть, чтобы хвостом не кичились.

— Ну, ну,— возразил Савельич,— смотри, не осрамись, как прошлого года.

Надо заметить, что у нас Александров считался заправским птицеловом, поэтому слова Савельича, что он осрамился прошлого года, привлекли общее внимание.

Но лукавый старик ловко предупредил наши вопросы.

— Твой обидчик-то здесь. Третьего дня запел в том же самом кусте.

Надо было видеть Александрова. За минуту перед тем, обиженный шуткой Савельича, он готов был поссориться с ним, а теперь... он стоял перед обидчиком, готовый расцеловать его.

— Здесь? Не шутишь? Правда, здесь?

— Чего шутить, пойдем слушать!

И вот мы отправились гуськом за стариком и Александровым.

Молча следовали мы за вожаками по садовым тропинкам, между яблонь и груш, спускались под гору, перелезали через заборы, карабкались снова на гору. Наконец старик остановился.

— Ну, команда, садись. Уговор — ни гугу!

Мы уселись и стали ждать. Ночь была чудно хороша. От запаха цветущих яблонь чуть не кружилась голова. То там, то тут раздавались песни соловьев и только одних соловьев. За Волгой кое-где мерцали огоньки рыбачьих костров. Утренняя зорька румянила уже восточный край неба. Все-все это было чудно хорошо, но бессонная ночь сказывалась. Знаменитый соловей еще молчал, а уж некоторые его слушатели клевали носом. Не дремал только Александров.

С напряженным вниманием смотрел он в кусты крыжовника, где скрывался певец, и вот, наконец, как мне показалось тогда,

над самым моим ухом раздался первый звук соловьиной песни. Куда девалась моя дремота! За первым звуком последовал другой, третий, и полилась, как поток, чудная мелодия.

Как описать эту песнь! Как рассказать, что я слышал, что я испытал тогда!

Возвращаясь с концерта, музыкальный критик самоуверенно произносит свой суд, говоря, что эти ноты певца были слабы, на других нотах голос его дрожал, такие-то ноты выполнены превосходно. Да, для оценки человеческого голоса есть ноты, а песню соловья и вообще все песни птиц ни один из величайших композиторов не сумел еще переложить на ноты. То, что я слышал в эти минуты, не поддавалось суждению; но мы все были очарованы, поражены полнотой, свежестью звуков, силой музыкальной мелодии. Наконец соловей замолк.

— Ну, что? Он, что ли? — раздался голос Савельича.

— Он, он. Молчи, дедушка! — скороговоркой ответил Александров.

— Чего молчать, пойдемте домой. Пугать попусту нечего; приходи скорей ловить добрым порядком.

Мы снова двинулись той же дорогой. Поднявшись наверх, мы остановились, точно по уговору, чтобы перевести дух. Чудная картина раскинулась внизу перед нами. Румяная заря осветила розовым светом красавицу Волгу. Широко разлилась она на луговой стороне. Десятки плотов с красивыми домиками, вперемежку с судами, тихо спускались вниз по течению. Острова и луга были залиты водой, и только высокие гривки, как громадные пятна, выступали на зеркальной поверхности реки.

— Однако, братцы, пора и Александра Македонского вспомнить. Пойдем-ка домой! — заметил один из нас.

Не один вздох вырвался тут из груди школьников, но делать было нечего. Через несколько минут снова раздалось монотонное чтение в классной комнате гимназии; но — увы! — его никто не слышал. Склонились школьничьи головушки на деревянные столы, обуял их неумолимый сон.

Наступила суббота; Александров потихоньку шепнул мне утром.

— Собирайся в поход на соловья; только ни гугу.

После обеда, когда нас распускали по домам, мы нарочно замешкались с Александровым, чтобы не подать виду, что собираемся на охоту. Но зато потом чуть не бегом отправились в сад, к Савельичу.

— Ага, ловцы-молодцы явились; ну, в добрый час.

— Что соловей? — спросил Александров.

— Соловей-то ничего, а ловцов-то тут понабралось за эти дни.

И начал Савельич пересчитывать этих ловцов. Александрова била лихорадка.

— Как! И Лодочников тут и соловья слушал?

— Как же, гут, и соловьев слушал. Только нашего-то им не удалось услыхать, потому я в кустах Орелку привязал.

— Ну, и что же?

— Ах, ты чудной! Как что же? Орелка лает, соловей и молчит. А вот ты иди теперь и лови его.

И начались толки, как ловить соловья. Александров настаивал, что надо поставить лучок.

— Чего лучок; поди, он, думаешь, не помнит, как ты промахнулся. Нет, парень, его лучком не заманишь; давай, метнем сеть.

Так и порешили. Захватив сетку, мы отправились к кустам, где держался соловей.

— А где же Орелка? — спросил Александров.

— Эх ты, турка (турка это было школьное прозвище Александрова); ведь я знал, что ты теперь придешь. Орелка давно дома. Ну, а ты — как тебя звать-то,— обратился ко мне старик,— поди, смотри, да ни гугу, а то чуприну навертим.

Развернули они сеть, обошли кусты крыжовника и накинули на них с одной стороны эту сетку полукругом; затем скрылись между яблонь. Я сидел в своей засаде за густым кустом вишни и наблюдал.

Мне показалось, что на земле между кустами крыжовника что-то мелькнуло. Всматриваюсь — прыгает какая-то бурая птичка. «Неужели это он, это знаменитый певец?»

Вдруг слева появилась фигура Александрова, а подальше выставилась голова Савельича. Они тихо подвигались к кустам крыжовника, пристально всматриваясь в них.

Соловей вскоре заметил врагов и сделал несколько скачков по направлению к сети. Охотники наступали осторожно, потихоньку. Соловей следил за каждым их движением и постепенно приближался к сетке. Наконец Александров заметил соловья, быстро сделал шага три вперед, взмахнул шапкой — и дорогая добыча была наша: соловей запутался в ячейках сетки. Вынуть его оттуда, связать ему крылья и посадить в кутейку было делом одной минуты.

Счастливые, вернулись мы в хижину Савельича.

* * *

Это один способ ловли и, кажется, простой. Но простота обусловливается умением птицелова; одним неловким движением,

торопливостью можно отогнать соловья прочь от сетки, а это случается частенько.

Другие способы лова тоже несложны; но скажем кое-что о соловье, именно то, что необходимо знать для успеха лова и для хорошего содержания певца в неволе.

* * *

Соловей — одна из самых обыкновенных певчих птиц у нас. Его знает, более или менее, всякий по его чу́дной песне и по замечательной простоте наряда. Все перышки его окрашены в однообразный бурый цвет, который на брюшке светлее и переходит в буровато-белый; ни ярких пятен, ни полос нет у соловья. Большие темные глаза придают особую прелесть физиономии соловушки.

Питаясь только насекомыми, соловей на зиму улетает на юг (обыкновенно в конце августа), зимует в Северной Африке, в Аравии и южном Иране. Весной соловей прилетает на родину в то время, когда деревья и кустарники начнут одеваться листьями, т. е. в конце апреля (в северных местностях — в начале мая). Перелеты свои на юг и обратно соловьи совершают по зорям и даже ночью. Вернувшись домой, соловей отыскивает свое старое жилище и начинает петь, поджидая соловьиху, которая обыкновенно является неделей позже. Затем оба они принимаются вить гнездо, которое помещается около земли, на корнях какого-нибудь куста — смородины, крыжовника, боярышника и т. п. Особенно любят соловьи смородину, так как она растет большею частью в местах сырых и тенистых; а это — излюбленное жилище соловья. Он держится по опушкам лесов, по долинам рек и по склонам оврагов, там, где много кустарников и земля влажная, обильно покрытая опавшей листвой. Соловей любит бегать по земле, отыскивая в листве личинки насекомых, улиток, червячков и т. п. Высоких деревьев соловей не любит, а глухих старых лесов избегает. Поэтому он охотно держится в садовых кустах, в цветничках, где растут розы и другие цветущие кустарники.

Во второй половине мая самка кладет 5—6 яичек однообразного зеленоватого цвета, без пятен и точек. Насиживание продолжается две недели. Молодые соловьятки выходят из яиц голые и слепые. Самец помогает самке высиживать яйца и кормить молодых, распевая в то же время свои чудные песни.

Во второй половине июня соловьята уже покидают гнездо, а соловей перестает петь. Для него в это время наступает пора линяния. Всю остальную часть лета соловьи ведут тихую, скрытную жизнь и не поют.

Такова в немногих словах скромная жизнь первого певца в мире пернатых.

Во всем свете нет никакой певчей птички, которая пела бы лучше соловья. Потому-то поэты всех времен и народов старались воспеть этого дивного певца; потому-то всюду, где живет соловей, его любят и, не довольствуясь пением его на свободе, держат в клетках.

Кроме указанного выше способа, соловья ловят лучком и самоловом. Лучок состоит из двух прутьев, согнутых дугой; через концы дуг натуго протянута бечевка. К дугам прикреплены сетка в виде мешка. Одна дуга прикрепляется к земле тремя колышками, другая остается свободной и от нее идет бечевка, которая протягивается в шалаш птицелова; когда лучок насторожен, на расчищенной земле, внутри дуг, насыпают «привад» — муравьиных яиц или тараканов. Иногда тут же привяжут соловья, употребляемого для приманки дикого. Когда этот последний слетит на точок, то стоит только птицелову дернуть бечевку — свободная дуга лучка перегнется на другую сторону и покроет соловья. Лучок ставят в том месте, где держится соловей; предварительно надо высмотреть его.

Устройство самоловов тоже очень просто. Возьмите ивовую корзину без крыши, переверните ее вверх дном, вот и самолов. Настораживается он следующим образом: срезав прут в палец толщины, оба конца заостряют и, согнув прут дугой, втыкают их в землю. К дуге на гонкой бечевке привязывают сторожок. К одному краю корзинки привязывают узенькую и тонкую дощечку или дрань, длина которой равна ширине корзины; на свободном конце дощечки, называемой язычком, сбоку делают глубокую зарубку. Поставив корзинку около дуги на землю, край ее приподнимают и подпирают верхним концом сторожка, а нижний конец сторожка закладывают за зарубку язычка. Под корзину насыпают муравьиных яиц, мертвых муравьев и тараканов. Соловей, подойдя под корзину, непременно толкнет язычок, сторожок соскочит, и корзина покроет птичку.

* * *

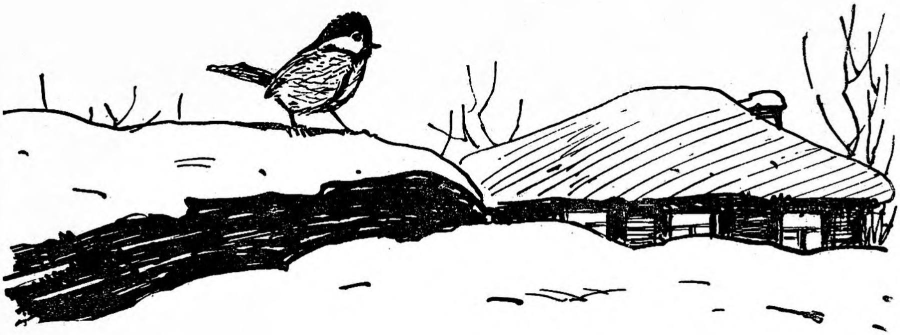
Теперь скажем, как обращаться с соловьем.

Первым делом надо связать осторожно концы его крыльев и посадить птичку в клетку, обтянутую полотном или другою тканью,

и, бросив туда немного муравьиных яиц, поставить клетку в тихое, укромное место, где соловья не пугали бы; иначе он изобьется до смерти. На другой день дать ему чашечку с водой и насыпать корм. При осторожном обращении соловей дня в два освоится с неволей и примется за корм. Тогда надо крылышки ему развязать. Через несколько дней он, наверное, запоет.

О дальнейшем уходе говорить нечего. Кормить лучше всего муравьиными яйцами — свежими, пока они есть, а зимой — сушеными. Сушеные яйца размачивают предварительно в теплом и свежем молоке. Недурно изредка давать соловью мелкие кусочки вареной говядины; дают ему тоже булочки, размоченные в молоке. Надо как можно остерегаться, чтобы молоко и булка не были кислы, и потому яиц не надо много размачивать: они киснут и действуют вредно на здоровье птицы. Хорошо также подкармливать соловья тараканами, мухами и гусеницами, особенно во время линьки. При хорошем уходе соловей живет в клетке лет пять или шесть. С каждым годом песня его становится лучше, и он запевает раньше. Сиделый соловей начинает петь уже в феврале и поет до середины июля.

Ловят соловьев только с прилета и до половины мая. Когда соловей стал вить гнездо, его ловить уже не стоит — он умрет от тоски. Можно ловить соловьев в июле и августе, особенно молодых. А еще лучше вынуть молодую птичку из гнезда и выкормить. Это не легкое дело, но зато выращенные в неволе соловьи делаются ручными и живут дольше. Выкармливают их мушками, червячками, гусеницами и муравьиными яйцами. Только для них нужен учитель, т. е. старый, хорошо поющий соловей. Иначе ручные соловьи никогда не будут петь хорошо. Как обучают птиц петь, мы поговорим в другой раз, а теперь замечу только, что и на воле соловьи учатся друг у друга, молодые у старых. Поэтому в каждой местности в соловьиной песне есть свои особенности. Есть местности, где все соловьи поют плохо; есть, наоборот, и такие, где живут лучшие артисты. Так, прежде славились соловьи Курской губернии, а теперь лучшими певцами считаются соловьи Киевской губернии, именно живущие около Бердичева. За хороших певцов в этой местности любители платят большие деньги.



СИНИЧКА.

Моему Олегу.

В начале ноября мы переселились в новый домик, построенный отцом, как раз около старого прадедушкина сада. По комнатам в беспорядке стояла мебель, лежали вещи. В детской у нас тоже все разбросали кое-как, наскоро. Весело пылали дрова в камине. Тепло разливалось по комнатам, усиливая ароматный запах сосны, которым отдавали стены. Усталый от тревог дня, поужинав наскоро, я улегся в кроватку и мигом заснул.

— Вставай, сонуля! Зима пришла! — раздался над моим ухом голос отца.

Открыв глаза, я был ослеплен с непривычки. И вправду зима. Нежданная, ранняя. Весь двор, крыши, деревья, дрова — все было покрыто чистым, пушистым снежком.

Деревенскому мальчику, не то что городскому, первый снег осенью, первые лужи весной — важное событие. Деревенский мальчик стоит ближе к природе, и каждое время года отражается резко в его играх, в его затеях: зимой одно, летом другое.

Напился я наскоро чайку со свежей сдобной лепешкой и присел к окну полюбоваться молодой зимой. Кстати, надо было подумать

о салазках, горе́, лыжах и мало ли о чем. Забот у нашего брата ведь много, чуть ли не больше, чем у больших. Только странно как-то вышло; вместо салазок меня заняли следы людей, собак, скотины, птиц — следы, которыми пестрым узором был расписан молодой снег.

Пинь, пинь, таррарах, звонко раздалось за окошком.

Прямо против окна были сложены дрова. Быстро повертывая хвостиком, встряхивая крылышками, на дровах вертелась прехорошенькая птичка. Все движения ее были порывисты, быстры, неожиданны. То она юркнет между поленьев, то вскочит наверх, взмахнет крылышками, вернется из стороны в сторону, порхнет неожиданно вниз, клюнет раз-другой щепочку; глядишь — снова на поленнице, повернулась, подпрыгнула и уже на заборе, а там порхнула, и след ее простыл.

Ждать-пождать — нет птички. Я бегом к отцу. Рассказываю ему о диковинной птичке.

— Какая же она собой?

— Брюшко, говорю, желтенькое, а посередине черный ремень до горлышка; щеки белые; на голове черная шапочка; спинка зелененькая.

— Эка невидаль. Это простая обыкновенная синичка. Такие ли есть в лесу!

Простая, обыкновенная синичка! Кому как, а меня так и приковала к окну. Но синичка как назло не являлась.

Около амбара суетились голуби и воробьи. К ним присоседилась галка. На заборе сидела ворона. Сорока помахивала хвостом на ветке старой липы. Синичка все не показывалась.

Позвали нас завтракать, а Никаноровна мне на ушко шепчет:

— Вас Михайла плотник ждет в прихожей.

Я мигом туда.

— Гостинчику, Николаич, прими на новоселье,— и он подал мне какую-то самодельную игрушку.

— Что же это такое, Михайло?

— А, вот, слышь ты, возьми, подними крышку-то, так подопри ее сторожком, задень им за язычок, насыпь в ко-

рытце семечка — и шабашь, готово; только ставь где-либо. Пичужка, какая ни на есть, прилетит, увидит семечко и туда прыг-прыг; задела язычок, щелк — и наша.

Не берусь рассказать подробно, что я чувствовал тогда. Только отчетливо помню, что я был счастлив; и это чувство счастья было вызвано мыслью — теперь синичка будет моя.

Может быть, вы посмеетесь над этим счастьем. Конечно, кому что нравится! Вот посмотрите на подарок Михайлы.

Вы городской мальчик, вы не дадите за этот неуклюжий обрубок последнего обломка самой плохой игрушки.

Я, деревенский мальчик, сделал иначе. Спрятал бережно подарок Михайлы под свою кроватку, позавтракал наскоро и, вернувшись в детскую, я торжественно преподнес сестричке Зине все свои игрушки.

Прошло много лет с тех пор, но и теперь я с благодарностью вспоминаю Михайлу за его незатейливый подарок. Много после того я получал подарков, и дорогих и дешевых, но ни один из них не имел такого значения, как слопцы, поднесенные мне Михайлой.

Насторожив слопцы, как научил Михайла, и насыпав в них конопляного семечка, я поставил их на дрова, где прыгала синичка.

Прошел час, другой, я сижу у окна и жду, а синички нет как нет. Должно быть, и не будет.

Пинь, пинь, таррарах! — моя красавица тут как тут. Прямехонько-таки на дрова и пожаловала. Туда, сюда повернулась и к ловушке.

Чики, чики, чики... пинь, пинь — и прыг на край. Еще два-три прыжка. Хлоп. Пинь, пинь — и скрылась моя синичка; только хвост остался, защемленный крышкой ловушки. Представьте мою досаду. А тут обернулся, смотрю — стоит отец и смеется.

— Ай-да птицелов! — говорит.— Ловко же ты ловишь... синичьи хвосты.

Я готов был расплакаться.

— Принеси слопцы.

Я принес.

— Как ты настораживал?

Я показал ему.

— Ну, мастер. Пробуй язычок.

Ловушка едва спускала.

— Видишь ли, всякое дело требует знания. Смотри, как надо делать. Тащи и поставь теперь.

Горячо поцеловал я своего папку-насмешника и побежал ста-

вить слопцы. Счастье повернулось ко мне самым носом. Не прошло пяти минут — новая синичка.

Пинь, пинь, таррарах!

Раз, два, три; хлоп — и готово! Не помня себя, я побежал к дровам, взял слопцы, приподнял крышку — там. Тащить бы домой. Нет. Закрыл полой слопцы, запустил руку и вытащил синичку, с ожесточением щипавшую мои пальцы. Держу, любуюсь. Вдруг моя синичка головку повесила, глазки закрылись — умерла. Что я сделал? Верно, помял бедняжку. Открыл руку — лежит моя синичка недвижима. Ах досада? Первая — и убил. Глянул на окно детской — стоит отец и смеется. Фу, гадость какая. Совсем осрамился.

Вдруг над ухом — пинь. Смотрю на ладонь — пусто! Мертвая улетела. Глянул на окно детской, а там уже не один отец — мать, Зина, няня и все-то покатываются со смеху.

Чуть не разбил я свои слопцы. Сел на крыльце и заплакал горькими слезами, слезами злой досады.

— Полно, дурашка! ведь сам виноват,— слышу за спиной голос отца.— Пойдем, оденься, отыщем в кладовой клетки. Ты даже не подумал, куда бы синиц сажать. Плох, плох. Пятками думаешь.

В кладовой, действительно, нашлись клетки, о которых я и не знал.

— А вот это,— говорил папа,— не твоим слопцам чета. Это настоящая западня, или чапки. Эти боковые отделения — ловушки, устроенные по тому же плану, как слопцы. Оттяни дверку вниз, верхним концом сторожка задень за перекладину, нижним — за поперечную палочку. Насыпь в ловушку конопляного семечка! Готово! Теперь ставь и увидишь, что это много лучше слопцов. И птица не так боится, поэтому ловится скорее.

— Зачем же среднее отделение?

— Сюда сажают птичку, чтобы приманивала своих вольных товарищей. Когда-то еще синички увидят твою западню, когда-то подлетят к ней и захотят полакомиться зернами. А если здесь сидит птичка, то, видя своих товарищей, она кричит — зовет их. Заслышав голос, они быстро летят к западне и, не понимая, что она в плену, доверчиво бросаются есть зерна, а тут хлоп — и попались!

Рассказывая мне все это, отец приводил западню в порядок. Наконец, когда все было готово, мы поставили ее на дрова. Не прошло четверти часа, явилась синичка. Пинь, пинь, таррарах!

Прыг, скок. Два-три раза кругом обошла западню. Вскочила наверх. Глядь — зерен целые горсти. Тинь, тинь — и она уже на откинутой дверке. Еще минута — синичка скакнула на поперечину.

Хлоп — и заметалась в ловушке! Не помня себя от радости, я прибежал в детскую с своей добычей. Пересадили мы с папой синичку в клетку. По его совету закрыл я клетку платком, чтобы не очень билась и пугалась моя пленница. Прошло с полчаса — синичка стала долбить семечко. Мы повесили клетку над окном.

Синичка так усердно долбила и поедала зерно за зерном, как будто век жила тут.

— А будет она петь? — спросил я отца.

— Будет, только не скоро; когда обсидится, привыкнет. Впрочем, она плохая певунья. Ты поймай щегла, чижа или овсянку. Вот это настоящие певцы. И то певцы не первого сорта, а так себе. Зимой певцов у нас мало. Они теперь далеко, где-нибудь в Египте. Придет весна, и они прилетят.

* * *

И речи папы, и подарок Михайлы, и эти синички — словом, все, свершившееся в тот день, имело глубокое влияние на всю мою жизнь. Скучная, обыденная забота исчезла для меня навсегда. Ни игрушки, ни игры, ни удовольствия общественной жизни не прельщали меня более. Леса и степи, озера и речки с их лугами, болотами и кустами приковали с той поры все мои помыслы. Таинственной и чудесной, вечно новой и заманчивой представлялась мне жизнь их обитателей — зверьков, птичек, ящерок, улиток, лягушек, жучков, рыб и т. д. Каждый поход в лес, в поле, на речку кончался знакомством с новым, невиданным животным. Каждый день перед моими глазами развертывались новые картины природы, картины живые, подвижные, переменчивые, где ни одна фигура не оставалась праздной, безучастной. Сцены жестокой борьбы между животными, вызываемые голодом и враждой, сменялись сценами счастья, привязанности и самоотвержения. Природа открыла мне доступ в свои заветные тайники.

Там я видел, как мать жертвует жизнью при нападении врага, чтобы спасти своих детей. Я видел, как другая мать поедает своих деток.

Я видел, как защищают раненого товарища, забывая свою безопасность. Я видел, как брат заедает брата из-за кусочка пищи.

Но я видел также, как друг приносит пищу другу, чужому, не родному ему. Словом, я находил человечность там, где ее никак не хотят признать люди.

Я не художник по ремеслу. Но та же природа научила меня уважать искусство. Потому-то я видел искусство там, где трудно его допустить.

Да нет, пересказать все, что я видел в природе, чему научила она меня, сразу нельзя.

На этот раз передам кое-что о своей любимке-синичке и некоторых ее родственницах, живущих у нас на Руси.

Обыкновенная, или большая, синичка местами у нас зовется зинькой, зинзиверем, слепухом или кузнечиком; и каждая кличка ей недаром дана. Она больше всех своих родственниц. Она обыкновеннее их и чаще попадается. Зинькой и зинзиверем ее прозвали по ее крику. Кузнечиком зовут по манере долбить зерна. А почему зовут слепухом на Урале,— сказать не могу; глазки у нее хоть куда: живые, веселые, блестящие. Да и вся-то синичка сложена статно, красиво, а по движениям — сущая егоза. Нет минуты, кажется, чтобы синичка посидела на месте чинно, неподвижно, как другие птички,— всегда она в движении, вечно суетится. Но как только наступит вечер — егоза превращается в неподвижный пуховой шар, не видать ни головы, ни крыльев,— только кончик хвоста торчит. Так не спит ни одна наша птичка.

Одета синичка франтовато. Черно-сизая, блестящая шапочка прикрывает ее головку. Черные ленты, окаймляя белые щечки, идут на горло; как концы франтовского галстука, идет от горла на грудь черная полоса. Спинка нежного и тусклого зелено-серого цвета. Грудь и брюшко лимонно-желтые. Хвост и крылышки голубо-серые, а на последних еще беленькие полосы.

Синичка — житель деревьев. Где нет лесов или садов, ее не увидишь, потому что только на деревьях она находит свой обычный корм. Она не любит старого дремучего бора, где одни только сосны и ели. Но всякий высокий лес, состоящий из смеси разных лиственных деревьев и даже с примесью хвойных,— настоящее жилище синички. На выбор деревьев синичка неприхотлива: чем разнообразнее лес, тем ей более люб он. Поэтому она водится в лесах почти всей России и Сибири, от Архангельска до Крыма и Кавказа, от Польши до отдаленной Сибири и Туркестана. В степных садах Украины ей так же хорошо, как в обширных лесах Урала, если только там и тут она найдет пищу. Ни холод архангельской или сибирской зимы, ни астраханские летние жары синичке нипочем, лишь бы было чего поесть.

Что она ест? Какая любимая пища синички?

В клетках ее кормят конопляным семенем. Она, очевидно, любит его, потому что из-за этого лакомства попадается в ловушки. Но если б конопляное семя составляло ее любимую и главную пищу, конечно, синичка жила бы постоянно на коноплянниках, а не в лесах. Следовательно, главная пища синички другая.

Чтоб узнать, чем питается какое-нибудь животное, есть два средства: или надо наблюдать его жизнь и видеть, что оно ест, или же вскрыть убитое животное, разрезать его желудок и рассмотреть недоваренные еще остатки пищи. Обыкновенно ученые употребляют оба эти способа, чтобы судить правильно о пище животных. Будем же следить за синичкой в разное время года, чтобы познакомиться хорошенько с ее жизнью и деятельностью.

Летом синичку не увидишь ни в городе, ни в деревне. Разве только пара или две живут в большом саду. Летом почти все синички живут в глуши леса.

Как только наступит осень, опадет лист с деревьев, начнут замерзать по утрам лужи,— если есть вблизи лес,— синички поодиночке появляются в садах, на огородах, на конопляниках и дворах. С утра до вечера они обыскивают деревья, кусты, заборы: каждую ветку куста или дерева, каждую щель в заборе синичка подвергает самому тщательному осмотру. Насекомое, забравшееся в трещину бревна, окоченевшее от холода, гусеница или куколка, захваченные морозом на ветке дерева,— все это идет на пропитание синичке. Яички бабочки, бисерным кольцом приклеенные на ветку, из которых весной вывелись бы гусеницы, отыскиваются синичкой с особенным усердием и составляют ее любимую пищу. Но всего этого мало, и глубокой осенью пищи с каждым днем становится меньше и меньше; аппетит же синички с холодами растет. Нужно искать другую пищу. Она летит к поленнице дров; под отставшей корой поленьев богатая пожива: жуки-короеды, точильщики, их гусеницы и яички; на поверхности коры — личинки и яички бабочек. Но и это не может удовлетворить голод синички; она принимается за конопляные зерна, долбит брошенные в кучу обмолотки подсолнечников. Весело «пинь, пинь, таррарах» раздается в морозном воздухе, значит, сыта наша синичка или завидела поживу.

Зима совсем осилила осень. Толстым слоем укрыл снег мерзлую землю. Трескучие морозы чередуются с вьюгой-метелицей. Плохо синичке, плохо всем, на ком нет чужой шкурки, кто не ест готовый хлеб. Закрутит метель — все прячется, куда попало. По целым дням нельзя отправляться на промысел. И сидят, голодают, отсиживаются от студеной беды и звери и птицы.

Первой бы тут пропасть нашей синичке. Но недаром она плут. Закутайтесь теплее, пойдем в самую глушь соснового бора: «пинь, пинь, таррарах!» — здесь наша плутовка. Злится, воет метель; воля ей в чистом поле, но набежала на лес — тут не то. Плотной стеной, словно образцовая армия, стоят деревья дремучего бора. Набежала метель, налетела и разбилась о крепкую вековую стену

сплошной хвои. Завязалась борьба. Воет, злится вьюга; тучи снега несет она с поля на лес, словно засыпать его хочет. Зашумели кудрявые вершины сосен; точно говор какой пошел по лесу, но стоят они крепко и не осилить их вьюге. Целые сугробы намела она на опушке. А внутри леса не шелохнется; ровной пеленой лежит снег. Крепко стоит эта сосновая армия за своих граждан. Иной из них замерз бы в поле; а тут, смотришь, летает, прыгает, стучит в деревья, покрикивает,— цел, дескать, и сыт. Тут наша синичка, кажется, первое лицо. В сотый раз она обыщет каждую ветку — глядишь, что-нибудь и досталось на завтрак. Не нашлось ничего вкусного — ну, долбит почку березки, семя сосны или что-нибудь такое. Много, однако, умрет синичек за зиму от голода, холода и врагов. Наткнулась ночью куница на пуховый шарик — пропала синичка! Забралась ли она в трескучий мороз в дупло дерева — глядь туда же лезет погреться белка — опять смерть неминучая! Повисла синичка на ветке, усердно отыскивая на коре ее и в почках насекомых,— откуда ни возьмись ястреб-перепелятник: цап!.. и только перышки полетели по воздуху. Поэтому она и летит зимой к жилью человека, где и сытнее и безопаснее, куда собирается много подобных ей попрошаек из лесов, с полей и лугов. Ну, пусть поймают в западню. Экая важность! В клетке и тепло и сытно, а там, авось можно будет и удрать. Не подумайте, что я зря говорю, будто птицы, раз побывав в клетке, не боятся неволи. Много раз я выпускал на волю снегирей, чечеток и других птичек, долго сидевших в клетке: они несколько дней вертелись около дома, влетали в двери, в форточки, а потом и совсем пропадали.

Когда лов синиц шел чересчур удачно и девать их было некуда, я отмечал их, например, обрезывал разным фасоном хвостики, чтобы лучше отличать одну от другой, и выпускал на волю. В тот же день мои куцые первыми попадались в западни.

Зима на исходе; появились проталинки на пригревах; почки деревьев надулись. Одна за другой синички покидают деревни. Они снова снуют по лесу. Звонко несутся их крики, сменяемые трелями, каких не услышишь зимой.

Мутными ручьями побежала вода. Тает снег с каждым днем. Весна пришла, и все оживает. Теперь и в лесу для синички пищи много. Забыты зерна и древесные почки. Ее стол состоит исключительно из насекомых. Синичка нашла себе подругу. Сообща отыскали дупло. Свили там гнездышко. Положила самка 8—10 маленьких белых яичек с красными крапинками. В две недели высидели деток. Новая забота матери и отцу. С раннего утра до сумерек без устали снуют они по лесу, ловя гусениц на корм своим

малюткам. Забыты песни и громкие крики. Молча работать покойнее — не так скоро заметит враг в зеленой листве.

Наконец малютки подросли, оперились, вылезли из дупла. Старики учат их летать с ветки на ветку, все дальше и дальше, с дерева на дерево. Найдя гусеницу, мать кричит нежно, тихо, а сама не трогает добычи, подлетел птенчик — она укажет ему. Съел он раз, другой так уже и следит за движениями матери. Скоро и звать его не надо, сам подхватит гусеницу или жучка, едва только старуха заметила их. Веселой толпой кочует семейка синиц по лесу, пока молодые не выросли и не выучились сами добывать пропитание. Подходит осень; теперь им не нужно заботы старых. Выводок рассыпался врозь, кто куда, по лесу. Пора жить своим трудом. Заметив, что старые начали летать из леса в деревни, молодые туда же, за ними.

Так из года в год идет синичья жизнь. Летом синичка сыта и довольна насекомыми; пришла зима лютая — надо и постным закусить, делать нечего, голод не тетка. Поэтому-то зимой ловить синичек так же легко, как трудно поймать их летом. В клетке синичка — одна из самых веселых и занятных птиц. Вечно подвижная, веселая, бойкая, долбит, кричит и шумит целый день. Пришел февраль — она угостит вас песней, незатейливой, правда, куда до соловья, но трели ее очень музыкальны.

Выпустишь ее из клетки — синичка обшарит все стены, обыщет все трещины; горе клопам, паукам, тараканам, сонным мухам, спрятавшимся туда,— острый клюв синички вытащит их оттуда исправнейшим образом. Как добрый садовник, она осмотрит все растения на окнах; правда, при этом пощиплет кое-где листочки, но зато уничтожит всех насекомых, которые живут на них.

Есть, однако, и дурные черты у моей любимки. Она зла и сварлива. Драки и ссоры закипят мигом, если посадить двух синичек в одну клетку. А с другими птицами сажать ее вовсе нельзя. В несколько дней синичка изведет целый птичник, каждое утро придется вынимать снегирей, чечеток, чижей и других птичек с пробитыми черепами — синичка с яростью нападает на этих мирных птичек, долбит им череп, убивает и выедает мозг, как лакомство.

Такова наша обыкновенная, или большая, синичка, та самая, которая надула меня.

— Такие ли есть синицы в лесу! — говорил мне отец.

Кроме обыкновенной синицы, известны еще: лазоревка, князек, московка, гаичка и хохлатая синичка. Это наиболее обыкновенные русские синички. (Кроме их, есть еще несколько видов, но о них в другой раз потолкуем.) В узоре и цвете их перьев много сходства, но не мало и разницы.

Лазоревка очень похожа на обыкновенную синичку,— это хорошенькая миниатюра ее. Спинка у лазоревки такая же зеленоватая, брюшко и грудка такие же лимонно-желтые. Черная узкая полоска идет по брюшку, исчезая на груди. Но всюду в остальных местах черный цвет заменен превосходным лазоревым. Через глазок идет черно-лазоревая полоска. Круглая лазоревая шапочка накрывает беленькую головку. От заднего края ее в обе стороны идут ленточки черно-лазоревые, завязанные под горлом. Крылья и хвост лазорево-серые.

Князек. Наш народ зовет князьками всех выродков белого цвета, встречающихся между разными животными. Князьками зовут белых стерлядей, белых крыс, белых выродков птиц.

В 1769 году в Симбирске остановились зимовать двое ученых — Паллас и Лепехин. Весь город был в переполохе. Мои прадедушки и прабабушки, вероятно, немало волновались по поводу приезда невиданных гостей. Не то начальство, не то фокусники наехали из самого Петербурга. Задолго до приезда им отвели почетные квартиры. Сам губернатор не знал, как принять нежданных гостей. Бумаги у них были такие, что просто перед ними не пикни, а делай, что прикажут.

— Вы нам, ваше превосходительство,— говорил Паллас,— пришлите рыбаков, нам нужно видеть птицеловов-охотников.

Сердце правителя Симбирска сжималось. Не верилось ему, что царица Екатерина пошлет для таких пустяков столь важных чиновников. Но делать было нечего. Рыбаки, охотники, птицеловы были приглашены их рыбьим и птичьим превосходительством. Обласкали они рыбаков, птицеловов, охотников и убедили их, что

Лазоревка

Московка

Гаичка

Длиннохвостая синица

Хохлатая синица

беды им не будет, если только скажут правду; какие звери, птицы, рыбы живут там и как их ловят они.

Один птицелов расхрабрился до того, что объявил, будто на Волге, в талах, живет птица князек — красоты неописанной. Объявил он это, да и напугался. Пошли ему допросы, какая такая птица, может ли он ее доставить. Только что вышел птицелов от приезжих ученых, подцепили его стражники по приказу коменданта и к губернатору. Здесь снова допрос о птице князьке. Божился, клялся птицелов, что есть князек, и взялся доставить его.

Для верности губернатор велел приставить к нему часовых. Забрал старик птицелов свои снасти, испуганный, подавленный нежданной бедой, под конвоем пошел через сады к Волге, на Попов остров. Счастье улыбнулось бедняге: следующим утром радостный, торжествующий, принес он шесть или семь князьков к Палласу. Щедро одарили его ученые за князьков, так щедро, что на всю зиму можно на печь залезть старикашке. Губернатор приказал отпустить его из-под стражи. И все были довольны. Лепехин записал в своем дневнике: «Другая птичка называется князек под Симбирском и принадлежит к роду синичек, водится по большей части в мелком дубняке и только зимним временем примечается. Красота перьев пожаловала его между синичками в князьки».

Действительно, князек-синичка очень красива. Спинка ее светлая, голубенькая. Крылья, хвост и ленточки на шее и щеках яркого лазурного цвета. Все остальные перья белые как снег.

Московка окрашена пестро, но цвета ее не яркие, только спинка голубо-серая. Брюшко светло-буроватое. Шапочка и ее ленты черные.

Гаичка, которую зовут также болотной синичкой, еще менее нарядна. У нее нет даже пестроты московки. Шапочка черная, без лент. Щеки белые, а все остальное серовато-бурого цвета.

Хохлушка по окраске походит на московку, но вместо черной шапочки у нее на голове перья длинные, пестрые, которые она поднимает хохлом.

Лазоревка любит густые старые лиственные леса, где липа и дуб. Там в самой глуши, под тенью старых деревьев, живет она все лето, питаясь насекомыми. Осенью же, собравшись в табунки, кочует по лесам и кустам речных долин, залетая нередко в сады деревень и городов.

Князек населяет всю Сибирь и северо-восточные губернии Европейской России. Эта синичка любит кустарники и леса речных долин, называемые уремой, где вьет гнезда в дуплах и кочует целый год.

Московка и хохлушка предпочитают хвойные леса, где среди сосен и елей растут березы и осины. Обе они встречаются во всех лесистых местностях Европейской России и Сибири.

Гаичка не даром зовется болотной синичкой — она очень любит воду, больше всякой другой синички. Поэтому, живя в самых разнообразных лесах, она выбирает там места, где есть болота, речки или роднички, на которые летом часто летает пить.

Все эти синички образом жизни, нравами, пищей, манерой ее добывания очень похожи на обыкновенную синичку. Но они гораздо общественнее и больше привязаны к лесу. Даже зимой их реже встретишь в саду, а около домов и на дворах почти никогда, потому что гаички питаются по преимуществу насекомыми и конопляное семя едят только в крайних случаях. Однако в глухую осень и зимой они охотно бросаются на эту пищу, давая птицелову легкую возможность ловить их.

В жаркие летние дни я часто ловил некоторые виды этих синичек в глуши лесной, около родников. Для этого я закрывал родник ветвями и хворостом, а около ставил лучок (особый птицеловный снаряд из двух полуобручей, на которые натянута сетка), под которым вместо зерен вкапывал в землю корытце с водой. Тут ловились не только синички, но даже дятлы.

Зимой же я любил ловить разных синичек тем же лучком или западней у незамерзающих родников. В них мочат конопли, обмолоченные осенью, и, вымочив, складывают снопы в кучи поблизости. Синички с голоду являются сюда искать уцелевшие семечки.

Вообще все синички, подобно обыкновенной, есть жители леса и дерева. В дуплах старых деревьев они вьют гнезда. В густой листве ветвей спят. На коре и на листьях круглый год ищут свою пищу, состоящую из насекомых, их гусениц и яичек. Особенно любят все синички яйца насекомых и в искусстве отыскивать их едва ли не превосходят всех других наших птичек. Летом живут они в глуши лесов, осенью и зимой кочуют в лесу, показываясь на его опушках или перелетая по кустам речных долин и садов. Деятельностью и яркостью они превосходят обыкновенную синичку, да и песни их музыкальнее. Поэтому в клетках очень приятно держать этих птичек. Но они долго не выдерживают неволи — клетка стесняет их движения, и они хиреют. Корм по вкусу подобрать им тоже трудно. Семя конопляное они, правда, едят, но долго питаться им не могут — заболевают. Надо им давать семя раздавленное и при-

бавлять сухих муравьиных яичек. Однако и на этом корме, при тщательном уходе, названные виды синичек редко выживают подолгу. Поэтому примите совет,— ловите их осенью, зимой — это доставит много удовольствия: пение их, живость движений сократит вам не один скучный зимний день. Но как только наступят теплые дни (с середины марта), когда побежит с гор вода, а из омутов поднимется рыба,— выпустите на волю всех ваших синичек в сад. За то, что вы прокормили их зимой, они отплатят вам сторицею — на обтаявших деревьях и кустах они поедят сотни и тысячи яичек насекомых и спасут не только будущую листву, но и многие плоды и ягоды сада, которыми вы же полакомитесь.

Придет осень, снова вернутся наши знакомки и тогда наловим их сколько угодно.

О ЧЕМ ГОРЕВАЛИ ПТИЧКИ.

Только что проснулось солнышко на Новый год. Под старой сиренью, на пушистом снегу, собралась целая толпа птичек. Были тут воробышки, буйные головушки; были тут чечетки, воробышкам тетки; были тут снегурочки, красненькие дурочки; были тут синички, птички-мастерички. Собрались толпою, судят, что им делать.

Старый год убрался — новый наступил. Дедушка морозец думал, как бы лучше встретить Новый год. Заглянул он в окна; видит: все хлопочут, чистят и метут. Догадался старый; созывает тучи и велит посыпать землю свежим снегом. Тучам-то и на руку, чтоб освободиться от снежинок лишних. Всю-то ночь работали; к утру на покой ушли. Как проснулось солнышко, видит все чистенько, бело на земле. Только его деточкам, пташкам и зверюшечкам, этот снег — беда. Травы позасыпало; на ветвях присесть нельзя. Голодают бедные — нечего поесть.

Собрались пичужечки и ведут совет:

— Чуть-жив, чуть-жив,— говорит воробей.

— Фью, фью, фью, фью,— отвечает снегурочка.

— Можно бы почек поесть, да на ветку нельзя присесть.

— Пинь, пинь, таррарах, кто голоден, тот дурак! — смеется синичка.

— Чего же поесть, чего же поесть? — спрашивает чечеточка.

— Подождите, друзья! — говорит овсяночка.— Новый снег непрочен. Солнышко за раз его растает; тогда найдем и зернышек.

— Да,— говорит воробей,— жди, кума, если сыта, а нам голод не тетка.

Толковали-толковали, а все ничего не придумали.

— Постойте,— говорит синичка,— я всех вас выручу.

Порхнула она и полетела на окно. Стук-стук в стекло. «Пинь, пинь, таррарах». Белая занавесочка не колыхнется. Подождала она да опять стук-стук в окошко. «Пинь, пинь, таррарах, таррарах»,— громче прежнего закричала синичка.

Вдруг занавесочка колыхнулась, поднялась, и хорошенькая черноглазенькая девочка появилась перед синичкой. Синичка до того испугалась, что скорей порхнула прочь.

А птички подняли ее на смех.

— Что,— говорил воробей,— сунулась ворона в барские хоромы, да и бежать скорей.

— Ах, ты, насмешник, конопляный воришка! — обиделась синичка.— Похожа ли я на старую каргу-ворону. Я тебе сейчас покажу, что я не трусиха,— и порхнула на окно. Девочка даже руками захлопала от удовольствия.

— Митя,— кричит,— Николушка, поглядите, какая хорошенькая птичка прилетела ко мне!

— Тише, тише,— говорит Митя,— не то она улетит.

Прибегают оба мальчика, и пошли у них толки. Коля говорит:

— Я поймаю птичку.

— Нет, не поймаешь,— дразнит Митя.

— Нет, поймаю.

А синичка так и вертится — пинь, пинь, таррарах! Заглянула Леля вниз, там целая толпа птичек. Нахохлились, прищурили глазки, сидят на снегу.

— Ах, вы, глупые мальчики,— говорит Леля,— чем спорить вам, давайте накормим птичек. Видите — они голодные, озябли...

Перед окном на снегу поставили ящик вверх дном, насыпали на него песку, а на песок — всякого птичьего лакомства: конопляного семечка, проса, овса, хлебных крошек. Дети так и припали к стеклам окна.

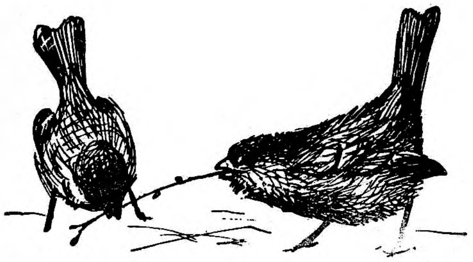
Прошло несколько минут. «Пинь, пинь, таррарах!»,— кричит синичка. Повертелась на дереве, порхнула на ящик и пуще прежнего закричала от радости. Никогда еще не ела она такого хорошего

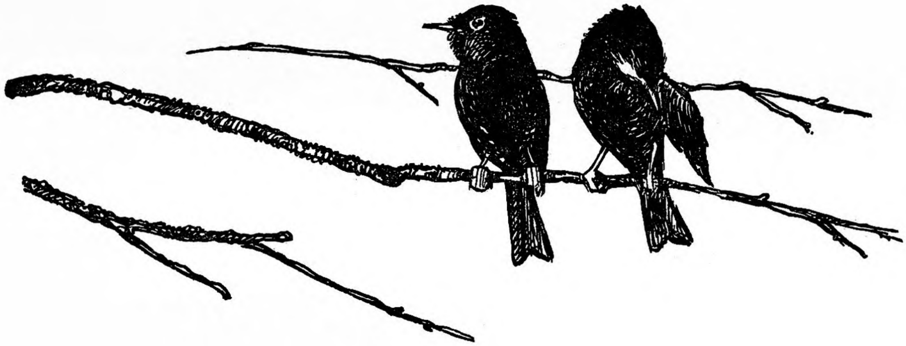
обеда. Скачет синичка по столику, как добрая хозяйка, и гостей созывает: «Слетайтесь, воробышки, голодные утробушки; слетайтесь, чечеточки, веселые трещоточки; слетайтесь, снегурочки, овсяночки, просяночки; слетайтесь, щеглята, веселые ребята; слетайтесь, синички, милые сестрички!»

И слетались пичужечки на богатый стол, пир пировать, низко кланялись синиченьке. А поевшие собрались, затянули хором песенку, кто во что горазд.

С тех пор не о чем было горевать птичкам на нашем дворе. Каждый день в урочный час слетались они к окну детской и пировали на столике-ящике. С каждым днем на пир слеталось все больше и больше гостей. С каждым днем птичий хор пел лучше и лучше.

— А ведь хорошо, Леля, что ты придумала кормить птичек,— говаривал Николка, целуя свою маленькую сестренку.





СКВОРУШКО.

Тает снег на полях под лучами яркого весеннего солнышка. Там и сям на припеке проталинки. Гомозится на улице грач. Старый дед мастерит на завалинке, а кругом ребятишки глядят.

— Что ты, дедушка, делаешь?

— Другу дом тороплюсь смастерить.

Переглянулись Машутка с Филаткой и лукавый вопрос старику:

— Что же, дед, у тя друг-то крылатенький? Как он в домик полезет, скажи?

Как моргнет на них дедка горбатенький.

— Что пристали, пострелы! Уйди.

Скворец прилетел. Сел, отряхнулся, чирикнул — из дуплышка разом шесть скворчиков рты поразинули. Сунул он червя в рот крикуну, уселся на веточке, перья поочистил и песню запел, песню бойкую, развеселую. Призамолк мужичок; позаслушался, и пришлась ему по сердцу песенка та. Да пел-то всего скворец лишь про то, как живет он со своею скворчихою, как не сеют, не жнут и не пашут земли, а она им дает все, чем жизнь весела. Но случилась

беда: из-за ольхи кудрявой юркнул ястреб, скворца подхватил. Тут впервые наш пахарь его полюбил, а, как глянул он в куст,— из дупла скворчата кричат, просят есть сироты. Сжалось сердце мужичье. «Ну-тка я их пригрею». Взял топор, подрубил он ольшину и принес то дупло к себе во двор. Охали-охали со старухой дома, как бы скворчиному горю помочь. Дики скворчата, кричат, а не едят и из дупла их не вынуть ничем. «Надо быть к вечеру бедные сгинут». И положил он ольху на поветь.

Встал поутру, глядит и дивится. Весело так скворчата пищат. Мать подъявилась и стала кормить их.

...И с тех пор, как только избу себе он построит, так и приют скворцу тут устроит.

* * *

С первым веяньем весны, как только появятся проталинки, издалека, с полудня, друг за другом летит разная птица. Первым является грач на навозе деревенской улицы. Через день, через два парит над проталинкой невзрачная птичка — жавороночек; звонко гудит ее песня веселая. Легкой трелью по полю раскатится и весельем в душе отзывается.

* * *

Как закутается в снег земля русская, все, что голод не терпит, уйдет. Улетят птицы за море. Ляжет рыба на дно. Влезут в нору барсук и сурок. Останется мужик да хорек, серый волк, лиса-кумушка, дятлы, ворон да сыч. И одна у них только лишь думушка: как погреться, поесть и прожить. Поневоле весну встретить весело: и тепло, и еда и покой.

Лишь один мужик не покоится,
Одному ему сон лишь нейдет.
В поле зернышко бросить неволится,
А кто знает, какое взойдет?
И довольство и счастье мерещится,
Что щебечет болтливый скворец,
А семян соберешь ли ты к осени,—
. . . .

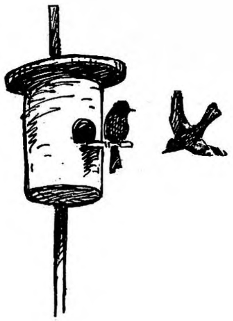
* * *

Вслед за жаворонком тянутся с юга на север гуси, утки, гагары, нырки.

Вот летит стайка сомкнутой кучкой, поднялась уж над самым селом; встрепенулась, свернула в сторонку, закружилась, вскричала за раз. Как горох тут посыпались скворчики из той стайки в родное село. Полетели к скворечницам, заняли каждый дачку свою, оглянулися, отдохнули и марш на реку.

На припеках луга оголились, зашныряли жуки и сверчки. Зашагали скворчики в зелени и пошли собирать свою дань. Понасытились, вымылись в лужице, а затем — по домам отдыхать. Отдохнувши же, песенку грянули, а на утро опять работать. Так-то с ранней весны вплоть до осени и скворец и мужик заодно отправляются утром на пашню, а под вечер домой прибредут. И работа идет у них общая. Пашет пашню мужик, а скворец за сохой. Тот кидает зерно, этот червя тащит. Мужик сено косить — и скворец на луга. Мужик траву гребет — тот кузнечика ест. Мужик стадо пасти, а скворец тут как тут; меж коров и овец он как свой зашагал. Влезет на спину им, копошится в шерсти, ищет в травке, в земле. Что же ищет он там? Говорят, что скворец ест улиток, червей, ест стрекоз и жучков, ест кузнечиков, мух; ест все то, что точит у крестьянина хлеб.

Если б счесть мужику, что зерна-то ему скворец сохранит, так палаты б построил ему.



ОРЛИНАЯ ДУМА.

(Легенда).

Если вы бывали в Зоологическом саду, то я знаю, что привлекло ваше внимание,— могучий лев, зверям всем царь, свирепый тигр, слоны, обезьяны, красивые фазаны и так далее, словом, все те, кто славится силой, ростом, нарядом или веселой суетливостью. В то же время я уверен, вы почти не взглянули на те молчаливые фигуры, которые по целым дням неподвижно сидят в своих узких клетках. Вы подошли к одной из этих тюрем — «А! тут орлы» — и пошли дальше. Напрасно; вернитесь к орлу; всмотритесь пристальнее в эту гордую фигуру. Неподвижно, как статуя, сидит царственная птица, голова склонилась на сторону, зоркий глаз упорно ищет чего-то в небесной синеве. И так по целым часам, изо дня в день. Сколько «дум» пролетит в голове этого невольного «мечтателя».

Однако интересно узнать, что высматривает орел в вышине, о чем он «думает» по целым дням? Смотрите,— в его глазах сверкнула молния, хриплый крик вырвался из груди, размахнулись могучие крылья, еще секунда — и орел бросился с своего сучка; но крыло ударилось о железную решетку; бедная птица, как бы

очнувшись, тихо подобрала крылья и снова уселась неподвижно, погрузясь в свои глубокие думы. Если бы вы следили за орлиным взглядом, вы узнали бы причину волнения орла: то высоко в небе пронеслась стая уток. Закипело орлиное сердце, взвился бы он в вышину... но крепка решетка железная. Нахохлился несчастный и задумался...

Быть может, вспомнилась ему широкая Волга-река. На крутом берегу, на горе, стоит дуб-великан, а в кудрявой вершине — орлицы гнездо. Там сидят они с братом и смотрят кругом. Дивен кажется мир. Вон, за Волгой, вдали, зеленеют луга; озерки и старицы их зелень пестрят. Там орел и орлица кружат высоко над лугами, а орлята за ними все время следят. Уже жар настает, а орлы все кружат. Пастухи подогнали стада к водопою. Чу! — орел закричал и стрелой, сложив крылья, на низ упадает. У земли уже он, за кустом не видать, вот поднялся,— в когтях забелелось. Ближе, ближе, о радость! будет пир: он ягненка тащит, и орлята тут крикнули разом.

Так веселые дни шли один за другим. Мать с отцом своих птенчиков малых баловали то гусем, то драхвой, то ягненком, то зайцем, то уткой. И не знали они, какой голод на свете живет.

Но стряслася беда: в один день подошел к тому дубу крестьянин. «А, разбойничье племя, так вот где ваш стан! Погодите ж!» — и к дубу; влез к гнезду и орлят с высоты вышвырнул. С дуба слез и домой орлят поволок. Увидела орлица беду, налетела с размаху на вора, когти в тело пустила; но отнять ей детей не при-

шлось, только шапку в когтях утащила. Догадался мужик еще раньше того и дубинкой на случай запасся. Как орлица к нему — он дубинкой махнет, ничего не поделает птица. Проводила она мужика до села и там, клушку схватив, улетела.

Вспоминает орел, как потом он к людям попал в обучение; как на палке носили его по зарям, не кормили и спать не давали; как надели на лапы ремни, а глаза колпачком завязали. И носили его до тех пор, пока дичиться совсем перестал и по зову к руке за куском прилетал. А потом тот хозяин повез его в степь и там продал киргизу Исету.

У Исета совсем жизнь иная пошла. Тот кормил его вдоволь; холил, гладил, по степи носил, и возился он с ним словно нянька. В этой жизни орел возмужал; глянцем перья покрылись и глаз заиграл. Только робок он был, как ребенок: от Исета — ни шагу. Заседлает каурку Исет, а орел — тут как тут, на луке, и катаются по степи оба. Только раз, уже осень была, рано утром Исет едет степью с орлом, а вдали, за барханом, лисица мелькнула. Мигом сдернул колпак он с орла, снял с луки, приподнял, показал ему зверя. Еще миг — и орел на свободе совсем очутился, а Исет далеко за лисицей умчался. Тут вскипело орлиное сердце. Поднялся с земли и пошел на кругах выше-выше. И широко под ним все степное раздолье открылось. Вон Исет на кауром лисицу гоняет. Как увидел орел, сложив крылья, стрелой он на низ полетел. Не успела лиса заприметить орла, как в когтях у него очутилась. Тут Исет подскакал: холит, гладит орла, на седло усадил, лисьей печени дал. И приятна орлу эта ласка была, как отца ведь любил он Исета.

Много лет прожил он у него. Много лис и волков, корсаков, сайгаков он доставил Исету. И из бедного тот стал богат, завелись табуны лошадей и отары овец. Об орле же удалом по всей степи молва пробежала. Приезжали к Исету киргизы не раз верст за двести и больше, чтоб орла посмотреть, его удаль узнать: и дивил орел их, как волков матерых, словно зайцев, хватал и в когтях задушал.

Но случилась беда, как к Исету султан Баймурза сам приехал; и пристал же к нему, чтоб орла он продал,— давал лошадь любую из своих табунов, двух верблюдов и стадо баранов. «Не богат я, султан,— говорит ему бедный Исетка,— если надо тебе, ты возьми у меня табунок лошадей и отару овец; ты возьми у меня и кибитку мою, а орла моего пока жив не отдам. Он дороже всего мне на свете».

Рассердился султан. «Если так, будешь помнить, собака, как султану ты смел отказать»,— и уехал со свитою вдаль; только пыль по степи закружилась. «Ну, беду пронесло»,— думал батырь

Исет и отправился в степь на охоту. Не успел сайгака второчить, как султан налетел из барханов. Он ударил Исета чеканом в лицо; повалился несчастный со стоном. Он к орлу. «Ага, мой, наконец!» — за путы схватил. Тут очнулся орел, видит: мертвый Исет облит кровью лежит. С страшной яростью птица рванулась и впустила все когти султану в лицо. Как ни бился султан, а отбиться не мог и в когтях у орла задохнулся.

Но орлиная месть еще дальше пошла. Острым клювом своим он вспорол ему грудь, вынул сердце султана и съел. Посмотрел он кругом, опостылела степь без Исета. Покружил-покружил он над трупом его, взвился в облака, чтобы горе размыкать.

Чуден мир показался ему с высоты; в первый раз он взлетел так высоко. Под ним молчалива, сера и угрюма пустыня, с ней он свыкся давно; но вдали край виднелся иной; там холмы и леса, села, пашни пестрели, равнины; меж холмов по долинам вились речки, ручьи, ручейки; в котловинах озера, болота; над ними пестрым роем, как пчелы, птицы с криком сновали. Приковала картина орла новизной, и туда он полет свой направил. Ближе, ближе,— вот Волга вдали; не узнал он сначала родную. Подлетел к Жигулям и присел отдохнуть на утесе.

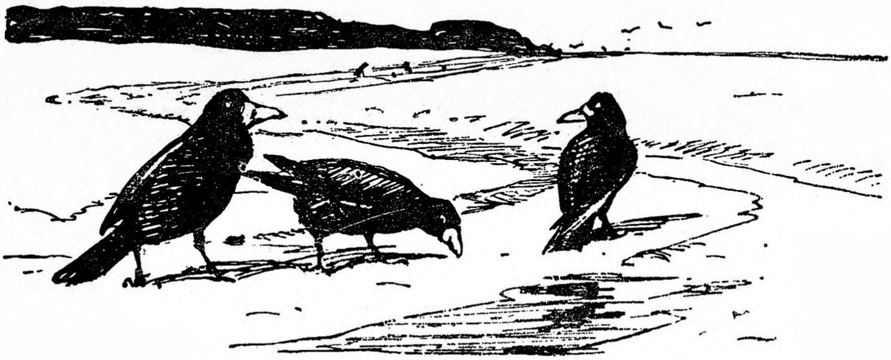
Широко разлилася кормилица русской земли, далеко затопила луга и леса, и несет она Каспию старому дань — все продукты земли. Вот плывет дуб могучий; вырос он слишком к берегу близко. Посмеяться хотел над волной и смеялся без мала лет двести. Но осилили волны и вырвали дуб, и несут его в Каспий далекий. А на дубе плывет пассажир — серый заяц прижался меж сучьев.

Не сочтешь всех даров, что весной в Каспий Волга несет — трупы, хворост, ладьи, — словом, все, что захватит волна. А навстречу вереницею с юга птицы летят.

И припомнил орел, что и сам он на Волге рожден. Точно, вон и скала — Молодецкий курган, а на ней старый дуб, где гнездо было их. Вскрикнул радостно он, вскрикнул так, что кругом во всех клетках замолкли и птицы и звери.

Тут очнулся от думы орел; перед ним нет ни Волги-реки, ни скалы, только клетки все, клетки и клетки; а меж клетками сотни зевак...

Тут и мы меж зевак замешалися с вами. Всех смутил крик орла, а кто понял его? Разгадал ли из вас кто орлиную думу?



ГЛУХАРЬ.

Перед вами на рисунке одна из живых картинок весны. Картинка редкая, которая не всякому доступна. Чтоб увидать ее, нужно подняться задолго до рассвета; одеться так, чтобы было и легко и тепло. Нужно забраться в глушь старого леса, подвязать к ногам лыжи и отправиться в чащу. Затем слушайте внимательно.

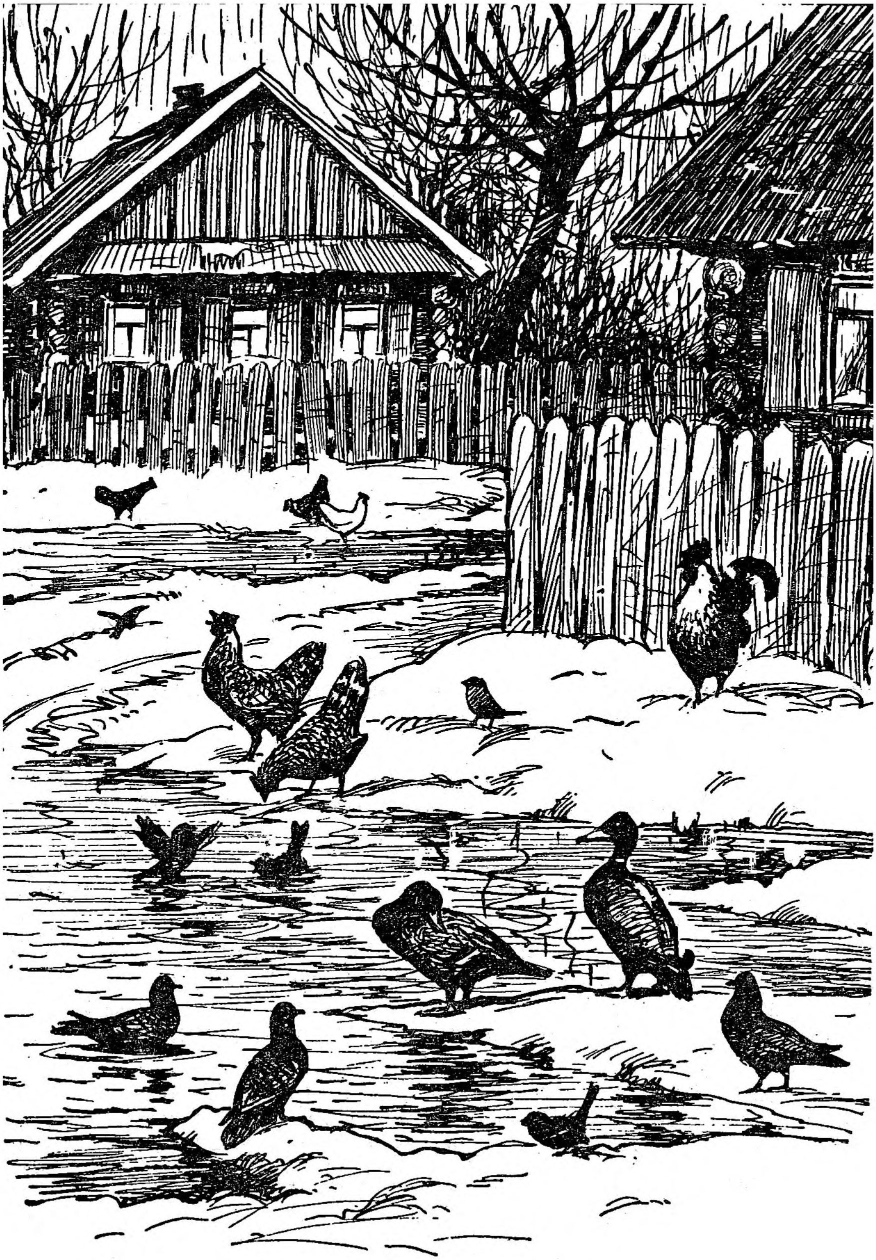
Чуть забрезжится зорька и начнут пробуждаться лесные жители, где-нибудь справа, слева, спереди — все равно — вдруг послышится глухой шум, как будто взлетела тяжелая, большая птица. На несколько минут снова воцарилась в лесу тишина. Но — чу! — раздается какой-то глухой звук. Стойте смирно. С минуты на минуту звук начинает повторяться чаще и чаще. Отрывочные звуки начинают сливаться в какое-то глухое бормотание. Время от времени бормотание прекращается, сменяясь тишиной, затем раздается с новой силой. Это первая песенка весны. А певец ее, глухарь, представлен вам на рисунке. Если вы неопытны, неосторожны — не надейтесь на его глухоту и не пытайтесь лучше увидеть его. Послушаем и поедем домой.

Теперь, когда вы смотрите на эту картинку, приходит конец зиме, конец суровой мачехи всего живого. Солнечный луч с каждым часом ускоряет ее гибель. От теплоты этого луча снег в полях и лесах начинает таять и превращаться в воду. Вода растаявших верхних снежинок просачивается вниз все дальше и глубже, до самой земли. Наступит ночь, скроет солнечный луч, мороз скует растаявший снег, и образуется сверху ледяная корочка, которую называют «настом». На утро, как только взойдет солнышко, лучи его быстро растопят эту ледяную кору, и пойдет опять то же превращение снега в воду. Кое-где, наконец, оголяется земля и появляются первые проталинки. Однако надо заметить, что таяние снега в одной и той же местности идет далеко не равномерно. Прежде всего первые признаки весны можно заметить в деревнях и городах: начинает капать с крыш, обнажаются навозные кучи, темнеет и рыхлеет снег по дорогам. В средней России это время совпадает с началом марта. Народ свои наблюдения над разными явлениями природы, повторяющимися из года в год, любит выражать в присловках, в поговорках. На юге уж, глядишь, весна в полном разгаре, зеленеют травы, там и сям появляются ранние цветы, сеют и пашут, а где-нибудь в Олонецкой [1], в Вологодской губерниях стоит суровая зима, без малейших признаков весны. В одной и той же местности весна наступает неодновременно и идет неровно. Но каков бы ни был ход весны, признак ее и порядок явлений неизменны. Песни оседлых птичек становятся громче; перышки их с каждым днем блестящее, движения живее. Мало-помалу покидают они зимние приюты, переселяясь кто в ближайший лес, кто в кусты. Зимние стайки рассыпаются, и исподволь образуются парочки, у которых явилась какая-то новая забота. Вон, полюбуйтесь на крышу, все галки разместились парочками и что-то переговариваются друг с другом. Роясь в навозе или на дороге, они ищут, кроме пищи, еще чего-то, вовсе несъедобного: прутики, тряпки, шерсть, обрывки котомки — все это подбирается и сносится куда-нибудь под крышу, в застреху, как материал для будущего гнезда.

Зимние гости постепенно начинают исчезать. Первыми скрываются подорожники. Они не дождутся даже теплых дней. А куда торопятся, зачем летят? Тут ли им, на широких степях и полях, не прокормиться, когда явятся проталинки! Нет, стая за стаей стремятся они на далекую большеземельскую тундру. За подорожни-

---

[1] Бывшая территория Олонецкой губернии в основном совпадает с территорией Карельской АССР.



ками собираются в путь снегири и чечетки, в далекие леса севера. Да и мало ли еще — свиристели, щуры, клесты — все цыган-народ — тоже исчезли рано. За ними, пролетая с дальнего юга, летят несметные стада вьюрков — и все туда же, на дальний север. Солнышко греет сильнее с каждым днем, с каждым часом. Побурели дороги, проваливается в намокший снег нога лошади. Там и сям на улице появились лужи. Наступил купальный сезон для воробьев и голубей. Полощутся они в лужах, рядом с домашними утками и гусями.

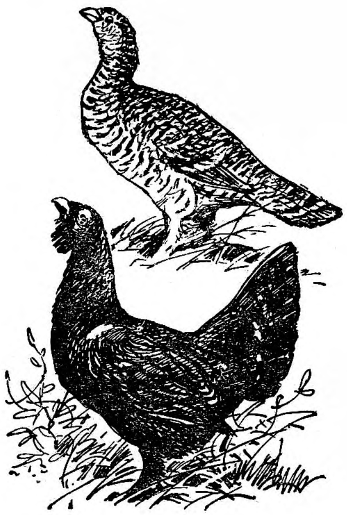
Ба! настоящий посол весны — грач, в новом блестящем мундире черного цвета, который так и отливается на солнце фиолетовым и зеленоватым оттенками. Лицо бело и чисто, осанка военная. Осмотрелся кругом, видит — все старые знакомцы, а за прудом, на высоких ветлах, чернеют гнезда его общины. Поискал в навозе, пошарил по дороге, отдохнул и исчез, куда и зачем — это мы в другой раз узнаем. Прошло еще несколько дней, побежали по земле ручейки или разрослись проталины, и вот взвился к небу с одной из них жаворонок; но до песни ему еще далеко. В половине марта дороги портятся совсем, грачей давно полна улица. Явились еще новые гости — веселые шуты-скворцы. Летят стаи жаворонков, овсянок. Покрикивают по опушкам уж зяблики, но крепится еще снег в лесу.

Трудно пробраться в чаще солнечному лучу до его поверхности. Однако и лес пробуждается. Раздаются звонкие трели синиц, курлыкают сойки, с азартом стучат по деревьям дятлы, взамен песни, которой природа обделила их.

Вот в это-то время в лесу начинается бормотанье глухаря. Он встречает им весну, токует, как говорят охотники. Оставим весну идти своим чередом и займемся этой птицей. Она интересна во многих отношениях. Во-первых, это дичь, уважаемая охотниками по трудности охоты на нее; во-вторых, глухарь, особенно молодой, зажаренный хорошим поваром, составляет вкусное блюдо; в-третьих, добыча глухаря для продажи его в большие города составляет часть дохода северного жителя и кормит многие сотни тысяч семейств; в-четвертых, самая жизнь глухаря и его двоюродного братца — тетерева-косача, представляет много интересного. Но прежде чем говорить о привычках и нравах птицы, надо познакомиться с нею самой.

Глухарь — одна из самых крупных птиц у нас. Ростом он с годовалого индюка, а весом 12—15 фунтов. Курочка-глухарка на одну треть меньше, но все же с добрую курицу и до 6—7 фунтов веса. По наружности они вовсе не похожи друг на друга. У самца голова

и шея темно-серого цвета, спина коричнево-серая и все перья на этих частях исчерчены тонкими черными черточками. Зоб одет черными перьями с ярким зеленым металлическим отливом. Хвост черный с белыми и серыми пятнами к корню. Под крыльями и бока туловища одеты перьями с серыми и белыми пятнами. Ноги до самых пальцев оперены коричневыми, похожими на стриженый пух, перьями. Но главная особенность глухаря — это красная морщинистая кожа, окружающая глаз. К весне верхний край этой кожи надувается от прилива крови и выдается кверху, словно бровь. В таком наряде мы видим глухаря на току. Впрочем, при линянии он не изменяет его, а только все цвета с каждым годом



становятся ярче. Зато подруга его одета в скромный наряд, на котором по рыжему фону рассеяны в известном порядке черные и белые пятнышки. Глухарь водится у нас во всех северных и средних губерниях и распространен по всей лесной полосе Сибири, до Енисея и Лены, где его сменяет другой вид — каменный глухарь.

Главное условие для жизни глухаря — это вообще старые хвойные леса с моховинами, болотинами, с светлыми полянками. Необходимо, чтобы эти полянки и моховины изобиловали ягодами, такими, например, как брусника, черника, куманика, земляника, клубника, которые составляют летом главную пищу глухаря. Глухарь, впрочем, водится не в исключительно чистых борах, он даже предпочитает, особенно в летнее время, смешанные леса, т. е. такие, где сосны, ели и пихты растут вперемежку с березами, осинами, липами, дубами и пр. И все-таки предел хвойного леса есть настоящий предел этой птицы, потому что зимой главную пищу глухаря составляют мягкие, смолистые концы хвойных веток с зачатками будущих побегов.

Но вернемся к токующему глухарю. Начинают токовать раньше всего самые старые, сильные глухари. Им принадлежит и право выбора токовища, потому что токование идет не зря, где попало, а в известных местах леса. Обыкновенно токовищем бывает какая-нибудь полянка или гарь, на возвышенном месте, среди густого

леса. Облюбовав такое местечко, старый токовик начинает вылетать по зорям, и, поместившись на какой-нибудь развесистой сосне, он принимается за свою бормотню. Сначала бормочет вяло, изредка; высматривает и выслушивает, что делается кругом. Но с каждым днем токовик все больше и больше входит в свою роль, бормотанье становится громче, продолжительнее, антракты короче. Далеко кругом разносятся эти звуки, и вот постепенно появляются другие глухари на токовище, рассаживаются по соснам и начинают токовать все разом. Глухари токуют с таким азартом, что не слышат приближающейся опасности, а она тут как тут. Ловкий, опытный охотник давно уже крадется по насту. Когда они токуют, он смело бежит вперед и останавливается в ту же минуту, как глухари замолчат.

Таким образом он подкрадывается на самое близкое расстояние. Теперь его дело — стрелять на выбор; но он медлит, медлит потому, что надо узнать, который токовик. Если убить токовика, то охота испорчена. Остальные глухари разлетятся и уже более не вернутся на это токовище. Поэтому стреляют тех, которые явились на состязание. Их можно перебить всех, а токовик останется верным своему токовищу.

Глухариные тока продолжаются весь апрель, до первой половины мая. Много глухариных голов ляжет за это время под выстрелами охотников, немало пойдет на обед кумушкам-лисицам, но от этого глухариное население не погибнет.

Как только растает совсем снег в лесу, появится зеленая травка, глухарка шнырит по знакомым местам, тщательно осматривает их. Ей нужно, во-первых, найти укромное местечко, какую-нибудь ямку в густой траве; нужно, чтобы эта трава скрывала ее в ямке от врагов, которых у нее очень много. Она натаскает в яму сухих травинок и одно за другим снесет туда 5—12 яиц. Кроме безопасности, глухарка старается устроить гнездо в таком месте, где много ягодников, без которых ей не вырастить своих цыпляток.

Наконец гнездо полно яиц, и глухарка садится высиживать их, как наша курица. Только в теплый полдень сходит она с гнезда, чтобы наскоро поесть травки и вообще, что попадется на глаза, затем снова садится на яйца, а в холодные, дождливые дни бедняга не сходит с гнезда дня по два, томится голодом, ради того, чтобы не погибли в яйцах зародыши ее деток.

Три недели продолжается высиживание; наконец счастливая мать слышит первые стуки цыплят, старающихся пробить скорлупу. Один за другим выходят они из яичек, мокрые, слабые, как цыплята нашей курицы. Глухарка прижимается еще плотнее к земле, чтобы обсушить своих деток. Еще день, и она поднимается на ноги, шатаясь от слабости. Теперь у нее новая забота. Ей нужно в первые дни ловить насекомых, доставать муравьиные яйца и учить глухаряток, как надо есть. В тот же день она выводит глухарят из гнезда в другое укромное местечко, которое заприметила раньше, из опасения врагов.

С этого момента начинается для глухарки жизнь, полная труда и самопожертвования. Ягоды еще не поспели, да и цыплятки малы, поэтому она водит их по лесу, разыскивая, где больше насекомых, личинок и муравейников. Разбросав ногами верхний слой муравейника, она обнажает те галереи, где находятся муравьиные яйца или, правильнее, муравьиные куколки в их оболочках. Глухарята с жадностью набрасываются на них, наедаются вволю, тогда глухарка ведет свой сытый выводок в густую траву, и там счастливая семья располагается на отдых до вечера, когда снова пойдет на кормежку.

Глухарята растут чрезвычайно быстро. Через несколько дней после выхода из яйца у них вырастают уже крыловые перья, и они начинают перепархивать. Пройдет еще несколько дней, и они способны уже летать и садиться на деревья. Вскоре также они принимаются пощипывать травку, цветочные почки, а когда появятся ранние ягоды, тут уже выводкам полное раздолье. Правильно, два раза в день, на утренней и вечерней заре, матка выводит их то на тот, то на другой ягодник на кормежку. В это время ее клохтанье чрезвычайно характерно, и каждый звук имеет особое значение, что отлично понимают глухарята.

Чу, послышался в лесу топот шагов, глухарка вытянула свою шею кверху и слушает. Да, она не ошиблась: шаги приближаются. Глухарка кокнула тихонько — глухарят как не бывало. Они распластались тут же, на земле, и лежат, не шевелясь. Но опытная мать знает, что ей делать. Она быстро бежит навстречу выскочившей из чащи собаке и залегает ей на пути.

Красавец сеттер на полном скаку, шагов за сто, почуяв добычу, остановился, как вкопанный. Он окаменел в одно мгновение; это

не животное, а статуя. Только легкая дрожь пробегает по телу да глаза горят таким блеском, который ни с чем не сравнится.

Выходит охотник и посылает своего любимца вперед. Послушный пес идет тихо, крадучись, направя все свое внимание на одно местечко. Чем ближе подходит он к нему, тем более как-то оседает на ногах, припадает к земле, словно хочет уйти в нее, и вот, не доходя до заветного местечка, умный пес снова останавливается. Еще ярче горят его глаза, сильнее треплет его лихорадка. Наконец, послушный воле господина, он бросается вперед. Но — увы! — заветное место пусто; собака смутилась; однако не надолго. Дивное чутье раскрыло ей проделку глухарки. Самоотверженная мать вступила с врагом в опасную для себя игру. Пользуясь стойкой собаки, она вскочила и быстро побежала в сторону, противоположную от своего выводка, напутала свои следы, чтобы сбить с толку собаку.

Последняя, напав на след, быстро помчалась по ним, выследила беглянку и встала так близко, что уже той повторить свою проделку не было возможности. Тут идет последняя ставка. Глухарка с шумом взлетает кверху. Горячий, глупый охотник второпях выпускает два выстрела без всякого толку. Глухарка тем не менее прикидывается раненой, летит, ковыляя, над самой землей, по временам даже падает. Разгоряченная собака бежит, чтобы схватить раненую птицу, но та снова поднимается чуть не из-под самого носа собаки, летит дальше, ковыляя; обманутый пес за ней. Дальше да дальше. Ни крики, ни свистки не в состоянии вернуть разгоряченного сеттера. За версту, за две уведет его умная птица, собьет с толку, а сама затем окольными путями облетит кругом, посмотрит, где охотник, и тихо, с торжеством победы, порхнет к своим детям. Тотчас же весь выводок поднимается на ноги, без шума, без крика, что есть мочи бежит за своей матерью.

Добравшись до чащи, запутав следы, глухарка перепорхнет несколько десятков сажен, а за нею то же сделают и глухарята и залягут все в такой трущобе, где их и не добудешь. Победа на этот раз на ее стороне. Раздосадованный охотник выместит свою неудачу на оплошавшем псе и уйдет домой.

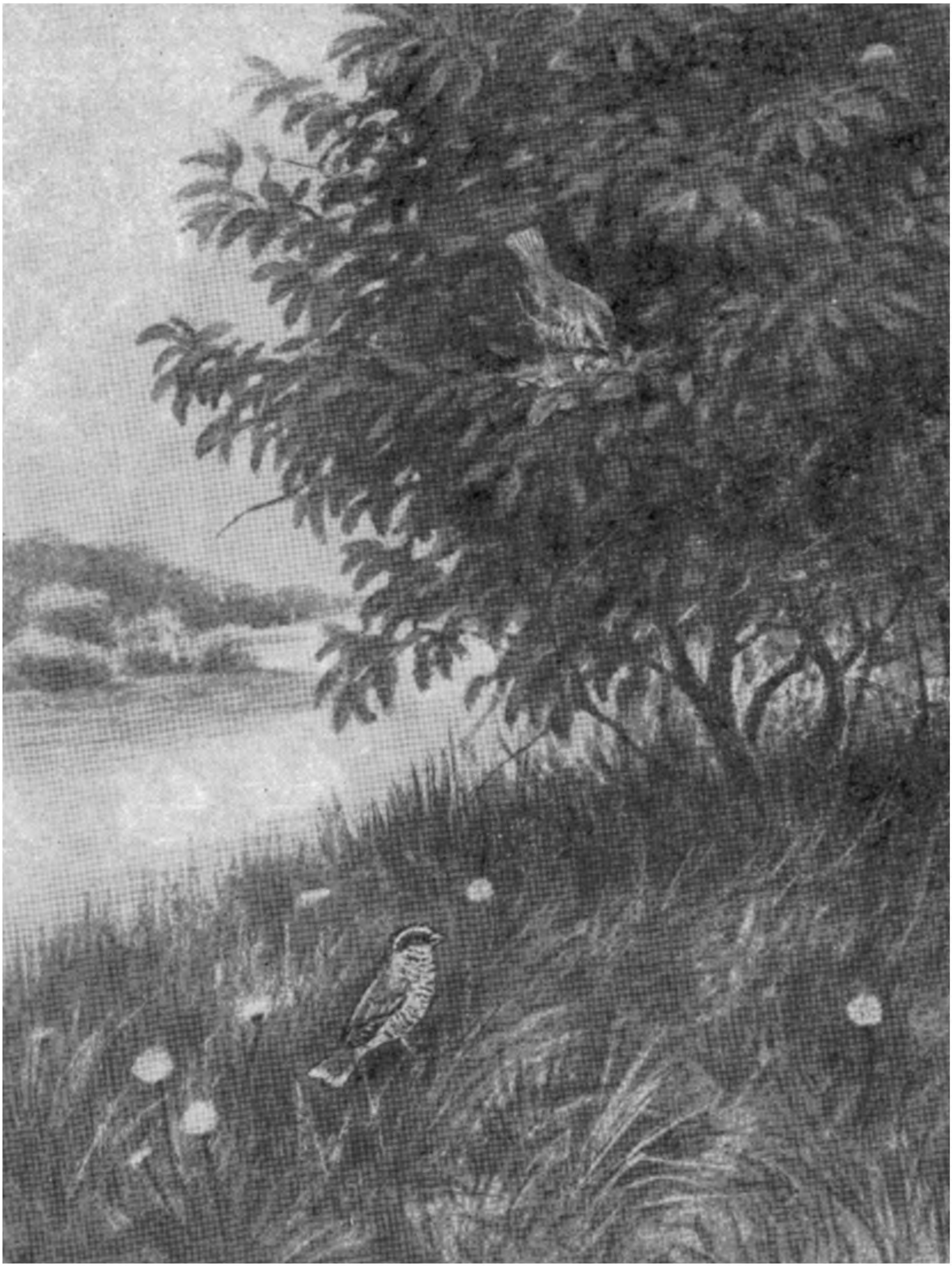
Не всегда удается отделаться глухарке так счастливо. Хороший охотник ее не тронет, а отзовет собаку, пойдет в противоположную сторону и переберет одного за другим глупых глухарят.

Кроме человека, много найдется в лесу охотников попробовать глухариного мясца. Но лето подходит к осени, глухарята растут и добыть их становится труднее.

Что же делал за это время старый болтун глухарь? Неужели он не позаботится никогда о своей семье? Да, видно, так. Конч-

лось токованье, забрался он в самую чащу леса, роется в муравьиных кучах, отъедается молодыми побегами, ягодами и начинает линять. Он линяет, т. е. меняет перья, копается в гнилушках деревьев, в песке, стараясь освободиться от старых перьев, взамен которых растут новые. Осенью он не прочь познакомиться со своим семейством и полетать некоторое время, сбившись в большие стаи, с другими глухарями и глухарками в ближайшие поля, где еще остался несвезенным овес или ометы гречневой соломы, а не то и на озимях, чтобы попировать на счет человека.

Зимой редко живет он в стаях, больше в одиночку. Грызет почки деревьев, молодые побеги сосен и ели да поджидает весны, чтобы снова встретить ее своими громкими песнями.



«ПО ГНЕЗДА, ПО ЯЙЦА!»

Весна оживает; тихо, исподволь, незаметно идет на смену ей румяное лето.

Природа полна жизни и звуков; но зелень не бьет в глаза, звуки не поражают слуха,— все это стало делом привычным, обыкновенным.

В половине мая добрый птицелов прячет свои лучки и ловушки. Ловля кончена. Ловить птиц в это время безрассудно, потому что всякая пойманная птаха дня через два умрет в неволе. Не правда ли, ведь это странно? Пойманные неделю назад птички живы, здоровы, веселы, поют, а пойманные сейчас — и дня не выживают.

Эту загадку разгадать немудрено; стоит только посмотреть, что делается кругом.

По берегам реки, в мураве лугов, в густой чаще деревьев идет суетливая деятельность. Присмотритесь к птицам; каждая из них с утра до вечера суетится, летает, скачет по земле, гоняется за чем-то, чего-то ищет на песке, среди травы, а затем вдруг куда-то

порхнет и исчезнет. Но вот она опять чего-то ищет, найдет — и опять исчезнет.

Если мы последим за нею, то секрет этих поисков понять нетрудно. В развилках сучьев дерева или на земле мы отыщем гнездышко, а в нем — несколько голых, слепых птенчиков. При всяком шуме слепцы эти открывают желтые рты и пищат.

Спрячьтесь за куст или дерево и сидите смирно.

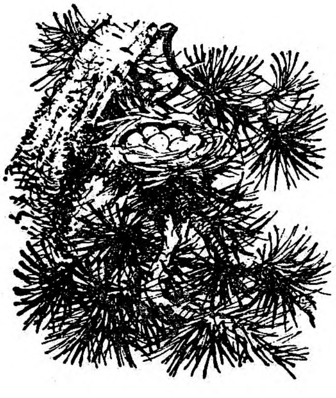
Пройдет минута-другая, к гнезду порхнет птичка, сунет в желтый рот птенчика червячка и снова исчезнет в зеленой листве.

Вот и разгадка той суетливой деятельности птиц, которая бросается в глаза в исходе весны. Понятно ли теперь, отчего умирает в неволе птичка, пойманная в эту пору? У нее есть дом, есть детки, которых она горячо любит; тоска по ним убивает беднягу. Хорошо, весело ловить птиц ранней весной с прилета; увлекает эта ловля и старого и малого; в ней нет ничего предосудительного; доказательство налицо: птички бодры, здоровы и весело распевают в клетках.

Но какое же удовольствие ловить их на верную смерть, да еще в то время, когда у них дети?

Вместо ловли займемся теперь другим делом; оно может быть и хорошо и дурно, смотря по тому, как его проведешь; но, во всяком случае, оно увлекательно не менее ловли птиц. Это особого рода охота, для которой не надо ни снастей, ни ловушки, ни оружия и которая существует везде, где есть ребятишки, а где только их нет?

* * *



Но ведь вы звали нас по «гнезда, по яйца?» Да, звал и зову, только, конечно, не на убийство, не на напрасную смерть наших общих друзей. Пойдемте на охоту.

Видите, как боятся нас все птички, словно каких-нибудь чудовищ. Но отчего же они нас боятся? Ведь мы им не сделали никакого зла?

А бесцельное истребление гнезд и яиц — разве это не зло? Разве этого недостаточно, чтобы птичка видела в человеке врага? Вот почему пойманные птички бьются в клетках и только с большим трудом, после долгой не-

воли, кое-как привыкают к хозяину. Но дикая птичка никогда почти не будет так доверчива, как домашние птицы. Кто виноват в этом: человек или птица? Я вам докажу, что человек. Если бы люди испокон века не разоряли птичьих гнезд, дикие птицы не боялись бы их.

Когда мореплаватели открывали неизвестные дотоле необитаемые острова, они находили там множество птиц и удивлялись, что эти птицы нисколько не боялись их и подпускали так близко к себе, что их можно было бить палками. Они не боялись потому, что не видели в человеке врага. Но это доверие скоро проходило, когда грубые матросы начали избивать их тысячами так же бесцельно, как мальчики истребляют яйца для яичницы. И теперь на этих островах птицы уже боятся человека, как и везде.

«По гнезда, по яйца!» Идем на охоту. Всмотритесь пристальнее, хорошенько в развилки ветвей. Видите ли вы там кучку лишаев? Это гнездо зяблика.

Сколько труда употребила птичка, чтобы из сухих травинок и из волос свить себе это гнездышко! Стенки его снаружи искусно убраны лишаями, теми самыми, которые растут на коре дерева. Она убрала ими свое гнездышко не для франтовства, а для того, чтобы скрыть его от глаз врагов. В нем лежат четыре хорошеньких сероватых яичка, с красноватыми крапинками. Зяблица только что вернулась и хочет сесть на них, чтобы согреть их своим тельцем, а зяблик сидит на ветке и распевает. Оставим их пока и пойдем дальше.

Вот и другая находка. Видите ли еще гнездышко в густой чаще ветвей?

Что за прелесть это гнездышко! Оно также убрано снаружи, но уже иначе: листочками и лишаями с того дерева, на котором свито. Пять голубоватых яичек, с мелкими бурыми пятнышками, лежат на дне его; на краю, взъерошив перышки, сердито покрикивая, сидит прехорошенькая птичка, а налево, в чаще, видна рожица дятла. На него-то и сердится этот щегленок, самая красивая из всех наших певчих птиц. Не пугайте его, пойдем дальше.

Вот мы забрели на светлую полянку, окаймленную развесистыми дубами, липами,

березками, кленами и ясенями. Как здесь весело! По зеленой лужайке скачут дрозды, расхаживают скворцы; около кустиков танцуют в воздухе мухоловки, перелетают с ветки на ветку веселые певуньи-синички. Самые разнообразные песни птиц раздаются со всех сторон.

Эге! Да это настоящий птичий городок. Вот бы куда забраться разбойникам мальчишкам. Тут в редком кусте нет гнездышка; на ветвях дубов целая колония гнезд дроздов, искусно свитых из травинок и оштукатуренных изнутри коровьим навозом. В дуплах старых лип, осин и вязов устроили свои гнезда скворцы, вертиголовки, дятлы, синицы; в кустах — гнезда пеночек и мухоловок. А вон, в развилке двух ветвей березы, словно шарик, оклеенный клочками бумаги. Что это такое?

Я уверен, что вы двадцать раз пройдете мимо этой кучки и не заметите ее. Это гнездо иволги, убранное снаружи кусочками бересты (березовой коры); в нем лежат беленькие яички, с редкими бурыми точками.

Да нет, нельзя и перечислить всего, что мы нашли бы в лесу, в лугах, в полях, на реке, вокруг дома. Вы устали бы читать описания всех этих красивых, разнообразных гнездышек, куда кладутся пестренькие яички. Эта-то именно пестрота, это разнообразие и привлекают истребителей гнезд — плохих детей. Будь все яйца и гнезда схожи между собой, никто бы и не подумал составлять коллекций.

Стало быть, скажете вы, птички убирают гнезда во вред себе. Нет. полюбопытствуйте узнать жизнь каждой птички, узнать, кто ее враги, и тогда вы увидите, что они украшают свои гнезда затем, чтобы скрыть их от глаз врагов, и украшают именно с тех сторон, откуда ждут нападений.

Итак, не успели мы выйти на охоту, как тотчас же увлеклись ею. Более двухсот видов певчих птиц да столько же видов других, не певчих, вьют гнезда на свой лад. Какое обширное поле для наблюдений! Тут мы встретим и вражду и дружбу, и взаимную помощь, и самый нахальный грабеж. Чтобы познакомиться с жизнью этого мира, надо много времени, но зато сколько пользы и удовольствия получится от такого знакомства. Однако мы пошли на охоту, отыскали гнезда и ничего не взяли. Спрашивается: зачем же мы ходили? А вот зачем. Мы пришли, когда уже вывелись птенцы и вылетели из гнездышка, теперь мы имеет право гнездо прикарманить, потому что оно уже никому не нужно. Будущей весной птичка совьет новое. Таким образом мы можем набрать целую коллекцию гнезд, ничуть не обижая птичек. И этого мало; возьмем из этих

гнезд птенчиков к себе домой, выкормим, воспитаем, обучим их, и за это нас никто не осудит.

Но надо делать все умеючи. Неумелый ловец вытащит птенчика из гнезда, станет кормить его чем попало, глядь — тот и ножки протянул. Нужно непременно знать, чем кормить птичку и как кормить ее, а для этого следует побродить по полям и лесам и понаблюдать за птицами, когда у них есть птенчики. Внимательно следя за ними, мы убедимся, что все они, и насекомоядные и зерноядные, в это время, т. е. в мае, июне и июле, заняты отыскиванием насекомых и их личинок, которыми сами питаются и кормят своих детей. Мы знаем потом, что птенчики зерноядных птиц, когда они еще очень малы, питаются гусеницами, личинками и взрослыми насекомыми, а зернышек не едят никаких, пока совсем не вырастут.

Но согласитесь, что при всем усердии мы с вами не в состоянии наловить столько мушек и отыскать столько гусениц, чтобы досыта накормить хотя одну птичку. Как же быть? Значит, нам нечего и браться за это дело? Нисколько. Мы с вами вдвоем накормим не одну птичку, а целую стаю их. Берите мешок, только новый, крепкий, без малейшей дырочки, захватите решето и бечевку, а потом лопату и четыре дощечки. Идем в лес. Между деревьями муравьиная куча. Я осторожно сгребаю ее с боков, а вы откройте мешок и держите его наготове. Посреди кучи устроены галереи и залы, в которых разложены муравьиные яйца. Я зачерпываю лопатой часть этих галерей с яйцами, черпаю в другой, в третий раз. Успевайте только отряхиваться, не то вас заедят муравьи. Я черпаю кучу до самого дна. Завязывайте скорее мешок, тащите его дальше от кучи, стряхните хорошенько снаружи. Теперь надо расчистить точок до самой земли и обложить его досками плашмя. Вытряхнем все, что было в мешке, на середину точка, а сами отойдем в сторону. Спустя полчаса или час в высыпанной куче не окажется ни одного яичка. Куда же они девались? Дайте решето, которое мы захватили с собой, и поднимите доску. Все яйца здесь. Сгребите их скорее и кладите в решето. Муравьев не бойтесь. Покусают вас немножко — не важность. Под другой доской, под третьей, под четвертой — везде яйца. Сгребайте их в решето, скорей-скорей! Не беда, что они с землей; встряхнем раза два решето, земля просеется, все муравьи попадают. Теперь побежим скорей домой. Вот мы и с кормом. Какую бы птичку из гнезда ни взяли, мы выкормим ее муравьиными яичками не хуже родной матери. Но у вас в запасе есть и дома корм на подспорье. Это свежая булочка белого хлеба. Помочите маленький кусочек булки в молоке и тотчас же начните кормить птенчиков, а остатки бросьте другим птицам или кому

хотите, потому что корм этот быстро закисает, птички же от кислого корма умрут. Итак, муравьиные яйца и белый хлеб со свежим, не кислым, молоком — вот лучшая пища для наших воспитанников.

Однако уход за ними ужасно хлопотлив. Нужно вставать рано, беспрестанно кормить их, иначе они умрут с голоду, потому что разом не могут съесть много. Наконец, надо знать, когда взять птичек из гнезда. Если взять их рано, когда они еще очень малы и слепы, то выкормить будет трудно, а взять поздно, когда они уже оперились и готовы вылететь, опять-таки нехорошо: они не сделаются совсем ручными и постоянно будут робки. Самое лучшее — брать птичку тогда, когда она начнет одеваться перышками и на голове у нее еще есть пух. Такой птенчик не боится человека и скоро привыкает принимать пищу из рук. Поместите птенца в какой-нибудь ящик или клеточку, положив туда предварительно войлочек или ваты вместо гнезда, поставьте птичку в укромный уголок, где бы ее не пугали, а главное — куда не могли бы пробраться кошки. Подходя к птенчику и поднося ему корм, разговаривайте с ним, о чем вам вздумается, только не громко и без порывистых движений руками. Давая корм, роняйте часть его на дно ящика: птичка скоро поймет, в чем дело, и через несколько дней сама начнет клевать.

Как только она примется за корм, радуйтесь: теперь можно будет несколько раз в день ставить ей пищу на блюдечке. Затем посадите вашего воспитанника в настоящую клетку. Немного погодя, когда он начнет порхать и летать, дрессируйте его, как хотите, ведь он вас любит, как родную мать. Поманите к себе и он вспорхнет к вам на руку, будет летать за вами повсюду, садиться на вашу голову, плечи; в толпе других людей он безошибочно отличит вас и с доверием отнесется только к вам одним. Идите с ним на балкон, в сад, на двор — он не улетит, а если и улетит, то непременно вернется. Тут вас невольно поразит разница между дикой и прирученной птицей.

Такие выкормыши имеют особую цену для любителя птиц. Они здоровее и долговечнее; их привязанность к человеку высказы-

вается во всем. Недалеко ходить за примером. У меня есть дрозд-рябинник, которого я выкормил прошлым летом; когда я вхожу в птичник, он летит ко мне, садится на ближайший предмет, глядит мне в глаза, машет от удовольствия крылышками и распевает песню. Недавно я уезжал недели на две, а когда вернулся, дрозд обрадовался мне не меньше моих мальчиков и целые дни следит все за мною; сяду пить чай — он тут как тут, щиплет булку, пьет чай из блюдечка; лягу на диван — дроздик садится мне на грудь, и, пока я сплю, не слетит хотя бы целую ночь. А между тем я не особенно занимался им.

Видите ли, как просто и легко сойтись с птицами; как нетрудно побороть их недоверчивость; как мало нужно денежных затрат и хлопот, чтобы окружить себя друзьями искренними, веселыми, невзыскательными.

Я много вырастил таких крылатых друзей и близко познакомился с характером различных видов птиц. Поделюсь с вами тем, что дал мне опыт. Одних птиц воспитывать легко, других — труднее. Особенно трудно выращивать мелких, тонкоклювых птичек, питающихся насекомыми. Оно еще ничего, пока есть свежие муравьиные яйца, но зимой прокормить таких птичек ужасно трудно. Зерноядные птицы, напротив, легко выносят неволю, легко воспитываются; легче же всего воспитывать тех, которые на воле питаются разнообразным кормом и называются всеядными. Чем умнее птица, тем она менее пуглива, тем она скорее привыкает и привязывается к хозяину. Поэтому я рекомендую вам попробовать на первый раз воспитать: скворца, различных дроздов, галку, щегла, реполова, овсянку, зяблика. Это будет прекрасная коллекция.

Галка — самая глупенькая из этих птиц; но она замечательна своей привязанностью. Воспитав галочку, вы смело можете выпустить ее на свободу, потому что лишь только вы выйдете из дома, она сейчас же явится по первому вашему зову и будет летать за вами, куда бы вы ни пошли. Скворца можно выучить произносить слова и петь любую песню. У дроздов хороши и свои песни. Особенно хорошо поют черный дрозд и певчий; но и их можно также выучить разным песням. Зяблики, щеглята, реполовы, овсянки — это уже всеми признанные певцы. Хвалить их нечего.

Таким образом, вместо пугливых, диких птичек вы можете населить ваш дом ручными птицами, которые будут любить вас, как дети отца, их не следует держать в неволе,

Зяблик

Щегол

Овсянка

Реполов (коноплянка)

Дрозд

в тесных клетках, с ними вы можете свободно гулять по саду. Берегите их только от кошек да от злых людей.

Если у вас есть садик, а в доме лишняя комнатка, то при любви и терпении вы можете развести в вашем садике множество птичек. Вырастив их и приучив к себе, весной дайте им свободу. Многие из них совьют свои гнездышки тут же, в саду, и выведут деток. Тогда вы возьмите гнездо с птенчиками и перенесите в свой птичник. Ваши ручные птички смело станут летать туда, в свое старое жилище, и выкормят деток, а эти детки будут еще ручнее, еще привязаннее к вам, чем их отцы и матери.

ВОЙНА СОРОК С ЛИСИЦАМИ.

(Сказка-быль.)

Это было давно-давно. Мелкий ненастный дождик шел уже третий день. Намокли зеленые листочки деревьев, намокли и травинки и их вершинки с цветочками повисли вниз. Намокла кора деревьев. Промокла земля. Все было мокро. И зверькам, и птичкам, и бабочкам, и жукам — всем было нехорошо. Все они прятались куда попало, стараясь обсушить свои перышки, крылышки, пушистый мех. Все они хмурились: жутко им было, потому что дождик заставил их голодать. Жуки, бабочки, кузнечики не решались выбраться за пищей, боясь замочить свои крылышки, ножки. Голодали птички, потому что негде было достать бабочек и жучков.

Голодали все хищники, потому что не могли достать птичек, спрятавшихся от дождя в зеленой чаще. Голод и уныние были в лесу.

На скате горки, среди зеленого леса, издали виднелась желтая песчаная полянка. С соседнего дерева слетела красивая птица, встряхнулась и бойко зашагала по песку.

Вы знаете ее. Это сорока-белобока, это сорока-воровка. Это умница и красавица наших лесов. Умные, живые глазки сороки бойко

осматривали песок. Бедняга, она другой день не ела. Дождик не давал ей охотиться ни в поле, ни на реке, ни около деревни. И вот она прилетела попытать счастья на песке. Перевернула один камешек — нет ничего. Подошла к другому — хвать, под ним сидят три жучка. Цап-цап — заморила червячка.

— Что это ты, кумушка, кушаешь? — раздался сладкий-сладкий голосок.

Обернулась сорока и видит: из-за куста выглядывает мокрая мордочка лисы. Смотрит лисанька, облизывается, а зубки ее так и стучат.

— Здравствуй, кумушка,— отвечает сорока.— Ищу вот тут жучков на пропитание.

— Да разве они вкусны, сороченька?

— Вкусны — невкусны, лисанька, да голод не тетка; видишь, какая погода. И жучку рад будешь.

— Уж будто и можно есть жучков?

Сорока бойко запрыгала к соседнему камешку, заглянула под него и подняла.

— А вот попробуй, кума.

Лиса живехонько подбежала к ней. «Хроп-хроп» — и скушала всех жуков, которые были под камнем.

— А что,— говорит,— ничего; есть можно. Давай,— говорит,— сороченька, искать жучков.

И принялись две подруженьки ворочать все камешки, которые лежали на песке. Те, что полегче, сорока сама перевертывала, а те, что потяжелее, помогала перевертывать ей лиса. Так обошли они всю полянку. Обыскали все камешки, отряхнулись и уселись подружески.

— Ну, спасибо тебе, сороченька, выручила. Совсем я помирать собралась от голода. А знаешь ли что,— говорит потом хитрая кумушка,— давай вместе охотиться. У тебя есть крылышки и добрый глазок. Взлетишь ты на вершинку — и все тебе видно. А у меня зато есть чуткий носок да острый зубок. Только бы мне почуять запах зайчика или тетерочки: тихонько, ползком, подкрадусь к ним, цап зубами — и мои. Да только вот беда: у зайчиков ушки длинны. Крадешься-крадешься, чуть зашуршишь — он и услышит. Прыг-прыг — и нет его. Так вот мы и будем с тобой охотиться: ты летай по деревьям и посматривай: завидишь тетерочку, куропаточку, перепелочку или зайчика, присядь к ним и начни прикрикивать, да громче-громче, а я

тем временем подкрадусь, да и сцапаю, а потом и разделим пополам.

— Что же,— говорит сорока,— по рукам. Правду сказать, ты на земле мастерица, да и зубов у меня нет твоих.

— Тю-тю-тю! — раздалось на соседнем дереве.— Посмотрим, кто кого надует,— насмешливо закричал дрозд.— Обе хороши. Увидим, которая лучше.

На утро, чуть только разгорелась румяная зорька, новые друзья отправились на охоту. Перепархивает сорока с дерева на дерево, взглянет туда, сюда и порхнет дальше. А следом за нею, под деревьями, пробирается меж кустиков Лиса Патрикеевна, зорко следя за своей подружкой.

На зеленой полянке между синими, желтыми, голубыми цветочками краснели сочные ягодки земляники. «Кок! кок! кок! . .» раздалось, и в кустах показалась глухарка.

Затем раздалось «тиу! тиу!» и целая толпа глухаряток бегом высыпала на полянку. «Кук! кук! кук!» — кричала глухарка, и детки ее живо принялись кушать ягодки. Сама глухарка не ела: она зорко смотрела кругом и чутко слушала ухом, нет ли где затаившегося врага.

Показалась на деревце сорока. Глухарка сердито посмотрела на нее.

«Кок! кок! . .» Глухарятки притаились. Сорока, не будь глупа, перелетела полянку, спустилась между деревьями на землю и тихонько стала красться в траве. Бедная глухарка обманулась: не видя сороки, она подала сигнал деткам, и те опять начали кушать сладкие ягодки. Вдруг на кустик, который рос среди полянки, из травы взлетела сорока и ну стрекотать. Глухарка всполошилась, глухарята припали к земле, а сорока сидит, стрекочет и хвостиком помахивает.

Тем временем лиса с другой стороны все высмотрела и тихо-тихо подкралась к выводку. Прыгнула — цап глухаренка! Прикусила его и прыг к другому. Глухарка отчаянно закричала. Глухарята взлетели, и у кумушки остались в зубах только перышки.

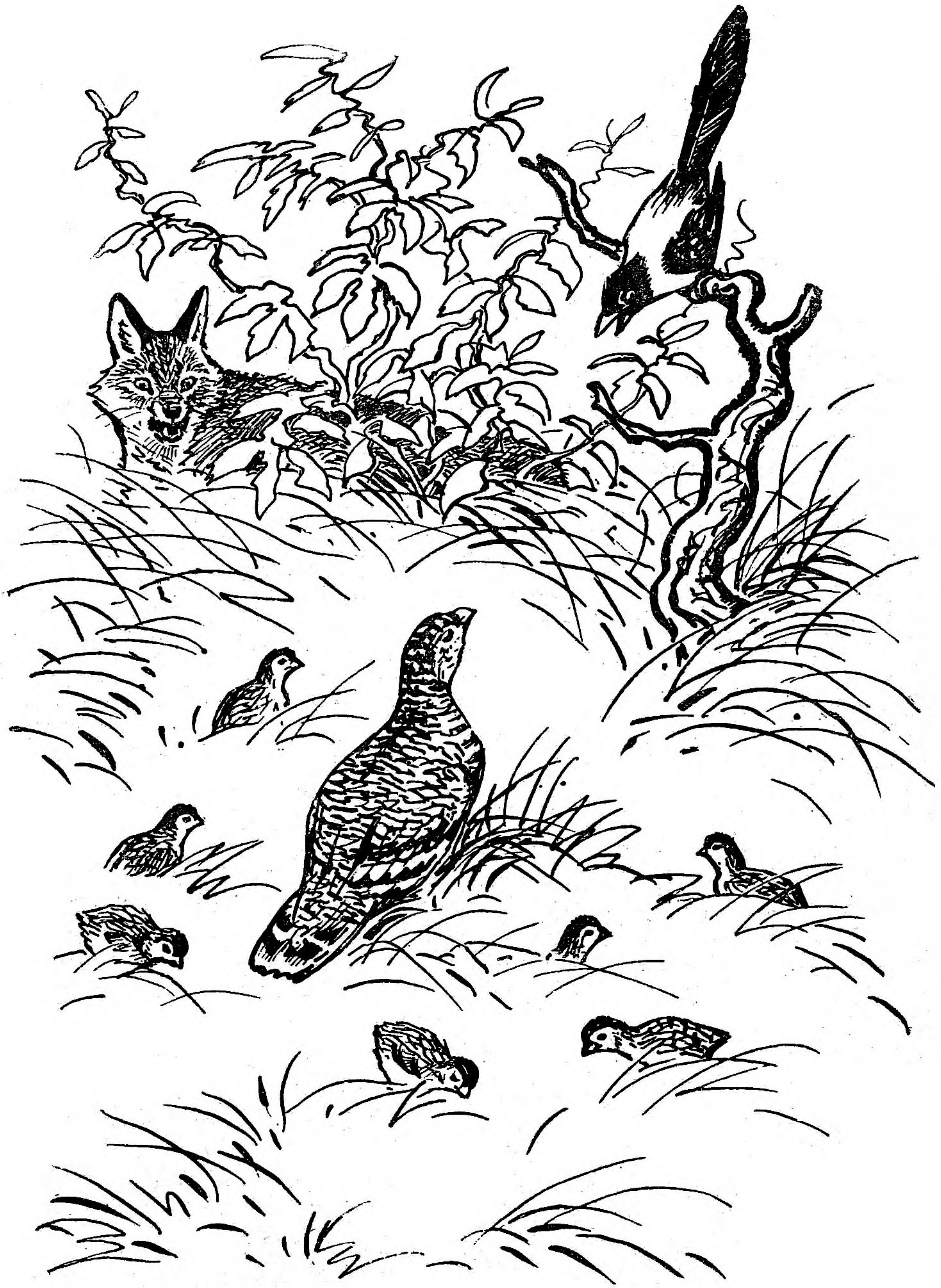
Сорока не дремала. Подхватила глухаренка, задавленного лисой, она уселась с ним на дерево и принялась кушать.

Подбежала лиса.

— Мою-то долю? — говорит.

— Сейчас, сейчас, кумушка, дай разделить,— отвечает сорока, а сама так и ест. Съела кишочки, потрошочки, ощипала все мясо. Остались одни косточки.

— Ну, вот, кумушка, бери твою долю,— говорит сорока, и бросила лисе остатки.



Пожевала лиса глухариные косточки, облизнулась и думает про себя:

«Так-то ты, сорока-воровка, компанию держишь? Погоди ж, я тебя проучу».

— Сыта ли? — кричит сверху сорока.

— Сыта, миленькая,— отвечает лисица.— Теперь пойдем промышлять на обед.

Тронулись они в путь. Долго ли, коротко ли бродили по лесу, наконец, добрались до опушки. Целая семья зайчиков весело прыгала по зеленой травке. Одни зайчики жевали сочные стебли растений, другие чистились, а двое затеяли игру и веселыми прыжками гонялись друг за другом. Сорока опять подкралась, села за куст и ну махать хвостиком. Все зайчики насторожили ушки и начали смотреть на диковинную птицу. А лиса подползла сзади — цап! и схватила одного. Другие разбежались.

Сорока тут как тут.

— Давай,— говорит,— кумушка, делить.

Лисице страшно хотелось есть, но она решилась наказать сороку.

— Разделим,— говорит,— милая; только знаешь ли, я ужасно устала. Даже есть не хочется от усталости. Я немножко отдохну, а ты покарауль зайчика; а то мало ли тут воров: и волк ходит и ворон летает. А как я проснусь, мы поделим с тобой, да и покушаем.

— Хорошо, кумушка,— отвечает сорока, а сама думает: «Вот товарка попалась мне! Усни, милая, хорошенько, а я тем временем покушаю».

Смотрит, лиса уж захрапела. Сорока — прыг-прыг, и начала выклевывать у зайчика глаз — самое первое сорочье лакомство. Но лиса не спала и зорко следила за товаркой. Как только сорока занялась зайцем, лиса мигом схватила ее за хвост. Испуганная воровка закричала отчаянным голосом, рванулась изо всех сил и улетела, но хвост остался в зубах лисы.

— Ха-ха-ха! — раздалось в листьях березы.— Вот она, дружба воров! — закричал дрозд.— Я был уверен, что они подерутся. И все птицы, сколько их ни было тут, собрались смотреть на куцую сороку. Хохот и насмешки раздавались кругом.

— Где твой хваленый хвост? — кричал дятел.

— Ей обрезали его в Москве,— заметила синичка,— там вышла мода ходить без хвостов.

— Ну, вот и неправда! — кричала пеночка.— У нее хвост был приклеен и от дождя размок.

Сорока спряталась и, наконец, закричала: «Гавалт!» Слетелись другие сороки. Собрался целый шабаш и стали бранить бедную родственницу; но, наконец, решили отомстить лисице.

* * *

С тех пор лисицам от сорок просто житья нет.

Спрячется, например, лиса под кустом, чтобы схватить неосторожного зайчика, когда тот пойдет мимо; чуть заметит ее сорока и начнет над ней стрекотать; забьет такую тревогу, что все полетит и побежит прочь.

Начнет красться кумушка в высокой траве к тетеревиному выводку; еще один шаг — и вот схватит его. Но не тут-то было; откуда ни возьмется сорока — цоп лису за хвост, застрекочет и полетит прочь, а тетеревов уж и нет на поляне.

Припадет лисонька на берегу пруда.

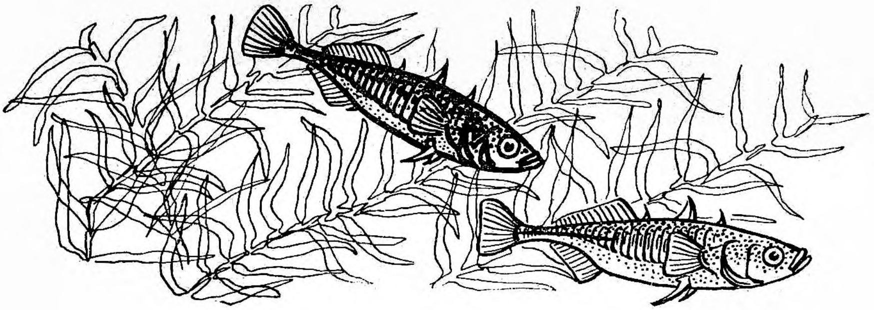
Целое стадо утят весело полощется в осоке, все ближе и ближе плывет к берегу, собираясь отдохнуть, плывет прямо к тому месту, где залегла кумушка.

У нее глазки закрылись от удовольствия.

Ей уж кажется, что утиные косточки хрустят у нее на зубах. Вдруг, откуда ни возьмись, сорока застрекочет и бросится на лису. Мигом утята нырнули в воду; с тревожным, сердитым кряканьем плывет старая утка. Нечего делать: голодная кумушка исчезает в кустах.

Так сороки всюду преследуют лисиц, мешая им охотиться.

Мало того, они выдают их присутствие охотникам, причем кумушка нередко платится своей шкурой. Дело дошло до того, что лисицы почти перестали охотиться днем и выходят на промысел только ночью, когда сороки спят.



КОЛЮШКА

Если вы пойдете гулять по берегам Невы или одного из ее рукавов (Невок), то вам нетрудно будет заметить в тех местах, где мелко, маленькую проворную рыбку.

Зовут ее колюшкой. Величиной эта рыбка с вершок [1], или много, если $1^1/_2$ вершка. Каждый рыболов, каждый любитель ужения знает колюшку, но ни в садке рыболова, ни в сетке удильщика ее не найти. Никому она не нужна, никому не интересна. Для ловли удочкой колюшка чересчур мала. Рыболову она не впрок, если и попадет в сети. Есть ее никто не станет — мала и колюча. Даже самые хищные рыбы, как щука, и те не едят колюшки, а если проглотят невзначай, так дорого приходится платиться за это, иной раз даже жизнью, потому что при своем малом росте колюшка имеет такую защиту от врагов, какой нет даже у ерша.

Ее тело не покрыто чешуйками, зато на боках лежит ряд костяных пластинок. Такие же пластинки прикрывают переднюю часть брюшной стороны тела, начиная от горла. Головка тоже одета костяными пластиночками, которые простираются от нее по спине до

[1] Вершок — 4,5 *см.*

спинного плавничка. Это настоящая кираса, защищающая все чувствительные места рыбки. Кроме того, на спинных пластинках сидят несколько острых костяных игол — колючек, откуда произошло и название рыбки. На брюшной части кирасы тоже есть пара игол. Колючки эти прикреплены так, что могут двигаться по желанию рыбки: при виде опасности она приподнимает их, в спокойном состоянии колючки отклоняются назад и прижимаются к телу.

Благодаря этим колючкам рыбку никто почти не ест, даже и самые хищные рыбы.

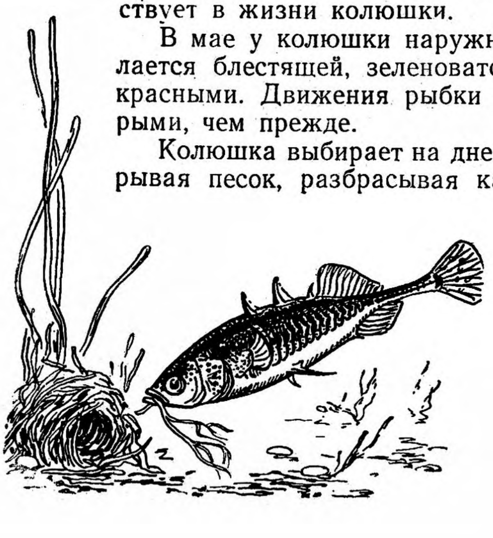
Никому не охота уколоться ее острыми иглами. Поэтому жизнь колюшки, как говорится, должна течь как по маслу. И там, где этим рыбкам удобно, они живут во множестве. В жизни их, как и вообще в жизни рыб, много странного, неразгаданного. В самой прозрачной, чистой воде озера или реки наш глаз может видеть лишь на ничтожной глубине — не более двух-трех аршин. А жизнь водных животных, самое число их особей и видов в глубоких водах значительнее, чем на мелководье.

Поэтому не удивительно, что жизнь рыб и других водных животных до сих пор мало известна. Так, например, не более нескольких десятков лет назад узнали одно из самых замечательных явлений в жизни рыб — гнездование колюшки.

Мы привыкли видеть гнезда птиц, искусство которых в витье их нередко изумляет нас. Но витье гнезд рыбами — явление исключительное, необычное для них. Это-то необычное явление и существует в жизни колюшки.

В мае у колюшки наружность резко изменяется. Спинка ее делается блестящей, зеленоватой, а брюшко и плавники делаются красными. Движения рыбки становятся еще более живыми, быстрыми, чем прежде.

Колюшка выбирает на дне какую-нибудь ямку, углубляет ее, разрывая песок, разбрасывая камешки. Затем она начинает таскать



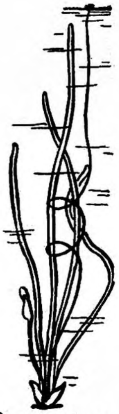
стебельки водяных растений, укладывает их в ямку, искусно укрепляет камешками, песком переплетает между собой и, наконец, из этого материала строит красивое гнездышко, с двумя входами, похожее на муфту.

Когда гнездо готово, самец колюшка плывет в стадо, выбирает подругу и уводит в гнездо. Там самочка выметывает икру и уплывает

Рачок водяной ослик

Циклоп

Улитка физа



Валлиснерия

Дафния

прочь. Самец-строитель, напротив, остается у гнезда и бережет икру от врагов, пока из нее не выклюнутся молодые колюшки. Это один из немногих примеров заботливости рыб о своих детях, составляющий резкую особенность колюшки.

К сожалению, эту особенность наблюдали мало. А между тем сделать это очень легко.

Если есть у вас аквариум порядочной величины, в котором разрослась валлиснерия [1], пустите в него в конце мая или июня нескольких колюшек. Только знайте наперед, что колюшки не дадут пощады никакому животному из тех, которые обыкновенно содержатся в аквариумах.

Колюшки истребляют всех улиток; они объедят хвосты и плавники золотым рыбкам, гальянам и плотичкам, замучат их до смерти и объедят мертвых. Пересадите мирных обитателей в другой аквариум. Кормите колюшек рыбьим мясом, улитками, рачками, насекомыми — и можно, наверное, сказать, что колюшка совьет гнездо, особенно, если, кроме валлиснерии, будут в аквариуме водоросли и другие мелкие растения, живущие в озерах, реках и болотах.

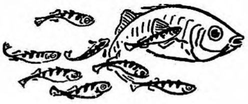
Тогда вы полюбуетесь, как рыба строит гнездо не хуже самой искусной птички. А в конце концов вы увидите, как рыбки мечут икру; как из этой икры потом выйдут крошечные колюшки и расплывутся по аквариуму, таская с собой, словно грузило, желточ-

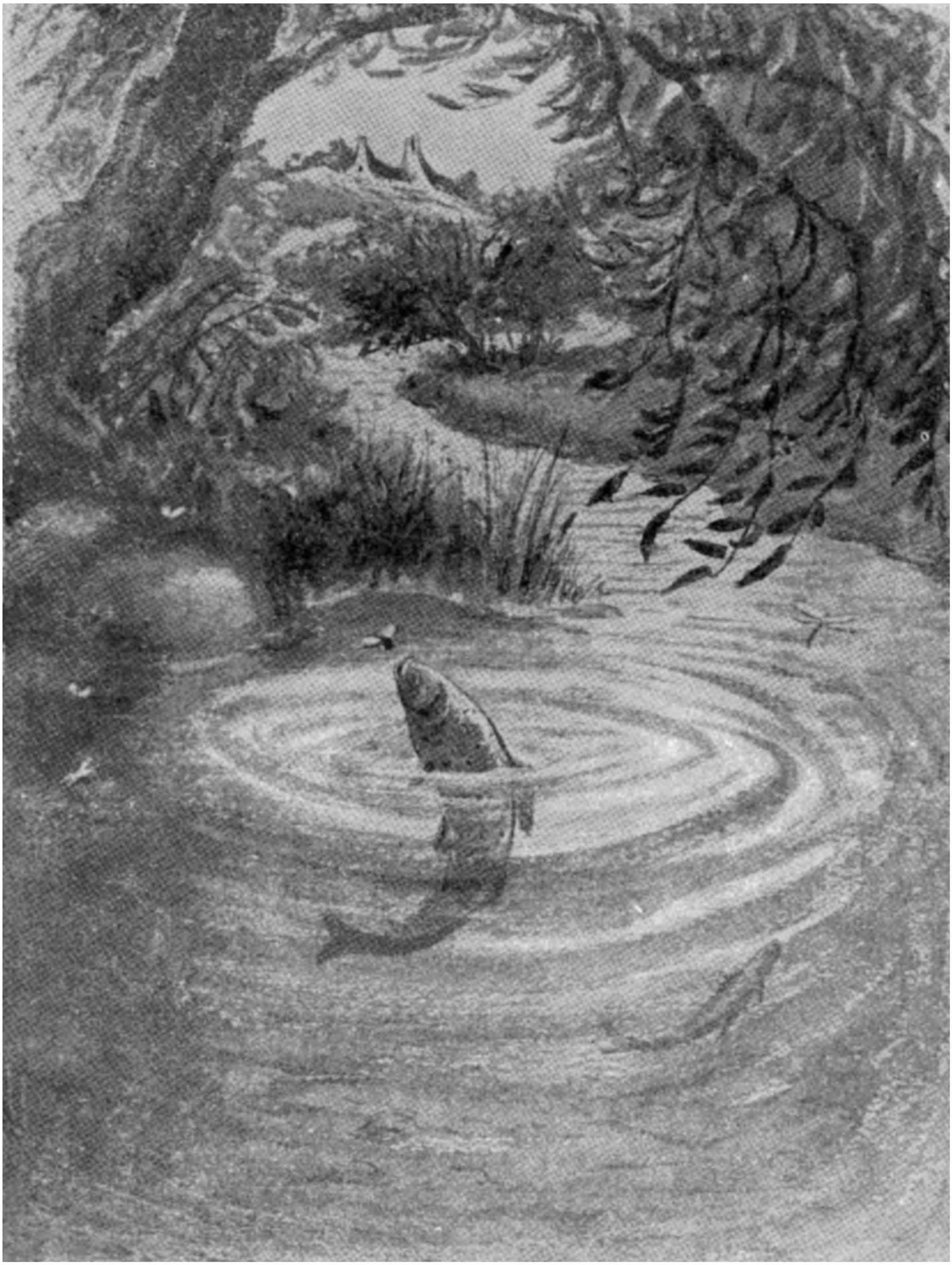
---

[1] Растение, разводимое в аквариумах.

ные пузыри. Через несколько дней эти пузыри всосутся в тело, исчезнут, и бойкие колюшки будут гоняться за дафниями, циклопами и другими крохотными рачками.

Это много занятнее, чем держать одних только глупых золотых рыбок. И ваш аквариум будет тогда маленьким уголком реки, где вы потом познакомитесь с жизнью того водного мира, который скрыт от наших глаз непрозрачностью толстых слоев воды.





ЖОЗЕФ РЕМИ.

Вода, говорят,— краса природы. Нет, не только краса — это первое условие жизни на земле, и там, где нет воды, жить невозможно. Водой можно любоваться в самых разнообразных ее формах, и это дело вкуса. Одному нравится сердитый, старый океан в страшные минуты гнева, когда его взволнует шторм. Другой любит тихие заливы лазурного моря. Третьему нравится горное озеро с его гладкой зеркальной поверхностью. От четвертого вы услышите: «Нет, не люблю я эти стоячие воды; то ли дело широкая река с ее островками, косами и отмелями. Тут и простор моря и движение». Да, а иной говорит: «Нет лучше ручейка. Это — ребенок между водами, бойкий, веселый, шаловливый». И правда, ребенок: ведь ручеек начинается в родничке, а кончается в речке. Родничок же есть то место у подножия горы или на дне глубокого оврага, где родится вода. Как родится?! Да разве вода родится? спросите вы. Конечно, иначе бы родник и не назвали родником. Здесь вода выходит на свет, ну вроде, как цыпленок из яйца. Многие годы, десятки, сотни, тысячи лет водяные капли таятся и странствуют в недрах земли, блуждают там, сливаются в струйки, в подземные

реки и озера и, наконец, прорвутся где-нибудь у склона горы на земную поверхность. Одна за другой вырываются струйки наружу, как будто каждой хочется взглянуть на солнышко. Струйки эти прорывают в земле маленькие канальцы и трубочки, сердятся, торопятся, бьют ключом, швыряют песчинки и камешки; и вот, наконец, образуют родничок — светлый, кипучий, холодный. Все живое бежит, летит, ползет к нему, чтобы напиться живой воды. А родник самодовольно клокочет, бурлит, все больше и больше выбрасывает наружу песка и камешков, все шире и шире делаются канальцы, по которым бегут его струйки. Наконец ямка родника переполняется; бойкая струйка побежала через край, за ней другая, десятая, сотая — и не сочтешь, словно стадо овец.

Народился водяной мальчик — побежал ручей. Как малый ребенок, нетвердыми шагами пробирается он по дну долины: тут стукнется о камень, надуется, метнется в сторону; там наткнется на земляную глыбу, опять шлепнется на бок и своротит в сторону. Бегут первые струйки, прокладывают дорогу другим; этим уже легче, а третьим еще легче — дорога проложена. Потек ручей, течет годы, десятки, сотни лет, промоет себе в земле уютное ложе. Все легкое, всякий мусор, перегной растений, чернозем — все унесут его струйки. Унесут они и глину, унесут мелкий и крупный песок; устелет родник свое ложе самоцветными камешками да хрящиком и заживет в чистенькой комнатке, с каменным полом. Не любит он никакой грязи; к тому же и прихотник великий: всякий камешек обточит, закруглит, и бегут его струйки по ковру мозаичному; не налюбуются ими и зверь и птица, все они бегут и летят к ручью, чтобы утолить свою жажду. Недаром я сравнивал ручей с ребенком: это самая чистая, резвая и капризная вода природы. В детстве я проводил, бывало, целые часы на берегу ручья. Меня занимало, как весело бегут водяные струйки. Наделаешь из коры осокоря крошечных лодочек, с мачтами и парусами, пустишь этот флот из гавани и бежишь вслед за ним, чтобы подать помощь тому или другому судну в минуту опасности, а таких минут и не перечтешь: то выкинет фрегат на берег, то налетит корабль на камень, перевернется вверх дном и крутится в водяных струях.

Но не одни эти проказы тянули меня к ручью. Каждый ручеек создает вокруг себя особый мирок: летом ручьевая вода холодна как лед, а зимой от нее идет пар. Никакой мороз не в силах сладить с этим капризным шалуном; замерзнут реки и озера, а на ручье ни кусочка льда; наступит лето, а от него веет прохладой. К нему тянет все живое, что не любит ни сильного жара, ни сильного холода. Зарастут берега ручья ольхой, черемухой, ивами, черной смородиной; расползутся их детки широкой полосой уремы;

разрастется эта урема и сделается густой чащей; обовьются хмелем ольховые и черемуховые деревья — вот и притон для всего живого. И кого только тут нет: селятся во множестве жучки, бабочки и другие насекомые в густой чаще листьев; у корней деревьев вьют свои гнезда разные мелкие певчие птички. Стон стоит от их песен в зеленой чаще уремы, а внизу, меж кореньев, шныряют бойкие, землеройки, неуклюжие полевки, снуют по ночам ласки и горностаи, забредет порой проголодавшаяся лисичка. Кума знает, что тут гнездятся серые утицы, коростели, болотные курочки — отчего ж не поживиться яичницей, а не то и утятинкой. Наступит осень, осыплются листья с деревьев уремы, улетят на юг веселые певцы, скроются пестрые бабочки и жучки, но урема не опустеет, новые гости появятся в ней: набегут зайчики поглодать ивовой корочки; налетят синички, поползни и обыщут кору деревьев, чтобы полакомиться яичками бабочек, гусеницами жучков; явятся стада чижей, снегирей и другой зерноядной птахи, чтобы покушать семян ольхи и других растений да кстати погреться около ручья.

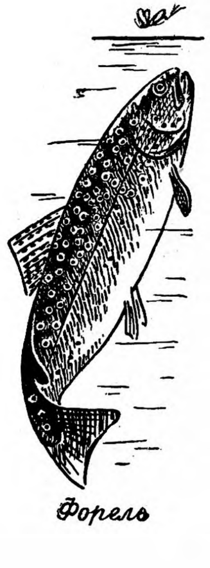
В светлых струях ручья тоже отыщется немало обитателей. Бывало, возьмешь решето и пойдешь на ручей рыбачить. В колдобинках, в ямках, где не так быстро течет вода, ходят целыми стадами гольцы; наловишь их решетом, притащишь домой, свалишь на сковороду, посолишь, обольешь сметаной, и выйдет такое кушанье, что хоть сейчас бы поел. Кроме гольцов, в ручьях живут и другие рыбы. Нередко встретишь ручьевую миногу, присосавшуюся к камешку, а под берегом, нависшим над водой, кроются красивые гальянчики и лучшее украшение ручья — форель.

Кто не знает этой вкусной рыбы с розовым мясом? Засунешь палку под берег ручья, как вдруг метнется оттуда эта ручьевая красавица, покрытая черными и красными пятнами. Диву даешься, как это такая большая рыба может быть в ручье, где, как говорится, и воробью по колено, а между тем это ее главное жилище. Форель, которую у нас называют пеструшкой, водится только в ручьях, да еще в горных озерах. В большой, глубокой реке не ищите эту рыбу: она любит чистую, светлую воду; где малейшая муть, там ей не житье. Она любит ручьи, берега которых обросли густой уремой; она любит их потому, что в этой уреме множество насекомых. Всякая бабочка, жучок, стрекоза, упавшая в ручей, делается тотчас же добычей форели; всякая личинка, которую несет ручьевая вода, неминуемо попадет в ее рот. Оттого-то удочка,

Голец

Ручьевая минога

Гольянчики


Форель

которой ловят форель, непременно украшается искусственными бабочками. До какой степени форель любит есть насекомых, видно из того, что стоит только вырубить урему, и форели в ручье переведутся. Так перевелись форели во всех тех местах, где недогадливые люди сами лишили себя этой вкусной рыбы. Кстати, я расскажу вам один случай исчезновения форели,— случай, который повел к открытию, чрезвычайно важному в жизни всего человечества.

* * *

Это было около 100 лет тому назад. В Вогезских горах, на севере Франции, в La Bresse, небольшой деревне, принадлежащей к Ремиремонскому округу, жил небогатый крестьянин. Его жена, как большая часть крестьянок этой бесплодной местности, занималась куроводством и откармливала на продажу каплунов и пулярок [1], а сам Реми (так звали крестьянина) был дровосек и между делом промышлял ловлей форелей. У них было два сына: старший, Жозеф, исполнял должность няньки при меньшом брате и в то же время помогал отцу.

Однажды он понес отцу завтрак в лес; маленький братишка ни за что не хотел отстать от своей няньки. Дорогой им пришлось перебираться через ручей; Жозеф посадил братишку к себе на спину и хотел уже совершить переправу, но, подойдя к ручью, невольно остановился перед невиданным зрелищем: форели целой стаей сновали в воде, толкались, ворочались, а из одной, самой крупной, вдруг потекла икра; вслед за тем прочие рыбы стали выпускать в воду какую-то белую жидкость. Прошло несколько минут; рыбы одна за другой исчезли в разные стороны. Пораженный этим, Жозеф долго еще стоял перед ручьем, наконец перешел через него и быстро направился к отцу, чтобы рассказать ему о виденном.

— Да что ж тут особенного, милый мой мальчик? Каждый год в эту пору форели мечут икру,— отвечал отец.

— Зачем же, папа, они мечут?

— Вот чудак! Да ведь из икры выводится молоденькая рыбешка: слепятся три икринки вместе, вот и выйдет из них рыбка. Дело понятное: если бы рыбы не метали икры, мы бы давно их всех выловили.

Жозефа так и тянуло к ручью. Накормив отца, он отправился домой, под предлогом отвести братишку, и, конечно, очутился на том месте ручья, где видел форелей. Но, не найдя ни рыб, ни икры, он сообразил, что икру унесло водой дальше и стал обыскивать ру-

---

[1] *La Bresse* славится и теперь превосходными пулярами.

чей. Наконец в ямке, под одним крупным камнем, он нашел несколько десятков икринок, ловко выхватил их из воды, положил в чашку, наполнил ее водой и отправился восвояси. Дома с великим трудом ему удалось выпросить у матери стеклянный стакан, куда он и поместил свою находку.

* * *

С тех пор Жозеф точно переродился. Целые дни напролет проводил он перед своим заветным стаканом; все, что прежде занимало его, теперь было забыто; в школе он сидел рассеянно; за какое дело ни возьмется — все из рук валится.

— Что это с нашим мальчиком? — говорил старик Реми.— Я его не узнаю.

Матери была известна тайна Жозефа, но она молчала, а Жозеф, как только улучит свободную минутку, тотчас бежит к любимому стакану. В этом стакане, действительно, творились чудеса: одни икринки побелели, на поверхности их появились какие-то ниточки, так что они обросли точно шерстью. В других икринках происходило нечто иное. Каждый день Жозеф открывал что-нибудь новое. Наконец он понял, что в каждой икринке растет рыбка. Он даже ясно различал глаза ее; потом она постепенно росла и лежала в икринке, согнувшись, полукольцом. Прошло еще несколько времени — о радость! — Жозеф заметил, что рыбка шевелится. С замиранием сердца ждал он той минуты, когда она выйдет наружу. Но — увы! — эти ожидания не сбылись. Раз, когда мальчик ушел на работу, кто-то выплеснул из стакана воду. Надо было видеть горе несчастного. Целых два дня он проплакал и чуть не заболел.

* * *

Прошло немало лет. Жозеф за эти годы приобрел громкую славу искуснейшего ловца форели; но, к сожалению, он стал замечать, что промысел его постепенно падает и не мог понять причины того упадка. Ему и в голову не приходило, что этой причиной был его отец, отчасти он сам, а также другие дровосеки окрестных селений. Он не знал, что истребление леса, в особенности по берегам ручьев и около родников, ведет за собой неминуемое уменьшение форели. Результат истребления леса скоро сказался. В 1842 г. в Вогезских горах была необычайная засуха: многие родники иссякли, ручьи перестали течь. Не только форели, но и другие рыбешки перевелись совсем. В следующем году родники и ручьи снова открылись благодаря дождям, но о форелях не было и помину; промысел же дровосека вследствие истребления леса сделался совсем невыгоден.

Тогда Жозефу припомнилось описанное выше наблюдение над метанием икры форелями, и его осенила счастливая мысль попробовать искусственно развести рыбу.

Как только наступила осень, он отпросился у отца порыбачить в соседнем департаменте, где, как он слышал, форели водятся еще в изобилии. Придя на место, рыбак арендовал участок ручья и принялся за дело. Но не продажа рыбы была у него на уме. Наловив форелей, он начинал мять и тискать их над ведром с водой. Сначала дело шло неудачно, потому что икра еще не поспела. Наконец в ноябре счастье улыбнулось Реми. Он заметил большую, толстую форель, которая плыла вверх по ручью в сопровождении десятка других, менее крупных. Жозеф мигом забежал вперед, расставил сетку и загнал в нее все стадо. Трудно вообразить себе его радость. В то время как он вынимал форелей из сети, из толстухи текла икра, а из прочих белая жидкость, которую называют молóками. Как можно скорее он выбросил свою добычу в ведро с водой. Форели бились как бешеные. Жозеф вынул икряную форель и стал давить ее брюшко до тех пор, пока из него не вытекла вся икра. Таким же порядком он выдавил в ведро из других рыб белую жидкость. Покончив с этим, Жозеф забрал свои сетки и отправился восвояси. Придя домой и выслушав упрек отца за то, что принес сонную рыбу, Жозеф отделил маленькую порцию икры в стакан, а с остальной побежал к своему родному ручью Мозелет, который протекал около деревни и впадал в нескольких верстах от нее в Мозель. Там он отыскал место, где впервые увидел метание икры форелями, и осторожно вылил в ручей из ведра собранную им икру. Быстрые струйки подхватили икринки и в несколько минут разнесли их врозь. Долго сидел Жозеф над ручьем и о чем-то думал; наконец, встал и промолвил: «Ну, что-то будет?».

* * *

С этих пор Жозеф сделался опять точно помешанный. Для него ничего не существовало, кроме икры форелей. С раннего утра он уходил на берега Мозелета и возвращался лишь к вечеру. Старик Реми сердился, бранил сына дармоедом, раза два побил его, но ничто не помогало. Жозеф молча выносил побои, молча выслушивал брань, как нечто должное, заслуженное им. Мать плакала, но не выдавала тайны сына. Наконец сам старик дошел до сознания, что упрекать Жозефа в дармоедстве нельзя, потому что малый почти ничего не ел. В деревне по этому поводу пошли странные толки. Стали говорить, будто молодой Реми видел на Мозелете русалку дивной красоты, которая очаровала его, так что несчастный помешался,— целые дни ходит по берегам ручья, ворочает камешки и

ищет свою красавицу. Услыхав эту басню, старик Реми, суеверный, как все вообще простые, неграмотные люди, пришел в ужас. Он побежал к доктору, рассказал свое горе и просил освидетельствовать сына; но Жозеф так ясно и твердо отвечал на все вопросы, что доктору оставалось только успокоить старика. Добрый доктор и сам не понял странной болезни Жозефа, который, видимо, худел и чах, а все-таки ходил каждый день на свой заветный ручей. Так прошел почти год. Но вот однажды ранним утром Жозеф сидел на берегу Мозелета, сидел как мраморная статуя, неподвижный, молчаливый, с глазами, устремленными на струйки ручья. Вдруг эти глаза загорелись необычным огнем, бледное лицо вспыхнуло, оживилось, все тело вздрогнуло. Реми увидал то, чего ждал целый год. Маленькая, вершка в $2^1/_2$, форелька тихо пробиралась против течения ручья, быстро подхватила мушку и съела ее.

— Это моя, наверно моя! — крикнул Жозеф.— Ведь в Мозелете нет форелей. О, конечно, это моя!

Трудно себе представить душевное состояние Реми в эту минуту. Он был подавлен счастьем. Форель уплыла, а Реми все сидел в ожидании других таких же рыбок. Пошел дождь, подул ветер, он ничего не чувствовал. Наступившая темнота заставила его, наконец, очнуться, и он пошел домой. Надорванное долгим душевным напряжением здоровье молодого рыбака не выдержало. В тот же вечер он опасно заболел.

* * *

Добрый нрав Жозефа, его постоянная готовность на всякую помощь другому привлекали к нему всех хороших людей. У него было много друзей и мало завистников; да и завидовать-то было нечему;

но из всех друзей самым близким был трактирщик ближнего городка Эпиналя Антуан Жеэн.

Узнав о болезни Жозефа, Антуан упросил городского доктора съездить к больному; каждый день он сам или через кого-нибудь доставлял своему другу лекарства. Прошло недели две, Жозефу сделалось лучше. Как-то раз, когда он стал совсем поправляться, Антуан решился спросить его насчет русалки, о которой в деревне ходили упорные слухи.

— Жозеф, скажи мне, как другу, отчего ты заболел? Неужели это правда, что тебе понравилась русалка, как болтают у нас в деревне? Может ли это быть?

— А как ты думаешь, дружище Антуан, есть ли на свете русалки?

Антуан даже покраснел.

— Конечно, нет; но ведь могла же привидеться тебе тень русалки. . .

Реми засмеялся.

— Слушай, Антуан, я расскажу тебе про мою русалку, но с условием — не выдавать моей тайны.

И Жозеф объяснил ему, как он добился размножения форелей в Мозелете.

— Целый год,— сказал он в заключение,— я ждал моей русалочки, а когда, наконец, увидал ее, то заболел от радости. Ты, как друг, поддерживай в народе эту басню, но помни уговор; будем держать настоящий секрет про себя до тех пор, пока наши форельки не вырастут и пока я снова не буду носить их тебе на продажу.

* * *

«С этой минуты,— говорит в своем отчете знаменитый ученый Мильн Эрвардс,— имена Жозефа Реми и Антуана Жеэна в истории искусственного разведения рыб стали неразлучны. Много неудач в развитии этого полезного дела пришлось испытать им обоим по милости своего скромного положения, но они все-таки достигли своей цели». Жеэн сообщил об открытии Реми вогезскому экономическому обществу, которое с живым сочувствием отнеслось к этому делу и напечатало об открытии Реми в своем отчете. Микар, главный смотритель лесов департамента, дал разрешение Реми рыбачить и делать опыты во всех казенных лесах его округа. Это было в 1844 г. Прошло добрых шесть лет, прежде чем открытие Реми получило известность.

Обеднение рек Франции и других стран рыбами давно уже обращало на себя внимание. Мысль разводить рыб искусственно

приходила в голову многим гораздо ранее Реми; так, например, первые опыты искусственного разведения форелей были сделаны в семидесятых годах прошлого столетия майором Якоби. Подобные опыты повторялись и в нынешнем столетии Карлом Фохтом, Бокциусом и другими. В 1848 г. известный натуралист Катрфаж представил Французской академии записку графа Гольдштейна о возможности искусственного размножения рыб. Когда мемуар академии, где была напечатана эта записка, был получен в Эпинале, секретарь вогезского экономического общества г. Гаксо сообщил академии, что мысль г. Гольдштейна уже осуществили на деле рыбак Реми и его друг Жеэн.

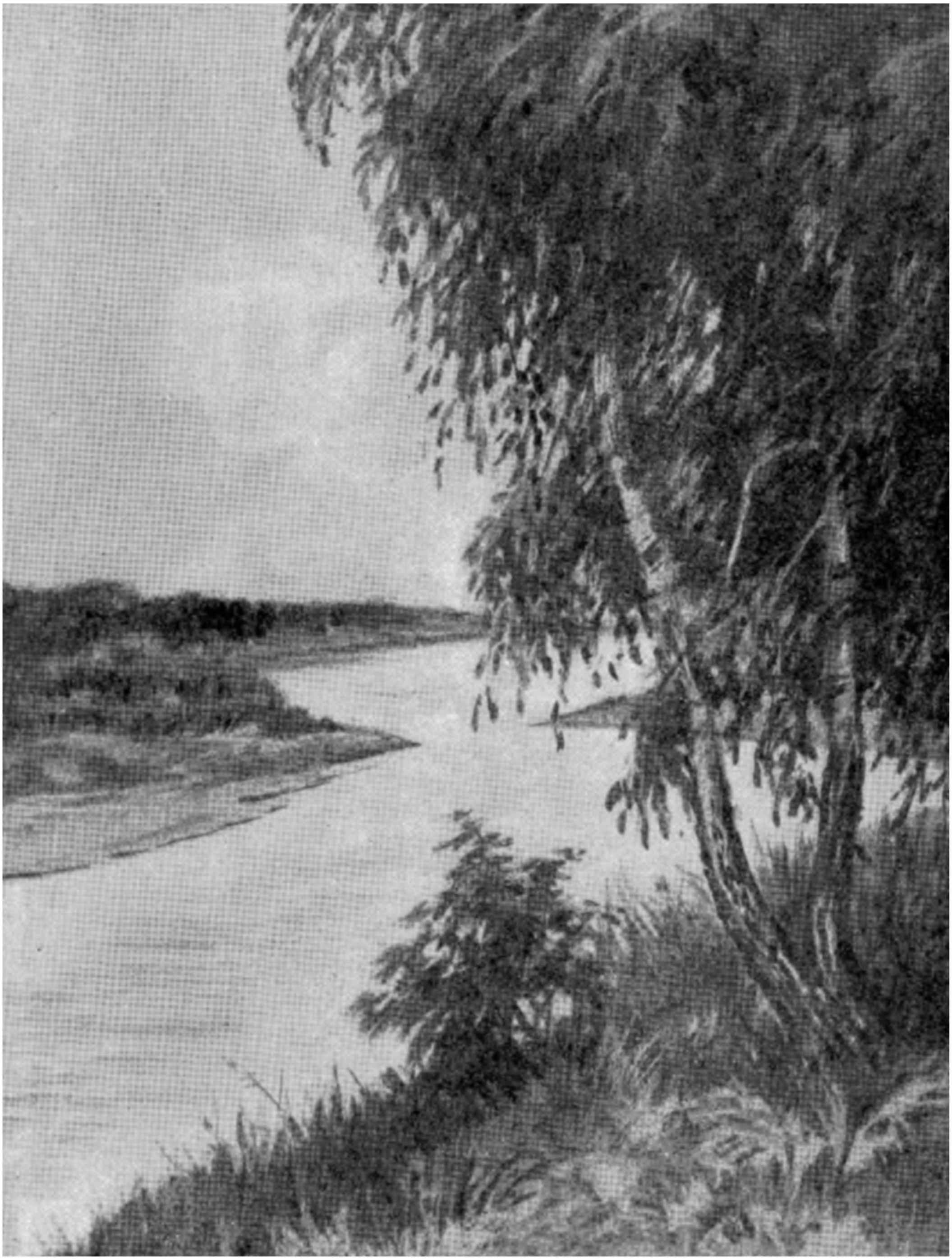
Академия немедленно отправила знаменитого зоолога Мильн Эдвардса в Вогезы, чтобы убедиться в справедливости сообщения г. Гаксо. Отчет Мильн Эдвардса подтвердил известие об открытии Реми и произвел глубокое впечатление на весь образованный мир. Искусственное разведение рыб сразу вошло в моду. Реми и Жеэн получили награды и были приглашены французским правительством населить рыбами разные реки Франции.

Около Гюйнингена, недалеко от Страсбурга, был устроен первый рыбоводный завод. Вскоре подобные заводы начали устраиваться в других государствах Европы и в Северной Америке. У нас первый такой завод был открыт помещиком Враским в с. Никольском, Новгородской губернии.

Искусственным разведением рыб занялись многие ученые и сельские хозяева. Немало рек заселено теперь такими рыбами, каких прежде в них никогда не было. Рыбоводы достигли того, что теперь икру можно пересылать просто по почте за тысячи верст, например из Европы в Америку и наоборот. Способы вывода рыбок из икры упрощены до того, что этим может заниматься всякий мальчик. Самые приборы, употребляемые для этого, настолько дешевы, что доступны каждому.

Когда мне случается переходить ручеек, я невольно вспоминаю Жозефа Реми, этого величайшего из рыбаков, оказавшего огромную услугу человечеству, так как с течением времени искусственное рыбоводство будет иметь громадное значение.

Мало ли у нас ручьев и речек, где вовсе нет рыболовства, потому что нет рыбы, теперь же благодаря открытию Реми населить эти пустые ручьи и речки рыбами так же легко и просто, как разводить цыплят.



ЧЕРНОЗЕМНАЯ РАВНИНА— ЖИТНИЦА РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Пойдем вниз по оврагу. Он выведет нас в долину речки. Пойдем вниз по ее течению. Речка вывела в долину большой реки. Поплывем мы по реке. Она принесет нас в море. Изучив овраг, нам легко понять, как образовалась эта сложная система ручьев, речек и рек, по которым вода с поверхности почвы, из озер и болот, из недр земли течет безостановочно по равнинам, в окрестные моря.

Присматриваясь внимательно к тем струйкам дождевой воды, которые мы прудили на улице, припомнив историю оврага, мы поймем, что широкие, глубокие долины великих и малых рек произошли из тех же оврагов, что это обширные и наиболее старые овраги, что, следовательно, над этими оврагами, т. е. долинами рек, вода работала дольше. И действительно, долины рек черноземной области, в сравнении с реками других равнин, отличаются особым характером. Они широки и глубоки. Правый берег долины больших и средних рек возвышен и крут, спускается прямо к реке; левый берег, напротив, отлог и удален от реки иногда на несколько верст; между ним и рекой лежит ровная низменность, называемая залив-

ной равниной. Заливная равнина называется так потому, что каждую весну в половодье река заливает ее. Бесчисленные озерки покрывают эту равнину. И все они, обыкновенно, имеют удлиненную форму, протягиваясь по направлению течения. Иные из них своим нижним концом даже соединяются с рекой — и в таком случае называются (на Волге) затонами. Глухие же, не соединяющиеся с рекой, озерки зовутся старицами. Вот почему, протекая по заливной равнине, реки с течением времени засаривают свои русла местами и прокладывают новые; засоренные же русла отделяются от реки и образуют затоны, а затем и старицы.

Между затонами, старицами и рекой почти в каждой речной долине есть высокие гряды, поднимающиеся на несколько сажень над заливной равниной. Они тянутся непременно вдоль реки, иногда на несколько сажень, иногда на полверсты, на версту. Во время половодья вода не затопляет их, и они остаются островами на широком разливе. На Волге такие гряды зовут гривами. Они всегда порастают лесом и кустами, тогда как заливная равнина покрыта роскошной травяной растительностью, и, кроме талов и ив, на ней не растет деревьев. Эти травяные равнины народ зовет поймой, поемными или заливными лугами, оттого, что каждую весну их заливает река. Всходы древесных растений (кроме ив) во время водополья вымокают и гибнут, зато луговые травы после спада вод вырастают с изумительной быстротой и достигают очень большого роста. Здесь невозможно хлебопашество, особенно на больших реках, где разливы бывают поздно (в апреле и мае). Поэтому речная равнина менее всего поддается изменяющему влиянию человека. Он может вырубить лес на гривах, но на влажной почве быстро вырастут новые древесные побеги, и снова грива оделась косматой зеленой шапкой кустов; он скосит траву, но стада его до глубокой осени не в состоянии поесть молодую отаву, которая так и лезет из влажного, тучного наноса. Урожаи хлебов были бы баснословные на поемных лугах, если б человек мог оградить поля от полой воды. Вырубит человек в окрестной стране леса, превратит порубы и степи в одно сплошное поле — все изменится: и растительный и животный мир. Исчезнет множество растений и животных, некогда обитавших тут, а природа речной долины благодаря разливам удержит свой старый, вековечный пейзаж, свой богатый мир растений и животных, которому не страшна разрушительная деятельность человека. Богатство жизни в речной долине замечательное. Но... об этом дальше. Будем последовательны, иначе многое не узнаем, многое пропустим без внимания.

Пока мы все говорили только о рельефе равнины. Под словом равнина разумеется ровная площадь земной поверхности, где не

вздымаются высокие утесистые горы. Русская черноземная равнина именно такова. Но ее бороздят овраги и глубокие долины рек. Когда мы выберемся из долины реки, из оврага наверх, на ровную площадь, то и здесь не найдем хотя бы нескольких десятков десятин, которые имели бы вид совершенно ровной, горизонтальной площадки; и здесь непременно есть впадинки и окружающие их возвышения. В этих впадинах часто попадаются круглые или округленные болотца. Такие впадинки и болотца попадаются по всей черноземной равнине, но на юге их меньше, в северной полосе больше. Эти впадинки или котловины нельзя оставить без внимания. Выше мы сказали, что черноземная равнина бедна озерами. Больших озер, как Ладога, Онега и т. п., на ней и вовсе нет. Мелких озер сравнительно с северной равниной мало. Это вместе с оврагами немаловажный признак старости черноземной равнины.

Было время, когда все эти впадины и котловины были озерами, да еще солеными озерами, но ветер-суховей в союзе с солнечным лучом повысушил их. Снеговые и дождевые потоки постоянно пополняли убыль воды в озерах, но расход ее испарением, был больше, и в течение ряда веков озера усыхали, мелели, превращались в кочковые болота, а затем и след их исчезал. Только весна на несколько недель ежегодно восстанавливает картину далекого былого, затопляя болотца и превращая их в озерки. Между подобными озерами были, однако, иные очень глубокие, в которых вода не нагревается так сильно, как в мелких, которые защищены холмами, лесами от иссушающего влияния ветра. Такие озера поэтому долговечные, но и они исчезли во множестве, их осталось уже очень мало. Эти озера, кроме высыхания, уничтожаются еще иным способом.

В воде озер живет немало водяных растений. При благоприятных условиях эти растения разрастаются и образуют в воде густые заросли. Отжившие растения умирают, разлагаются и образуют ил, отлагающийся на дне. Слой ила постепенно растет, и озеро мелеет. Благодаря бурому темному цвету ила вода озера нагревается сильнее, а потому сильнее идет и испарение с поверхности. Так что под влиянием этих условий каждое глубокое озеро постепенно превращается в мелкое и, наконец, высыхает.

Но есть еще процесс, которым глубокое озеро уничтожается быстрее. Многие водяные растения, умирая, всплывают на поверхность, на них развиваются новые растения, образуется плавучий зеленый островок, состоящий из живых и мертвых растений. Ветер прибьет островок к берегу, другие растения укрепят его тут, и постепенно такие островки, прислонясь к берегам, образуют около них зеленое кольцо из так называемого плавучего торфа. Он не

тонет в воде, но так рыхл, что не держит даже маленького зверька. Постепенно этот плавучий торф растет в толщину и ширину, захватывая все более поверхность озера; он делается плотнее, и на поверхности его появляется другая флора: на трупах водорослей и водяных растений поселяются мхи, а на них в свою очередь впоследствии поселяются сухопутные растения и даже деревья. Так образуется то, что называют трясиной. Она колышется под ногами и небезопасна для ходьбы. Местами на трясине попадаются так называемые окошки. Их не заметишь сразу, потому что поверхность их замаскирована зеленым ковром растений. Но горе неосторожному, если он ступит на предательскую зелень,— сразу уйдешь в черную, вонючую, жидкую грязь, уйдешь, пожалуй, совсем с головой, и конец, если не спасет случай. Выбраться из этой бездонной грязи нельзя, потому что кругом окошка нет ничего твердого, за что бы схватиться руками. Одно спасение, если есть шест, который можно положить поперек окошка, концами на плавучий торф, и по нему кое-как выбраться из грязи или кто-нибудь успеет вытащить. Время идет, плавучий торф окончательно покрывает все озеро сплошь, от перегнивания целого ряда растительных поколений он утолщается, опускается на дно от собственной тяжести, вода снова вырывается окошками наружу, и снова выступает чистая водная поверхность озера, но надолго ли? Опять постепенно образуется плавучий торф; снова глубокое озеро превращается в торфяник, похожий снаружи, т. е. с поверхности, на любое болото. Но и болота не вечны. Растения, населяющие их, образующие кочки, умирая, оставляют перегной, налегающий на чистый водный торф. Слои перегноя растут, плотнеют, и болотистая поверхность обсыхает вконец, не отличаясь ничем уже от поверхности окрестных склонов твердой суши.

Так исчезло множество озер на черноземной равнине, оставив на ней торфяники, имеющие глубокий исторический интерес. При разработке торфа находят множество костей животных и человека, его орудия, стволы деревьев и т. п., некогда утонувших в окошках трясины, а по всем этим остаткам можно составить понятие о бывших обитателях страны.

* * *

Займемся теперь почвой — знаменитым черноземом. Более ста лет назад эта почва поразила своей оригинальностью и плодородием известного ученого-путешественника Палласа. В Германии и вообще в Западной Европе чернозема нет, поэтому впечатление, произведенное им на Палласа, было громадно. Не зная, что такое чернозем, Паллас высказал предположение, что это перегнившие

остатки водорослей моря, некогда покрывавшие Русскую равнину. Но это предположение оказалось ошибочным уже потому, что с водорослями остались бы после моря раковины живших в нем моллюсков, а раковин морских в черноземе нигде не найдено.

Потом предполагали, что в ледниковый период вследствие сильной влажности воздуха всю Русскую равнину покрывал сплошной торфяник, превратившийся в слой чернозема. Но и эта гипотеза оказалась ложной.

Теперь мы знаем отчетливо, как образовался чернозем. Это не что иное, как перегнившие остатки наземных, сухопутных растений, травянистых и древесных, накопившиеся в течение многих тысяч лет, с тех пор, когда равнина вышла из-под уровня моря и сделалась сушей. Отчего нет чернозема в других странах Европы? Очень просто: равнины всего севера ее недавно еще были покрыты морем, горы — громадными ледниками, и для образования чернозема не было еще достаточно времени. Тем интереснее наша старушка — черноземная почва,— сделавшаяся сушей в отдаленные времена, по крайней мере, в средине третичного периода. Много сменилось в ней растений и животных, как увидим потом; десятки народов и племен попеременно овладевали ею, истребляя или порабощая своих предшественников, и в свою очередь гибли от нашествий новых завоевателей. История захватывает события, совершившиеся на этой равнине, только в течение последней тысячи лет, а она пережила десятки таких тысячелетий. И в этот короткий срок одного тысячелетия сколько перемен произошло в населении равнин. Хазары, печенеги, половцы, татары, русские бились, воевали на ней друг с другом. А где теперь эти хазары, печенеги, половцы? Их и след простыл, они исчезли, не оставив ничего после себя, даже язык их остался неизвестным, и только о быте и нравах их кое-что можно узнать из сказаний наших летописцев.

На юге равнин, в степях множество курганов-могил, на которых стоят или лежат статуи, грубо вытесанные из камня, так называемые каменные бабы; но до сих пор никто еще не разгадал, какой народ делал и ставил эти статуи.

Но вернемся к чернозему; посмотрим, как он образуется, как лежит и т. д.

Первый признак чернозема есть его цвет. Когда чернозем смочен дождем, он, действительно, совсем черен, как сажа или уголь, в засуху цвет его делается сероватым.

Другая особенность чернозема та, что от дождя он быстро разбухает, пропитывается влагой, как губка, делается мягким, рыхлым и липким, в засуху же твердеет, поверхность его растрескивается и он делается рассыпчатым. Из чернозема нельзя слепить что-ни-

будь, как из глины: высохнет, все потрескается, осыплется. Не следует думать, что чернозем одевает равнину сплошным пластом одинаковой толщины. Есть обширные площади песков, на которых растут сосновые боры, а чернозема нет вовсе. Есть меловые холмы и равнины, где черноземный пласт в 1—2 вершка толщины, где хлеб и травы родятся очень плохо. Но есть также глинистые площади, где слой чернозема достигает толщины двух аршин. Свойства чернозема, его состав и даже цвет очень различны. Чернозем есть перегной растений. Чернозем образуют, истлевая после смерти, все растения любой страны; но участь растительных остатков зависит от многих условий — почвы, климата, рельефа страны, обилия и действия дождевой воды, ветров и т. д.

На твердой почве растению трудно укорениться; его корни не могут разрастись свободно и должны пользоваться трещинками, чтобы проникнуть вглубь и добыть те растворы солей, которые служат пищей растению. На рыхлой почве той же породы растение развивается роскошнее, потому что его корням вольготно ветвиться во все стороны, а следовательно, легче и пищу добыть. Умрут эти два брата — стебель и корень. Первый, бедняк, ничего почти не оставит после себя, другой даст земле богатое наследство. Дождевая вода на твердой почве смывает остатки стебля и сбежит с ними в овраг; та же дождевая вода разрушит остатки корня, всосется в рыхлую почву и унесет их туда с собой. На ровной поверхности перегной растений сохраняется лучше; на скатах его легче смывают дождевые потоки.

Где дожди падают часто, но понемногу, там истлевающие растения оставляют больше органического вещества, и оно лучше просасывается в почву; где, напротив, продолжительные засухи прерываются ливнями, там истлевание растений полнее, а остаток от них меньше, да и те в значительной части уносятся потоками в овраги и речные долины.

Ветер играет большую роль в сохранении остатков. Если почва гола, слабо защищена от его действия растениями, разгулявшийся на просторе ветер взметает облака пыли и несет ее на многие версты, засоряя воды. Достаточно одной сильной сухой бури, чтобы уничтожить тонкий слой перегноя, накопившийся на поверхности почвы в течение нескольких лет. Все эти условия главным образом мешают образованию перегноя на поверхности земли, перегноя стволов, ветвей и листьев растений. Корни же, конечно, оставляют больше перегноя. Возьмите кусок дерна, он пронизан корешками растений. Эти корешки умрут, оставив после себя ничтожное количество органического перегноя, но он весь есть чистая прибыль для почвы. После корешков останутся еще ходы в почве, по ним в нее

втекает дождевая вода, настоянная солями и органическим перегноем. Одно поколение растений сменяется другим, это — третьим и т. д.; корни каждого растения буравят в почве свои ходы, оставляют свой перегной, способствуют в свою очередь всасыванию в нее дождевой воды, с перегноем стеблей и листьев. Вот и полная картина образования чернозема. Легко понять теперь, что чернозем образуется везде, где есть растения; но всюду образование черноземного слоя идет крайне медленно, веками, тысячелетиями. А потому присутствие его на русских равнинах, подобно оврагам и исчезнувшим озерам, доказывает, несомненно, что эти равнины давно-давно стали сушей. Посмотрим теперь на растительность этих равнин, дающую материал для нарастания черноземного слоя.

Между растениями, как и между животными, есть виды особые, которые живут недолго, каких-нибудь несколько недель, есть и такие, которые живут десятки, сотни, даже тысячи лет. Есть растения, которые живут в одиночку, между другими, несродными им; есть и такие, которые живут обществами, колониями, тесно и близко друг к другу. Вот эти-то колониальные, общественные растения и определяют в любой местности растительный характер последней,— то, что называют растительным пейзажем, или флорой.

Большие или малые пространства сухих равнин, покрытые травянистой растительностью, русский человек зовет степью, полем чистым, или диким полем. Напротив, пространство, покрытое древесными многолетними растениями, стволы которых высятся на несколько сажен, зовут лесом. Пространства, вспаханные и засеянные хлебными растениями, зовутся хлебным полем в отличие от степи, или дикого поля. Кроме степи, леса и хлебного поля, отличают еще луг. Лугами зовут пространства, покрытые, подобно степи, травянистыми растениями; но различие между степью и лугом то, что последний лежит обыкновенно в долинах с влажной, сырой почвой. Типичный луг — это пойма, или травянистая равнина реки, ежегодно потопляемая полой водой. Вследствие весенних разливов, покрывающих пойму ежегодно, в течение нескольких дней и до нескольких недель, леса на ней не растут вовсе, из кустарников встречаются только ивы и тальники, зато как только сбудет вода с поймы, она покроется быстро, в несколько дней, густой, роскошной травянистой растительностью; обилие влаги в почве и в воздухе поддерживает жизнь трав до глубокой осени, до морозов, и поэтому пойма резко отличается от степи, где растения, вследствие засухи, скоро отживают, блекнут и умирают, не дожив до осени.

Кроме того, не надо забывать, что есть еще болота, расположенные во всех ложбинах и котловинах, где в почве скопилась вода. Болот множество среди поемных лугов; болота есть в степях и ле-

сах, на местах бывших озер. Итак, лес, степь, луг, болото и хлебное поле — вот главные пейзажи, отличающиеся флорой друг от друга, которые мы найдем всюду, и на равнинах и на горах. Распределение этих пейзажей, взаимное сочетание их, характер растительности, придающей каждому из них известную физиономию,— все это разнообразно до бесконечности; а это разнообразие имеет глубокое, первостепенное значение в расселении животных и человека. Всякое малейшее изменение характера пейзажа производит важный переворот в мире животных, в фауне местности. Скосите луг, сожните хлеб на поле, осушите болото, вырубите лес — и мигом животный мир местности изменится; множество животных, которых мы привыкли встречать каждый день, вдруг почти исчезнут, сбегут, зато явятся другие, которых раньше не было. Быт человека в степи и быт его в лесу глубоко различен; распахана степь, вырублен лес, и этот быт, сложившийся столетиями, быстро изменится. Для удовлетворения старых привычек нужны новые приемы, иной материал. Оттого-то лес и степь или, вообще говоря, характер местного пейзажа кладет резкую печать на привычки, нравы, на жизнь человека и животных. В этом-то именно и заключается связь человека, зверя, даже растения с его родиной.

Вот почему для знакомства с родной землей нам важно знать каждый ее пейзаж с его видоизменениями. А чтобы не блуждать в этом разнообразии, уговоримся предварительно. Степь, дикое поле есть древнейший пейзаж русской равнины. Не думайте, что степь

везде одинакова. Различают степи по почве и по растительности. Так, есть степи глинистые, песчаные, черноземные; есть степи ровные, как стол, есть волнистые, холмистые, есть травянистые, где растительность так густа, что почвы не видно, есть степи полынные есть ковыльные.

В черноземной области есть только черноземная ковыльная степь, кое-где прерванная полосками песков и полынных степей. В прежние времена ковыльная степь занимала всю южную полосу или половину черноземной равнины; теперь ее место заняли там хлебные поля.

Луг тоже представляет несколько типов. Самый характерный луг — это пойма, или пожня на речных равнинах, заливаемых полой водой. На дне широких оврагов, или балок, есть тоже луга или лужайки, по которым разбегаются вешние воды и дождевые потоки, в почве которых постоянно поддерживается влага струйками родников, просачивающихся из пластов земли. В лужайки превращаются высохшие полевые и степные болотца. Луговинами называются лесные поляны, где травянистая растительность одолела всходы древесных пород благодаря покосам и пасущемуся скоту.

Болота представляют еще большие разнообразия. Есть болота водянистые, где вода тонким слоем покрывает почву, где водоросли и мхи преобладают над осоками и другими травянистыми цветковыми растениями; есть болота кочковые, где тоже стоит вода, но осоки образовали кочки, которые, разрастаясь, постепенно слива-

ются между собой и, наконец, образуют сухое болото, переходящее затем в лужайку. Есть болота речных долин, более постоянные, более живучие; есть болота на сухих равнинах среди лесов и степей, занявшие место озер и быстро меняющие свою физиономию. Но ни степь, ни речная долина с ее озерами, лугами и болотами не представляют такого бесконечного разнообразия пейзажа, как лес. Состоящий из разных видов древесных растений, различного возраста, лес изменчив до крайности. Но и тут человек подметил и назвал главные типы.

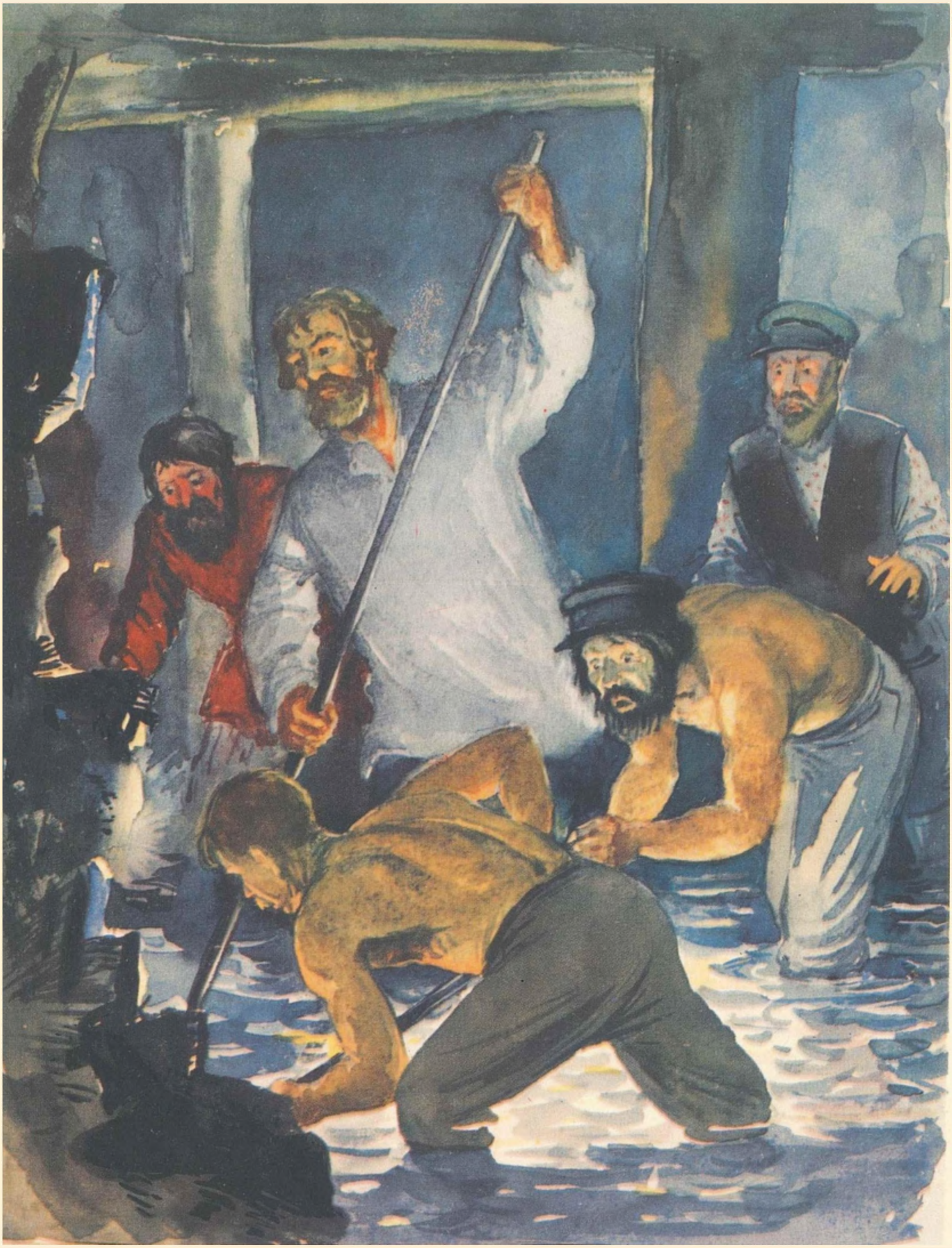
Лес, состоящий из одних только хвойных деревьев, называют бором, или краснолесьем, в отличие от чернолесья, или леса, состоящего из лиственных деревьев. Бор, по преобладанию той или другой породы, называется еловым, или сосновым. Если в нем между хвойными растут осина, береза и другие лиственные деревья, то бор зовется смешанным.

Лиственный лес, чернолесье, имеет много подразделений. Старый лес, где преобладают наиболее долголетние дуб и липа, зовут исстари дубравой. Леса небольшие, состоящие из березы или осины, зовут рощами — березовая роща, осиновая роща. Слово роща произошло, вероятно, от расчищать, так как в рощах обыкновенно мало молодых деревцов и они отличаются чистотой. Во всяком случае, русская роща соответствует английскому парку.

Отдельные небольшие лесочки среди полей и степей зовут отъемниками, колками или островами. Молодой лес зовут мелколесьем, или кустами. Лесочки, растущие в долинах рек, называются урема, уйма, коблы, гай, талы и т. д. Таковы растительные пейзажи на черноземной равнине [1].

---

[1] Статья эта осталась неоконченной. Она написана более серьезным, сухим тоном, хотя и помещена в детском журнале «Игрушечка», 1883 г. (прим. Н. Вагнер).



КАРПУШКИН РОДНИК.

Тихо и ровно текла жизнь в маленькой деревушке Гремячке. Сеяли, пахали, жали, праздники справляли гремячинцы; и жилось им неплохо, так что завидовали соседи. Земля у гремячинцев была отличная, дородная; для скотинки места привольные. Все, казалось, шло хорошо. Но пришла лиха-беда незванная, нежданная и в Гремячку.

Дело было весною. В один из праздников пошли девицы венки завивать. А куда идти: вокруг всей деревни только и лесу, что несколько ольх и черемушки у родника. Туда и направились девицы и парни, девчата и ребята справлять праздник.

Весело, с песнями, хохотом, шутками подвигалась толпа к роднику, как вдруг пронзительный крик сразу рассеял веселье. Все бегом бросились к роднику. На камне, торчавшем из клокочущей воды родника, весь мокрый, дрожащий, висел Карпушка. Ручонки отчаянно ухватились за уступ камня; одна ножонка была расцарапана в кровь, другая судорожно подергивалась и, несмотря на все усилия мальчика, не могла на что-нибудь опереться: так и осталась в студеной воде. Тело мальчика было в таком положении, что разожмись его ручонки, он бы нырнул в глубокий, клокочущий родник.

Ахнули девицы, парни же рты поразинули, увидав бедного Карпушку; прошло первое впечатление, и толпа заговорила. Целый поток брани прежде всего вылился на несчастного мальчика; но раздались голоса, как бы спасти его. Родник был широк и глубок благодаря редкой заботливости о нем гремячинцев, а главное — вода была холодна как лед. Вследствие этого толки о спасении Карпушки затянулись бы без конца.

— Э! Чаво тут лаетесь, дурни? Не пропадать из-за вас парнишке,— огрызнулся пастушонок Никитка и, как был, бросился в родник, окунулся с головой, вынырнул, подплыл к камню, ухватился за него и, поместив Карпушку на спину, поплыл назад.

Тут уже парни наперерыв показали свое усердие и поволокли на берег Никитку с его ношей. Но отцепить эту ношу оказалось нелегко. Ручонки Карпушки, как впились в ворот Никиткиной рубахи, так и замерли. Голова свесилась на грудь. Личико помертвело.

* * *

На утро случилось чудо-чудесное. Пошли крестьянки за водой, а воды как не бывало; только лужицы остались в колдобинках ручья, протекавшего чрез всю деревню. Пошли к роднику, откуда тек ручей, где вчера чуть не утонул Карпушка — хвать! — и там воробью не напиться.

Молва везде бежит быстро. Пока женщины стояли у родника, из Гремячки бежало к ним все ее население, от мала до стара.

Стоит народ, дивуется. Как это вчера еще чуть Карпушка не утоп, а теперь камень один? Воды как не бывало, словно выпил ее Карпушка.

— Да и впрямь выпил этот ирод,— заговорила Сидориха,— вы думаете спроста вода пропала? Нет. Опоганил он ее, окаянный антихрист. Последние дни, знать, пришли. Антихрист народился. Пропадать нам всем, видно. Говорю вам, выгоните из деревни Карпушку. Не то все помрем без воды. Странница при мне сказывала: горе дому сему, ибо лукавый тут. Вот и сбылось. Вот он лукавый-то, Карпушка и есть.

— Слыхано ли дело,— вступился староста,— младенца лукавым обзывать? На все божья воля. Повинен ли Карпушка, что в родник попал? Давай, братцы, лучше почистим родник. Вишь, давно мы его не чистили. Может, засорился.

Все с радостью ухватились за мысль старосты. Мигом принесли заступы, лопаты, и работа закипела. Но роют час, другой, третий... целые вороха каменника кругом навалили. Мокрый камень, а воды нет как нет,

Ждали-ждали хозяйки воды, но и те потеряли терпение, пошли на пруд, что пониже деревни. Пришли туда, а навстречу мельник Трифон.

— Что случилось? Аль воду всю выпили? У меня мельница стала.

Рассказали ему женщины про чудо. Мельник опрометью бросился бежать в деревню. Так прошел день-другой, прошла неделя, а воды нет в роднике. Наступили жары. Вода в пруде зацвела, испортилась. С каждым днем и пруд стал пересыхать. В деревне появились болезни, а Сидориха все свое толкует: «Выгоните Карпушку, не то все сгинем». Все больше и больше являлось у нее сторонников, по мере того как росла сухая беда.

Болезни усиливались. На скотину пришел мор. Пригонят стадо на водопой к пруду, смотришь — та или другая корова раздуется — и дух вон.

Не выдержали гремячинцы и порешили на сходе всем миром удалить Карпушку. Сидориха торжествовала.

* * *

По пыльной дороге, под палящими лучами солнца, тихо двигалась телега, а на ней, заливаясь слезами, сидела Катерина. Возле нее, на полушубке, спал Карпушка, только что оправлявшийся от тяжкой болезни. Катерина сама не знала, куда ее везут. Телега, наконец, въехала в околицу деревеньки и поровнялась с барским домиком, утонувшим в зелени сада. Выскочили две дворняжки и подняли лай.

— Дядюшка Трифон,— очнулась Катерина,— да куда же ты меня везешь? Нет, постой, родимый, пусти — схожу к барыне, поклонюсь ей в ноги.

А барыня давно знала Катерину, которая не раз ходила к ней на работу.

— Вот что, ты живи у меня, Катеринушка; дело тебе найдется; родника у меня Карпушка не выпьет. Сашеньке моему скучно, пускай играет с ним.

Сдружились они с барчонком Сашей так, что один без другого — никуда. Вместе играли день-деньской, вместе и засыпали — Саша в кроватке, а Карпушка просто на войлочке, в уголку детской. Время шло. Приятели росли. Саша стал учиться, а Карпушка сидит и слушает да так внимательно, что Сашина воспитательница его стала учить вместе с Сашей. Пришла, наконец, пора везти Сашу в гимназию. Велико было горе обоих, но на все просьбы

Саши его мать наотрез отказалась взять в город Карпушку. С горькими слезами проводил Карпушка своего Сашеньку. Прошла масленица; наступила страда для горемычного мальчика.

* * *

Не впрок пошло гремячинцам изгнание сироты. Вода в роднике не показывалась. Выискали гремячинцы знахаря, привезли в деревню. «Пусти только воду, что хочешь дадим».

Двенадцать ночей ходил знахарь вокруг родника. То там, то тут по долине горшки ставил. Нет проку, да и только. Пойдут утром — горшки сухи. Даже горе его взяло. Наконец-то судьба сжалилась над ним: пониже деревни, как раз в голове бывшего пруда, один горшок оказался потным. Пришел знахарь в деревню, собрал народ.

— Молитесь богу, православные,— говорит,— смиловался над вами господь. Бери заступы, лопаты, ведра. Пойдем колодец рыть.

— А как же родник? — говорят ему.

— Об роднике,— отвечает,— и забудь. Нет его и не бывать вовеки. Прогневили вы господа.

Колодец вырыли. Водой запаслись. Знахаря проводили с честью. Но лучше не стало гремячинцам. Вода в колодце была жесткая, нездоровая. Скотина с нее совсем извелась. Детушки тоже мерли, как мухи. Гремячка запустела. Половину домов заколотили. Кто куда разбрелись из родного гнезда гремячинцы.

* * *

Прошло лет двадцать. Железные дороги сетью покрыли русскую равнину. Далеко на юге, где красивый Донец прихотливо извивается по широкой степи, где недавно еще паслись только бесчисленные стада мериносов да чумаки тянулись обозами на украинских волах, как грибы после дождя, выросли не то городки, не то заводы. В самой степи закипела кипучая деятельность. Тысячи

рудокопов день и ночь работали глубоко в земле, под теми городками, вытаскивая на поверхность степи один из драгоценнейших кладов земли русской — антрацит, лучший сорт каменного угля.

Дело было в июне. В одном из таких антрацитовых городков все готовились к празднику. За несколько дней до того углубили главную шахту и напали на богатый пласт антрацита. Управляющий копями на радостях решил устроить угощение рудокопам в новой галерее. И вот из больших глыб антрацита в обширной галерее устроены столы. Рудокопы спешат наперерыв приготовить все для пира. Управляющий, как генерал в сражении, отдает направо и налево приказания, следит за приготовлениями, бранится,— словом, командует. Вот он замечает, что один рудокоп добрый час уж стоит в дальнем углу шахты, где пробит слой антрацита до дна, и только смотрит в яму да слушает.

— А ты, что, лентяй, тут делаешь? — крикнул управляющий.— Пошел к своему делу!

Рудокоп нехотя повиновался.

Наконец приготовления кончились. По сигналу управляющего в шахту стали спускать гостей, съехавшихся с окрестных копей.

У главного стола собрались гости, за остальными виднелись группы рудокопов. Настала торжественная минута. Управляющий, зачерпнув чаркой водку, приготовился провозгласить тост.

Вдруг в шахте раздался страшный треск: при входе в галерею рухнула груда камней, а за нею ворвался бурный поток воды.

Все оцепенели от ужаса. Водяной поток с шумом вкатился в галерею; вода струйками побежала по полу. Страшный вопль огласил своды, и снова воцарилась тишина. Сознание неминуемой смерти охватило всех и каждого. Минута была ужасная. Более полутораста человек, словно окаменелые, стояли при тусклом свете фонарей в ожидании конца. Все человеческие чувства, казалось, покинули их; это были живые мертвецы.

— Ко мне, сюда! — раздался в дальнем глухом конце галереи звучный голос.— Сюда, кому жизнь мила! Бери струмент, скорее сюда! — и глухой удар лома раздался в той стороне.

Безотчетно кинулась толпа рудокопов на этот неожиданный могучий призыв к жизни.

— Складывай плотину. Живей! А вы пробивайте здесь,— раздался тот же голос.— Да ну же, поворачивайся! Вот так. Скорее, ребятушки. Пробей вот тут. Пошире, пошире!

После каждого удара лома камни с грохотом падали в глубину. А вода все прибывала. Вот-вот еще и она забралась бы на столы с закуской.

— Стой! Довольно! Берегись, унесет.

Еще секунда... вода хлынула в пробитое отверстие... раздался первый удар потока о дно пропасти.

— И глубока же,— промолвил рудокоп.

Спустя несколько минут вода в галерее стала убывать.

— Ай да Гудок! Уважил, брат. Не видать бы без тебя свету вольного,— раздалось в толпе.

Это было сигналом. Десятки рук направились к рудокопу, охватили, подхватили его; десятки бород одна за другой скользили по его лицу, и жадно припадали иссохшие губы спасенных к его губам. Сам управляющий, протискавшись, наконец, сквозь толпу, обнял и расцеловал того самого рудокопа, которого недавно обругал лентяем.

— Как это ты нашел? Куда же вода? — бессвязно спрашивал старик.

— Стойте, ваше благородие, еще не все кончено. Как-то мы выйдем отсюда!

Действительно, выход из галереи был заперт. С шумом лился водопад в узкой трубе шахты, ведущей в галерею. Пробиться через его струи наверх нечего было и думать. Первое обаяние надежды исчезло. Главный инженер копей, на вопрос управляющего как быть, растерянно ответил: «Подождем немного, может быть, поток иссякнет».

— Чего ждать, ваше благородие? Рук здесь не занимать; вода бежит не со степи, а с верхней галереи: взять да пробить косой ход выше ее, и работы-то всего сажени с три,— промолвил Гудок.

— Да, да, пробить, пробить, одно средство,— спохватился инженер,— действительно, пробить вот здесь. Эй, вы, начинай.

— Нет, здесь вот способнее будет.

— Ну, и Гудок! — говорили рудокопы.— На дню два раза выручил.

Работа закипела. Старший инженер с каждым ударом кирки все больше и больше входил в свою роль. Рудокопы пересмеивались. Он суетился, кричал, ругался, но дело шло как по маслу.

Наверху, над шахтой, происходила другая сцена.

* * *

Жены и дети рабочих и служащих, опоздавшие гости, случайные люди — все это столпилось в ужасе около входа в шахту; вся эта толпа говорила, вопила, плакала. Да и как не плакать? Там, в глубине шахты, для многих десятков из этой толпы погибало все дорогое — отцы, мужья, кормильцы.

В третий раз уже вытянули подъемную машину из шахты, и мокрые от головы до пяток люди, бывшие в ней, заявили, что спуститься в нижнюю галерею нет возможности.

В это время прискакал инженер с соседней копи. Расспросив, в чем дело, он велел подать лампу и спустился в шахту. Достигнув верхней галереи, он убедился, что поток бежит из нее. Кое-как, при помощи крюков и шестов, инженер пробрался в галерею.

Недалеко от входа, в одной из боковых стен из широкой трещины со страшной силой лилась могучей струей вода. Осмотрев до мельчайших подробностей родник, инженер пошел дальше по галерее и, дойдя до конца ее, убедился, что вся беда — это родник, прорвавшийся от неряшливой разработки пласта антрацита.

«Надо остановить воду,— говорил он сам с собой,— но спасешь ли их? Вероятно, вода давно уже залила несчастных. Ну... авось».

— Эй, ребята! — крикнул инженер, поднявшись наверх.— Давай мешки, насыпай в них глины! Живей!

— Что? Как? — пристали к нему.

— После, после. Теперь мешков скорее, мешков и глины! — и, захватив несколько рудокопов с мешками, инженер спустился вниз, в верхнюю галерею.

Уложили около головы рудника ряд мешков полукругом: на первый, другой, третий; рудокопы вступили в настоящую борьбу с водой. Она сталкивала мешки, сшибала рабочих и снова разливалась по галерее.

— Скорее мешков! — кричал инженер. Люди употребляли отчаянные усилия.

— Высыпай глину за запруду! — вода клокотала там.— Еще, еще глины! Влезь туда! Топчи ногами! Глины, глины больше! Топчи ее, молодцы! Подопри мешки! Эй, братики, еще немножко! Вот-вот, еще мешочек и делу конец!

И, правда, люди восторжествовали: как ни клокотал родник, а в конце концов глина замкнула ему пасть. Поток был заперт.

— Не верь ему, ребятушки, тащи еще глины, обкладывай плотину камнями. Вода шутить не любит. Вот так. Насыпь еще здесь. Подопри тут,— командовал инженер.

— Спусти машину! — раздался голос из входной шахты.

— Живы, живы! — крикнул инженер.— Дружнее, друзья, закрепляй хорошенько.

Действительно, за шумом работы в верхней галерее и не слыхали, как против ее входа рухнула земля, и в отверстии показались две-три головы рудокопов, пробивавших ход из нижней галереи.

— Живы ли, братики?

— Гудок выручил,— было ответом.

Подъемная машина работала как никогда еще, доставляя наверх спасшихся рудокопов.

А там, наверху, на широком дворе антрацитового городка, вокруг входа в шахту, стояла густая толпа. С живым участием эта шумная, двигавшаяся толпа следила за работой подъемной машины и осаждала вылезавших из нее рудокопов одними и теми же вопросами о том, как все там было.

— Гудок, Гудок! — гудело в ответ.— Если б не Гудок, не будь Гудка...

— Ну, чего тут Гудок! — возразил старик рудокоп с соседней копи.— Гудок Гудком, а все же наш Александр Иваныч воду заглушил.

— Какой там Александр Иваныч, и в глаза его не видали. Говорят тебе, Гудок воду спустил.

Слово за словом, мигом образовались две партии. Одна уверяла, что Гудок спустил воду; другая — что Александр Иванович остановил воду.

Спор разгорался не на шутку и, вероятно, кончился бы дракой, но, к счастью, в это время последняя партия рудокопов выходила из машины.

— Гудок, Гудок! — пронеслось в толпе, и вся она тесно сомкнулась кольцом у входа в шахту.

Всякий хотел взглянуть на Гудка; каждому хотелось встать к нему ближе, дотронуться до него. Гудка душили объятиями; его толкали из стороны в сторону; он задыхался, оглох, перестал понимать.

— Ослобоните, братцы, дайте вздохнуть! — молил он.

Но толпа была неумолима: она жала, давила его; бедный Гудок давно уже потерял землю под ногами.

— Будьте милостивы, конец мой приходит! — отчаянно закричал он.

Наконец-то толпа отхлынула, и Гудок очутился на свободе, измученный, усталый, запыхавшийся.

— И что вы накинулись! — сердито заговорил он.— Слыханное ли дело, в такое время игры затевать. Скажи-ка лучше: кто знает, отчего вода наверху пересякла? Не сдобровать бы нам, если б она не остановилась.

— Александр Иваныч запрудил,— вмешался старик.— Что, не говорил я вам,— озирался он кругом,— не говорил я вам, что Александр Иваныч всему делу голова?

— Какой Александр Иваныч? — спрашивал Гудок.— Как запрудил?

Гудок оглянулся и... окаменел.

К ним приближался управляющий под руку с молодым инженером. Толпа расступилась перед ними.

— Вот и Гудок, спаситель наш,— начал было управляющий,— он один...

— Карпушка! Голубчик ты мой!

— Сашенька... ваше благородие...— путался Гудок.

И в ту же минуту рудокоп и инженер обнялись крепко-крепко, словно братья родные.

Толпа только ахнула, пораженная этим; управляющий широко раскрыл глаза и онемел от удивления.

— Что же это такое? Разве вы знали Гудка? — спросил, наконец, он.

— Карпушку-то моего? Как же не знать! — и Александр Иванович рассказал все: как выгнали Карпушку из Гремячки за высохший родник; как они сдружились и пировали в хуторке его матери.

— Ну, вот с тех пор лет двадцать уже не видались мы. Думал я, что и вовек не увижу старого приятеля. А вот где встретились,— закончил инженер.

— Только не знали мы, братцы,— заметил один из рудокопов,— что у Гудка утроба, словно море бездонное. Вишь, родники выпивает! — и толпа хохотала, забыв минувшую беду; у всех стало весело на душе.

— Однако, братцы, пора и честь знать,— заговорил управляющий,— пора и спасибо сказать нашим спасителям. Спасибо вам, Александр Иваныч, спасибо тебе, Карпуша Гудок. Все мы не забудем нынешнего дня, пока живы.

— А теперь, Карпуша, от меня лично и от детей моих прими этот подарок,— управляющий подал ему пять сторублевок.

— Нет, ваше превосходительство, не надо мне,— говорил сконфуженный Карпушка,— я ведь не для этого...

— Возьми, возьми,— заметил инженер, смеясь.— Или забыл, что в Гремячке родник выпил? Вот на эти деньги и пусти его снова, на утеху гремячинцам.

— Какое слово-то ты сказал, Сашенька! Да разве это можно? Там и то сколько бились, и ничего ведь не добились.

— Об этом вы после поговорите,— вступился управляющий,— а теперь, как хочешь, возьми, Карпуша, не обижай моих деток. Если б не ты, плохо бы им было.— И старик обнял Гудка.

В это время из толпы отделилось несколько человек и несмело приблизилось к управляющему.

— Федор Петрович,— начал один,— мы того... мы, то есть, тоже очення благодарим Карпа Тимофеича, потому пропадать бы нам. Ты, Карп Тимофеич, не обессудь, обчество хочет, чтобы... то есть кажинный год в этот самый день, что заработаем — все тебе. Потому ты нам... во как уважил, пуще отца родного! — И рудокоп поклонился Карпушке в ноги, а за ним и все.

— Ах, чтоб вас! — зарычал Карпушка.— Вишь какого купца нашли. Ну, нет уж этому не бывать.

...Что надумали. Сам с ваше заработаю.

Рудокопы даже опешили.

— Стой, Карпушка. Слушайте, братцы,— вступился инженер.— За то, что он ругается, нет ему ничего. А все же день этот памятен вам будет. Что случилось сегодня, при нашей работе бывает не раз. Не всегда так счастливо отделаешься от беды. Много бы и нынче у вас вдов и сирот осталось голодать, если б не Карпушка. А коли порешили вы работать в этот день на Карпушку, то будь по-вашему; деньги же эти складывайте в кассу; кладите, как сказали, из году в год. Случится с кем из рудокопов беда, тогда этими деньгами и можно помочь несчастным. Поняли? А Карпушке на что ваши гроши — сам заработает.

— Это правильно, это так,— оживленно отозвались рудокопы.— А все же спасибо и тебе, Александр Иваныч. Будем век и тебя и Карпа Тимофеича поминать.

* * *

Дня через два на пегой лошадке оба приятеля въехали в околицу Гремячки. Грустная картина представилась им: на местах бывших дворов были пустыри, поросшие крапивой; несколько полуразвалившихся изб стояли без окон, дверей и заборов. Во всей деревушке оказалось пять жилых домишек, да и на те жалко было смотреть. Это была не та сытая, зажиточная Гремячка, которой двадцать пять лет назад завидовали соседи.

На завалинке одной избушки сидел седой, сгорбленный старик.

— Здравствуй, дедушка Трифон! — крикнул Карпушка.

— Здравствуй, молодец. Кто такой будешь?

— Не признал, дедко. А помнишь, как выгнали солдатку Катерину с Карпушкой, ты отвез их из деревни. Ну, этот самый Карпушка я и есть.

— Ну, не признал, где признать. Добро жаловать, Карпеюшко. Где побывал, родимый?

— Об этом, дедушка, после. Теперь же покажи нам, где был родник,— перебил его инженер.

И принялись они с Карпушкой за работу. Инженер осмотрел засорившийся родник, снял подробный план местности, изучил выходы пластов в окрестных оврагах, а воротясь домой, чуть не всю ночь занимался вычислениями, которых Карпушка решительно не мог понять.

На другой день работа продолжалась, и, наконец, уже под вечер Сашенька велел Трифону собрать сходку. Собрались гремячинцы от малого до старого.

— Здесь был у вас родник?

— Тут, тут, батюшка.

— И много воды было?

— Мало ли воды! Речка текла; пониже деревни у дяди Трифона мельница молола.

— А попрежде, старики сказывали, пеструха [1] водилась.

— Неужели же и в самом деле Карпушка родник выпил?

— Кто его знает? Только в ту же ночь пропала вода, как он в родник попал.

— Ну, так вот, что скажу вам, братцы. Ни Карпушка, ни вы не причинны в пропаже воды. Да и вода ваша не пропала. А что выгнали вы Карпушку, в том виноваты перед ним. Согласны ли вы, чтобы загладить эту вину, отдать Карпушке вот это место? — и инженер показал лощинку вокруг бывшего родника.

— Да нам что, батюшка, бери он любое место. Все разбежались отсюда, не то, что к нам идти. Одно слово — безводье лихое.

— Значит, отдаете?

— Отдаем, отдаем.

— На вечные времена?

— Да мне на что же, Сашенька? — спросил в недоумении Карпушка.

— После узнаешь. А теперь ставьте колья тут, тут, тут. Ну, вот, значит, это Карпушкин участок.

---

[1] Пеструхой называют форель.

— Нешто, нешто, его будет.

— Здесь Карпушка выстроит мельницу, и ты, Трифон, будешь хозяйничать на ней.

— Как же, батюшка, для ветрянки-то тут не способно в овраге.

— Ладно, увидишь,— сказал инженер.— А вам, братцы, Карпушка даст за то столько воды, сколько и деды и прадеды ваши не видали. Пока прощайте.

Покачали гремячинцы головами, когда проводили инженера, и порешили, что барин-то того, то есть не в своем уме. А скалозубы Трифона на смех подняли:

— Смели,— говорят,— дедушка, мучки, да смотри, не подмочи только.

* * *

Прошла неделя, прошла другая — нет ни инженера, ни Карпушки, ни воды. Послышат — и с хутора-то они давно уехали.

Только вдруг однажды утром смотрят гремячинцы — к ним обозы идут. На одних возах бревна, доски, жернова; на других — камень тесаный, а там еще машины какие-то невиданные. На переднем возу сидит Карпушка, а за обозами — целая артель рабочих. Вся Гремячка вышла навстречу.

— Здравствуйте, земляки,— поклонился гремячинцам Карпушка.— Пособите с возов сложить.

— Неужели взаправду нам воду пустишь, Карпуша? — промолвил Трифон.

— Вон у Сашеньки спроси.

А Сашенька тут как тут, на своей пегашке.

Тем временем с возов сложили. Развернули машины. Карпушка хлопотал без устали и, наконец, пришел доложить инженеру, что все готово, пора и начинать. Саженях в пятидесяти от бывшего родника и сажен на девять выше его, на склоне холма.

Заложили буровую скважину, вставили бур, и работы начались. Толпа стояла кругом молчаливая, удивленная.

— Так и побежит здесь вода, Александр Иваныч?

— Не только побежит, фонтаном будет бить.

Вслед за тем заложили и мельницу. Трифон, удивленный не меньше других, обхаживал кругом жернова, щупал чугунные шестерни; техник, строивший мельницу, объяснял старику подробно каждый механизм.

Карпушка командовал своим делом. Ему поручено было устроить ложе для будущей речки.

Сам Сашенька сидел неотлучно у буровой скважины; записывал по временам что-то в книгу, смотрел свои планы и проекции. Если б знающий человек взглянул на эти планы, то сказал бы, что Сашенька вложил всю свою душу, все свои знания в дело друга. На основании своих исследований он был убежден, что найдет воду в изобилии; но этого ему было мало. Сашенька задался мыслью пустить воду так, чтобы она вся шла на дело и из полумертвой деревушки сделать образцовое поселение. Пользуясь крайне счастливыми топографическими условиями местности, он составил следующий план:

Вода артезианского колодца должна падать в обширный каменный резервуар, из которого она потечет двумя отводными трубами. Одна из труб понесет воду на мельницу, в которой, кроме мукомольного и обдирочного поставов, будет еще привод молотильной и веяльной машин. Вода из-под мельничных колес, системой канав, должна разливаться по плоскому дну долины, где некогда извивалось ложе ручья; таким образом, эта загрязненная навозом площадь в несколько десятин обратится в богатейший огород.

Вторая отводная труба понесет воду по склону, где расположена Гремячка, позади изб, и будет снабжать как жилища, так и будущие садики гремячинцев. Вся вода, вообще, отработав в пределах деревни, направлялась каналом к тому месту, где был старый пруд Трифона. Пониже этого пруда на плане значилось какое-то здание вроде фабрики или завода, вокруг него новый поселок, с огородами, садами, орошаемыми из Трифонова пруда.

Словом, план Сашеньки представлял что-то фантастическое, и можно было подумать, что инженер, действительно, не в своем уме.

На осуществление этого плана нужно было бы много денег, гораздо больше, чем было у Карпушки и Сашеньки вместе. Никто лучше самого Сашеньки, конечно, не знал этого. И если б заглянуть в его тетради, то увидали бы, что там есть самые точные расчеты всех работ и их стоимости.

Но Сашенька не унывал и смело принялся за работу; не унывал и Карпушка, посвященный в тайну инженера. В Гремячку каждый день являлись толпы любопытных: приходили крестьяне из окрестных сел, приезжали кавалькады соседних барышень и помещиков; становой, исправник и другое начальство тоже навестили Гремячку и отписали кому следует о действиях подозрительного инженера. Самые фантастические рассказы разошлись по целой губернии.

* * *

Работы между тем шли своим чередом. Мельница была готова: Карпушка вывел почти все главные канавы и учил крестьян, как надо выровнять и устроить огороды, чтобы пользоваться водой. Наконец и буровая труба, по расчету Сашеньки, должна была достигнуть водяного слоя. Бурение приостановили, занялись устройством бассейна и укладкой труб.

— Карпушка, послезавтра открывать трубу и шабашить дело.

В назначенный день густая толпа народа стояла стеной вокруг бассейна. Около бура работа кипела. Вместо сухой земли и камней в буровой трубе показалась грязь.

— Довольно! стой! — скомандовал Сашенька.— Отойди прочь все! — и, повернув рукоятку клапана, он отбежал прочь сам.

С глухим шумом из трубы вылетел на высоту 3—4 сажен фонтан грязи и обдал всех окружавших. В страшном испуге все бросились прочь.

Через несколько секунд столб воды упал до двух аршин, и на этой высоте фонтан остановился. Грязная вода заменилась чистой, прозрачной, которая наполнила в минуту бассейн и потекла по отводным трубам.

Сашенька зачерпнул воды ковшом, попробовал ее, снял шапку, поклонился народу.

— С новой водой, с новой жизнью, братцы-гремячинцы! — и поцеловал Карпушку.— Пей, братцы, на здоровье. Теперь видите, выпил ли воду Карпушка.

Все наперерыв бросились пробовать воду: она была превосходна.

Сашенька с Карпушкой в сопровождении гостей пошли на мельницу, где все было уже подготовлено.

— Ну, мельник,— обратился инженер к Трифону,— открывай кауз [1].

Старик исполнил приказание. Колеса двинулись плавно, тихо и завертелись полным ходом. Но ни стуку ни шуму, столь обычного на обыкновенных мельницах. Трифон даже ахнул.

— Ну и штука! Во сне не чаял видеть. И не стучит даже!

Инженер пристально следил и изучал водяную струю.

— Карпуша,— говорил он,— воды-то больше, чем я ожидал. Запри кауз. Вели надеть ремень. Все ли готово в молотилке? Пускай оба механизма за раз.

И молотилка вместе с мельницей начали работать исправнейшим образом.

---

[1] Каузом называют трубу, ведущую воду на мельничное колесо.

— Поздравляю, поздравляю! — говорил предводитель, слывший за великого агронома.— Признаюсь, такого устройства и подобной работы не видал. Но скажите, любезнейший Александр Иванович, что побудило вас затратить столько денег, столько работы, ума — такой блестящей работы — для того, чтобы снабдить водой какие-то четыре-пять семей жуликов в такой глуши, где ни фабричного дела, ничего, словом, нет? Воля ваша, для меня, для всех нас это непонятно. Согласитесь, что эти чудные механизмы, этот восхитительный фонтан, наконец, эта система орошения,— это все даже несвоевременно, преждевременно.

— Погодите, Петр Петрович, все окажется потом своевременным, практичным и целесообразным. Согласитесь и вы, наконец, что я не совсем еще спятил, как то уверяет вся ваша губерния. Имейте терпение и пойдем смотреть Карпушкины каналы.

Вода из-под мельничного колеса разлилась ровно по системе каналов и дошла уже почти до Трифонова пруда.

Пустили воду на образцовый огород, устроенный Карпушкой. Она живо затопила грядки.

— Тут-то добро! — вступились бабы.— Затейник же ты, Карпуша. Гляди-ко, и поливать не надо.

Осмотрев все в подробностях, вернулись к фонтану.

— Не убывает ли вода? — спросил инженер.

— Нет, Сашенька, фонтан поднялся на три вершка. Вторую трубу отперли.

— Готово ли все, Карпуша?

— Готово, Сашенька.

— Ну, господа, теперь на радостях закусим, чем бог послал.

В бараке был приготовлен завтрак для гостей, а кругом Карпушка устроил угощенье для рабочих и гремячинцев.

За завтраком предводитель снова пристал к инженеру с вопросами, зачем и для чего он все это устроил для четырех семей?

— Чудной вы, Петр Петрович, четыре семьи превратятся в четыреста, а то и больше. Слушайте же теперь, расскажу вам все по порядку.

— Более двадцати лет назад, вон там, внизу, у мельницы, маленький мальчик любовался тем, как вода клокочет на дне родника, разноцветные камешки так весело скакали, подпрыгивали на дне. Ребенку вздумалось достать их, и он едва не поплатился за это жизнью. Вдруг в ту же ночь родник иссякает. Суеверие приписывает это чарам ребенка, и его выгоняют из деревни. Нужно ли говорить вам, что это был Карпушка? Судьба привела его ко мне. Мы сжились и сдружились крепче родных братьев. Происшествие с родником глубоко врезалось в памяти моего приятеля, а затем

впечатления его привились и мне. Мы напрасно ломали детские головы над этой загадкой. Вопрос за вопросом вставал перед нами: откуда берется вода в роднике, куда сбегает вода реками, куда вода уходит в прудах, которые мы прудили после дождя? Прошли наши детские годы. Вопросы остались нерешенными, а нам пришлось разлучиться на два десятка лет. Я учился теории; Карпуша изведывал практику жизни. И вот мы снова на одной общей работе, но так, что мы даже не знаем этого. Во время наводнения в антрацитовой копи Карпуша спускает воду, спасая этим более полутораста человек; я, не зная, что он там, помогаю ему, останавливая подземный поток. Нам с Карпушей тотчас пришел на память иссякший родник — причина нашей первой встречи. Тогда порешили мы ехать домой и попытаться открыть родник. Вот видите, открыли. Исследования, сделанные для этой цели, показали мне, что вода здесь содержится в песчаном пласте, под ним и над ним лежат слои глины. Вода, стекая по пласту в бассейн родника, постепенно вымывала песок и камешки (те самые, которые увлекли Карпушу) и сносила их в бассейн. На месте песчаного пласта образовалась пустота. Тогда верхний слой глины от собственной тяжести осел и запер водяной поток. Поэтому я стал искать воду выше этой пробки. Можно было, конечно, пустить воду с незначительными расходами, и вы справедливо удивляетесь, зачем мы затратили так много. Но вас удивит еще больше, если я скажу, что не далее, как через три-четыре года мы сторицей получим нашу затрату; через несколько лет вместо этих избушек будет городок, конечно, не из четырех семей. Тысячи людей будут приходить сюда на работу. Карпушкин родник будет питать десятки тысяч народа. Вот взгляните на мой договор с крестьянами. По этому договору мы с Карпушей даром пустили им воду и сделали все сооружения. Мельница принадлежит гремячинскому обществу, но доход с нее пойдет исключительно на школу, которая будет вот здесь. Взамен того мы с Карпушей пользуемся исключительным правом искать в земле гремячинского общества в течение 90 лет все руды и минералы и разрабатывать их в свою пользу. А что мы найдем или нашли, то увидите после.

* * *

Лет пятнадцать спустя, действительно, Гремячка была неузнаваема. Вместо развалившихся избенок стояли каменные дома, тонувшие в зелени садов и огородов. Карпушкин родник очутился в саду, за которым возвышался каменный дом технической школы.

Румяные, толстые мордочки школьников вовсе не были похожи на худенькие личики ребят, бывших при открытии родника. Около Трифонова пруда раскинулся завод, где выплавляли десятки тысяч пудов превосходной меди...

В светлой комнатке, бывшем кабинете инженера, студент учил мальчика.

Дверь отворилась: вошел не старый, но как лунь седой Карп Тимофеевич Гудок.

Прислушавшись к ответу мальчика, он погладил его по голове.

— Учись, сынок, учись! Учись, дружок,— в одном лишь знании сила человека.

Дорогие юные читатели!

Автор этой книги, выдающийся ученый-зоолог и путешественник Модест Николаевич Богданов, написал для детей «Рассказы из жизни русской природы» еще в 70—80-х годах прошлого столетия.

Тонкая наблюдательность, любовь к природе, к исследованию, в сочетании с большим художественным мастерством, позволили автору искренне, талантливо написать свои очерки и рассказы о птицах и зверях. Интересны запоминающиеся на всю жизнь картинки из жизни животных: «Белка», «В колосистой ржи», «Кабаны», «Глухарь», «В лесной глуши». Рисуя красочно явления живой природы, автор в ряде мест, увлекаясь, переходит к форме стиха, к сказке, приписывая животным человеческую мысль (Орлиная дума), речь (Война сорок с лисицами). Увлекательно поэтично написаны рассказы: «Синичка», «Соловей», «Скворушко». Поучительны для детей рассказы: «О чем горевали птички», «Птицеловы», «По гнезда, по яйца!», «Жозеф Реми», «Карпушкин родник». В этих рассказах автор разоблачает предрассудки, вытекающие из невежества людей, не знающих законов природы и потому создающих суеверия. Кроме того, в этих рассказах автор учит, как надо обращаться с дикими животными в целях их приручения, как содержать в неволе полезных птиц и т. д.

Читая произведения М. Н. Богданова, читатель безусловно поймет, что автор изображал бытовые картинки, свойственные для того времени, когда он жил и работал. Однако описываемые идиллические взаимоотношения между барином Сашей и крестьянином Карпушей в рассказе «Карпушкин родник» вовсе не типичны для царской России, а являются исключением. Вопросы классовых взаимоотношений автор подает под влиянием народнических либеральных идей.

Тепло и задушевно М. Н. Богданов описывает характеры детей из трудового простого народа, которые в тяжелых условиях помещичьего строя тянулись к недозволенным для них знаниям науки; не имея возможности получить образование, они сами жадно тяну-

лись к знаниям, к исследованию природы и настойчиво овладевали тайнами природы. Об этом рассказано в «Жозеф Реми» и «Карпушкин родник».

Достойна подражания сама жизнь автора, она вся посвящена служению науке, исследованию природы, просвещению народа. Поэтому в начале книги М. Н. Богданова мы поместили биографический очерк о нем, написанный его современником и другом Н. П. Вагнером. Книги Н. П. Вагнера вам, юные читатели, должны быть известны под названием «Сказки кота Мурлыки».

Переиздавая книгу М. Н. Богданова «Рассказы из жизни русской природы» наряду с его книгой «Мирские захребетники», мы считаем, что она принесет вам несомненную пользу в познании родной природы. Она, может быть, заставит вас еще раз задуматься над тем, какую пользу каждый из вас может принести в охране полезных животных, исследовании и преобразовании природы, в приумножении богатств нашей Родины.

Редактор

СОДЕРЖАНИЕ

Модест Николаевич Богданов 3
В лесной глуши 13
Белка 23
Кабан 29
Из летописей зимы 37
В колосистой ржи 43
Что такое птица? 53
Беседы о певчих птичках 61
Необходимые объяснения . . . . —
Основные правила содержания птиц 64
Птицеловы 71
Осенний перелет птиц 87
Соловей 99
Синичка 109
О чем горевали птички 125
Скворушко 131
Орлиная дума 137
Глухарь 143
По гнезда, по яйца! 155
Война сорок с лисицами 163
Колюшка 169
Жозеф Реми 175
Черноземная равнина — житница русской земли . . 187
Карпушкин родник 197

Модест Николаевич Богданов

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ РУССКОЙ ПРИРОДЫ

Редактор *М. Ф. Труевцева*
Технический редактор *М. Д. Козловская*
Корректор *Т. М. Графовская*

* * *

Сдано в набор 25/III 1960 г. Подписано к печати 2/VIII 1960 г. $70\times92^1/_{16}$. Печ. л. 13,75 (16,09) + вкл. 1 (1,17). Уч.-изд. л. 12,45 + вкл. 0,69. Тираж 40 тыс. экз. А 08703 Заказ № 558.

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

* * *

**Типография № 4 УПП Ленсовнархоза,
Ленинград, Социалистическая, 14.**

Цена без переплета 4 р. 20 к. Переплет 80 к.

С 1/I-61 г.— 50 к.

Цена 5 р.
с 1/I-1961 г.—50 к.

УЧПЕДГИЗ · 1960